Александр Дугин

Мистерии Евразии

Глава I. КОНТИНЕНТ РОССИЯ

Страна внутри

“Континенты имеют символическое значение, которое связано как с культурными стереотипами, так и каждодневным опытом. Европа коренного европейца сильно отличается от Европы, которую посещает американец или от которой стараются освободиться африканец или житель Океании. Но континентальные стереотипы не просто продукты культуры, более или менее верного знания, более или менее живой эмоциональности, более или менее ясного восприятия… Эти стереотипы, наделенные громадной психической эффективностью, укоренены в бессознательном, откуда они дают о себе знать через сны или через спонтанные реакции, подчас сопряженные с инстинктивным расизмом. И в этом случае континент не является более одной из пяти частей земного шара. Он становится символом целого мира представлений, страстей и желаний. Доктор Верн, анализируя сны одной из своих пациенток, прекрасно показал, что Азия являлась для нее не просто воспоминанием, целью и желанием совершить межконтинентальное путешествие. Азия символизировала для нее возврат к Священному, мир Абсолюта, мистерию преодоления, дорогу к Единству, послание Истины и Высшей Реальности. Азия стала внутренним континентом, каким могла бы стать Африка, Океания или Европа. Континенты и их символические интерпретации варьируются в зависимости от конкретной личности. Это внутреннее измерение может распространяться и на другие места: на город, страну, деревню и т. д. Важно лишь выяснить, что означают для каждого человека образы, ощущения, чувства, предрассудки, носителем которых он является и совокупность которых составляет всю субъективную истинность символа. География пропитана геосоциологией, геокультурой, а равно и геополитикой”.

Таково содержание статьи “Континент” из французского “Словаря Символов” Жана Шевалье и Алена Геербрана. Мы позволили себе полностью привести эту длинную цитату, так как она сразу определяет плоскость, в которой будет разворачиваться наше исследование. Часто в подъеме национального чувства и даже расизма, во вспышках патриотизма разных народов на поверхность выступают на первый взгляд иррациональные элементы, не объяснимые с помощью логических доводов или анализа эгоистических мотивов, стоящих за подобным идейным комплексом. Пробуждение национальной, расовой или континентальной памяти

подчас происходит безо всякого внешнего повода — просто глубинные архетипы бессознательного внезапно прорываются и, как цепная реакция, пробуждают весь комплекс коллективного мировоззрения, казалось бы давно ушедшего в прошлое. Примеры этому: устойчивость кельто-ирландского, еврейского, корейского, африканского, японского национализмов, которые живут и крепнут, несмотря на все социальные и исторические предпосылки, объективно способствующие их отмиранию.

В принципе точно так же дело обстоит и с "загадкой русского патриотизма". Мистическая Россия, "Белая Индия" Клюева, "Святая Русь", которую Есенин ставил выше рая, а Тютчев приравнивал к религиозному принципу, в который надо верить, — представьте себе, как абсурдно звучало бы "Святая Австралия" или "вера в Чехию"! — это безусловно глубинная реальность национальной психологии, "Внутренний Континент", синтезирующий в себе мировоззрение гигантской нации. Память об этом "Континенте Россия" может таиться и спать на дне сознания в течение долгих лет, но рано или поздно она оживает и, когда приходит время Пробуждения, становится бурей, вихрем, воплем.

Однако психическая реальность "внутренней России" для того, чтобы быть эффективной и конкретной, должна иметь определенную архетипическую структуру, соответствующую совершенно объективным историческим процессам и географическим территориям — причем не в качестве пассивного отражения внешнего, но как парадигма, формирующая и структурирующая окружающий временной и пространственный космос. В этом отношении знаменитый историк религий Мирча Элиаде проницательно заметил: "Природа представляет собой нечто обусловленное культурой (cultaralmente condizionata); некоторые "законы природы" варьируются в зависимости от того, что понимают под "природой" народы той или иной культуры".[1]

Русская Швеция

Какова же архетипическая структура "внутренней России"? На чем основывается концепция "Святой Руси"? Каковы истоки комплекса имперского народа-богоносца?

Следы этой древней традиции мы можем обнаружить в языковых архетипах, которые восходят к пласту индоевропейского единства и с поразительной устойчивостью сохраняются в топонимике, в мифах, преданиях и вообще в типовых ассоциациях символов и слов. Кроме того, весь комплекс сугубо религиозного символизма теснейшим образом связан с этой древней традицией — в противном случае крещение Руси не могло бы произойти

столь гармонично и легко. Целокупное христианское учение в своей ритуальной и символической парадигме соответствовало логике более старых культов, которые были не отменены, но преображены христианством в новом синтетическом единстве. Цикл русских житий и специфика Русского Православия дают нам тысячи доказательств этому. Приведем лишь канонический пример о летнем празднике пророка Илии, ставшем православным выражением древнеарийского “бога” грозы, неба и света — Ил (от этого же корня образовано и другое древнерусское слово “солнце”, на древнеарийском означавшее “благой свет”).[2]

Рассмотрим некоторые аспекты архетипических сочетаний, определивших логику русского национального мышления. Начнем с самого понятия “Святая Русь”.

Любопытно заметить, что, по-видимому, задолго до прихода славян на территорию России регион южно-русских степей от Черного моря до юга Урала древние арии, населявшие его, называли “Жилище Богов—Великая Швеция” или “Холодная Швеция”, которая лишь значительно позже переместилась вместе с германскими племенами в Скандинавию, ставшую “Жилищем Людей — Малой Швецией”. Именно через эту “Великую Швецию” протекали сакральные реки древних ариев — Дон (Танаксвиль или Ванаксвиль — “рукав реки, где живут ваны”) и Днепр (Данапру или по-гречески “Борисфен”). Само же слово “Швеция”—Sweden, Suetia — скорее всего означало “светлый, белый, световой”. Но именно этот индоевропейский корень “szet” и логически и, возможно, этимологически близок к русскому слову “святой”. Кроме того, индусская традиция до сих пор помнит о “sweta dvipa”—“Белом Острове или Континенте”, лежащем на Севере от Индии. Чаще всего “sweta dvipa” означал символический остров Варахи, находящийся на северном полюсе — месте изначального местожительства древних прапредков индусов. По аналогии вполне уместно перенести это название и на территорию временного расселения ариев до их миграции в нынешнюю Индию. То, что предки индусов — носители ведантистской традиции в ее ранней форме — определенный период времени жили на территории юга сегодняшней России, подтверждают современные археологические раскопки. Таким образом, светлая, белая, святая страна в древнейшие времена связывалась с русскими землями, что могло глубоко укорениться в сознании людей — как ариев, контакты между которыми сохранялись и после того, как их языковое и традиционное единство было разрушено, так и других автохтонных палеоазиатских народов, которые не раз демонстрировали уникальную способность хранить целыми тысячелетиями мифологические комплексы, полученные ими от индоевро-

пейцев.

Вторым компонентом сочетания “Святая Русь” является само название “Русь”. Одно из наиболее вероятных и приемлемых этимологических толкований этого слова — арийский корень “ros” (сравни немецкое “rot”, латинское “russus”, французское “rouge”, английское “red”, санскритское “rohita”), означающий красный, рыжий, розовый. При этом совершенно неважно, названа ли Россия так по имени славянского или скандинавского племени. Главное, что на бессознательном уровне красный цвет тесно связан с Россией—это один из излюбленных цветов русских князей, да и само слово “красный” помимо цвета на древнеславянском языке означало “красивый”, “видный” и т. д. Любопытно также, что другое русское слово для обозначения красного цвета — “чермный”— этимологически близко к слову “черный”. В древнеиндусском этот же корень “krisna” также означал “черный” и “красивый”. Не исключено, что эта этимологическая связь некоторым образом запечатлелась в языковых ассоциациях и в полустертых семантических структурах языкового мышления, придав смыслу слова “красный” некую полуосознанную связь со смыслом слова “черный” (т. е. “выделенный”, “четко очерченный” и т. д.).

Если мы соединим эти две линии, то увидим, что концепция “Святой Руси” может быть переведена в цветовую символическую диаду: “белое — красное” или даже “светлое — темное”. И не случайно сочетание “белое-красное” — одно из самых распространенных как в русской княжеской геральдике, так и в национальных костюмах, орнаментах, росписях и т. д.

Хварено — царское счастье

Одной из существеннейших сторон “внутренней России” была сакральная миссия русского монарха. Святая Русь всегда имела свой сакральный центр — как столицу (вначале Киев, потом Москву), так и живой и персональный полюс национальной святости — Царя, Помазанника Божия. Любопытно, что у некоторых тюркских народов вплоть до XVIII века сохранилась традиция особого почитания русских монархов. К примеру, Екатерину буряты считали инкарнацией (воплощением) Белой Тары — одной из величайших бодхисатв ламаизма. Такая универсальная в рамках империи значимость монархической власти лишний раз показывает, что Россия никогда не осознавалась ее населением как нечто сугубо этническое — она, напротив, была реальностью более высокого уровня, реальностью геосакральной Традиции, в которой разные народы занимали свое надлежащее место. Поэтому русский Белый Царь был одновременно царем всех этносов,

населяющих Империю.

Начало русской монархической традиции было положено, как известно, призванием Рюрика из варягов на царство группой славянских и финно-угорских племен. В позднейшие эпохи происхождение от первого князя — Рюрика — было духовно-генеологическим основанием справедливости царской власти, ее оправданности и священной законности. Эта традиция была настолько стойкой и глубокой, настолько самоочевидной и безусловной в представлении русских, что она просто не могла не соответствовать коренным архетипам древних форм сознания, которые, хотя и перешли в сферу бессознательного, но, тем не менее, нисколько не потеряли своей эффективности и действенности. На наш взгляд, призвание Рюрика из варягов виделось как великая общенародная мистерия, воплощавшая в себе сценарий сверхъестественного происхождения царской власти, характерную для всех древних традиционных династий.

Попробуем выявить сакральную подоплеку мистерии, которая утвердила в пространстве “внутренней России” священно-династический центр. Во-первых, обратимся к зароастризму, в котором мистическая сторона царской власти была детально разработана и который оказал значительное влияние на структуру сознания народов, населявших в древности русские земли. Зароастрийцы утверждали, что царь имеет особую, свыше данную санкцию на правление. Эта санкция воплощалась в обладании светоносной силой — хварено. Хварено (или фарн) — это конденсированная световая энергия, которая делает человека равным богам. Символом хварено традиционно считался сокол, “варган”, а иногда и овен. С другой стороны, хварено отождествлялся со стихией огня, единственной естественно стремящейся вверх, к небесам. Каждый иранский царь имел свой личный огонь, символизировавший обладание хварено.

Если мы вернемся к Рюрику, призванному из варягов на царство, мы увидим, что в нем этимологически воплощается весь комплекс этих зароастрийских (и видимо, некогда общеарийских) идей. “Рюрик” по-скандинавски значит “сокол”, то есть преимущественный символ хварено. Кроме того, слово “рюрик” поразительно близко старославянскому “рарог”, “огонь” или “дух огня” (кстати, старославянское “рарог” означало тоже “сокол”). Когда же произошло крещение Руси, Царь-Рюрикович стал также помазанником Божьим, наделенным силой Христа, именуемого “Агнцем”. Таким образом, идея христианского монарха была духовным развитием и сакральным подтверждением древнейшей монархической традиции, воспринимавшей призвание Рюрика как общенародное стяжание небесной благодати — хварено. Так

что и в этом случае, как и во множестве других, христианство не отменило, но возвысило и подтвердило древнюю дохристианскую веру.

Теперь о варягах. Не входя в споры об этнической принадлежности этого племени (что для нас не так уж и важно), попытаемся определить символическое значение этого термина. Раз зароастризм дал нам некоторые ключи, то снова обратимся к нему. Слово “варяг” или “варингр” по звучанию, а, возможно, и по происхождению, близко имени зороастрийского бога Вархарн (или Веретрагна). Вархарн — это один из семи высших “богов” маздеизма, “бог” Победы. Но именно этот “бог” считался основным носителем и подателем хварено, и именно с ним традиционно сочетается сокол “Варган” (сравни: “Варган” — “варингр”, т. е. “варяг”), его постоянный спутник или даже его инкарнация. Итак, варяги, помимо своей исторической конкретности, могли представлять собой некое символическое понятие, воплощающее в себе полноту хварено, царского счастья, одна драгоценная частица которого — Рюрик-Сокол — снизошла, как манна, на жаждущие благодати племена. Но на этом мифо-этимологическая цепочка не обрывается. Слово “варяг” также вполне сопоставимо с санскритским корнем “svar” — “небо”, “солнечный свет” (кстати, очень близким к персидскому “hvar”, от которого произошло хварено). Возможно, что русское “север” тоже родственно “svar”, так как Север у древних арийских народов считался “небесной божественной ориентацией”. Поэтому соотнесение варягов с севером и небом прекрасно соответствует общей мистериальной логике призвания первого Царя.

Можно пойти и еще дальше. Вархарн — это персидский эквивалент санскритскому слову Вритра-хан, т. е. “Убийца Вритры” — эпитет Небесного Царя, “бога” Индры. Индра же — это архетип всех индусских царей, жилище которого расположено, согласно традиционной индуистской космографии, на небе — Свар. Само же название “индусы”, “инды” скорее всего теофорное (богоносное) имя народа, “народа Индры” и поэтому народа-богоносца. Варяги, со своей стороны, как одно из индоевропейских племен могли быть теофорным народом “Варгана” или Вархарна-Веретрагны, т. е. в сущности того же Индры, “Убийцы Вритры”. И не исключено, что далекие отзвуки подобных мифологических соответствий, живущих в глубине национального подсознательного, породили концепцию России — “Белой Индии” у поэтов народно-мистической ориентации, таких, как Клюев и Есенин. Русский монархический герб — византийский двуглавый орел — может быть сравнен также с Соколом-Рюриком, носителем магической силы хварено. Любопытна еще одна деталь. Москва — столица

русского государства и местопребывание русского царя — имеет своим гербом Георгия Победоносца, убивающего Змея (княжеский герб Юрия Долгорукого). Вархарн (бог Хварено) — это в первую очередь бог Победы (Святой Георгий также Победо-носец). Кроме того, слово “Вархарн-Веретрагна”, как мы сказали выше, означает “Убийца Змея”, “Убийца Вритры”, а Святой Георгий изображается обычно убивающим Змея. Характерно также, что в иранской мифологии существует множество сюжетов, повествующих о борьбе солнечного героя (Керсаспы, Траэтона и т. д.) со Змеем или Драконом — причем причиной конфликта часто служит право на обладание мистической силой хварено — право, которое противники оспаривают друг у друга. Таким образом, совмещение этих символов в гербе столицы — резиденции Царя — в сочетании с орлом как символом России вообще, дает парадигму древнейшей структуры монархической мистерии.

Традиционным символом царской власти является также держава — шар, увенчанный крестом, знак земли в древнейших астрологических текстах. Держава русского царя, естественно, отождествляется с Русской землей. И здесь снова речь идет о “Внутренней России”, о которой мы говорили вначале. Особенно важно, что в национальной сакральной традиции именно Царь, помазанник Божий, посланник неба, носитель сверхъестественного огня охраняет и держит своей рукой огромную землю (отсюда титул “самодержца” — как те семь тайных праведников христианской традиции, на которых держится вся тяжесть мира).

Глубочайшим пониманием священной роли Царя проникнута вся русская история. Это понимание во многом способствовало гораздо более религиозному отношению к монарху со стороны православных, нежели со стороны католиков к своим королям.[3] Более того, православная идея царя резко отличается и на богословском уровне от соответствующей католической концепции. В России никогда не было разделения на чисто духовную жизнь, подчиненную духовным иерархам, и чисто светскую, подчиненную королям, как это имело место на католическом Западе. В идее Святой Руси, Царской Руси сочетались все уровни священного уклада жизни. Церковь как душа России не ставила себя над Царем, но признавала его сверхъестественный и законный авторитет, благословляла его власть, без которой держава утратила бы сакральный полюс.

Так “внутренний континент” — Россия — имел свой “внутренний центр” — священного монарха. Их слияние (их символическая иерогамия) составляла зерно специфической русской судьбы, глубиннейшее измерение русской истории.

Мистерия полюса

Теперь хотелось бы упомянуть об одном исследовании французского традиционалиста Гастона Жоржеля, посвященном историческим циклам и логике культурного развития древних цивилизаций и имеющем прямое отношение к нашей теме. Книга называется “Ритмы в Истории”.[4] В этой крайне интересной работе есть небольшой раздел, в котором рассматриваются закономерности перемещения центров той или иной древней цивилизации по евразийскому континенту. Не вникая в сущность толкования автором определенных закономерностей, лишь укажем факты, приводимые им и имеющие прямое отношение к “внутренней России”. Изучая географическое расположение центров древних цивилизаций, Жоржель заметил одну удивительную особенность. Начиная с Элама (около четырех тысячелетий до Р.Х.) и кончая нашим временем можно проследить смещение центров определенных культур с Востока на Запад. Древнейший центр Эламской цивилизации, расположенный невдалеке от города Келат, древний шумерский город Ур, греческие Афины и французский Париж Жоржель попробовал соединить одной линией: результат превзошел все ожидания. Дуга, соединяющая эти центры, оказалась разделенной ими почти ровно на сектора в 30 градусов. Но по замечанию автора, именно на 30 градусов по эклиптике смещается точка весеннего равноденствия за период времени, равный 2.160 годам, то есть за время, разделяющее эпохи этих культур: 4000лет до Р.Х. — Элам, 2000 до Р.Х. — Ур, чуть больше, чем 2000 лет тому назад — Афины и, наконец, современная “столица Европы” Париж. Причем продление дуги на Восток еще на 30 градусов приводит к месторасположению столицы Тибета — Лхасы, а дуга такой же кривизны, только принадлежащая окружности большего радиуса, соединяет между собой Иерусалим и Рим. Но где же находится центр этой окружности? И здесь снова странная вещь: он лежит на пересечении меридиана 60 градусов восточной долготы с северным полярным кругом, т. е. на территории России на севере от Уральских гор (в скобках заметим, что Москва расположена близко к радиусу, соединяющему Афины с центром этого круга). На этом, собственно, и заканчивает Жоржель свое изложение.

Мы же можем пойти немного дальше и указать на еще более странные закономерности. Общеизвестно, что линия северного полярного круга представляет собой проекцию окружности на небесной сфере, по которой Северный Полюс Мира смещается (в силу явления, называемого в астрономии предварением равноденствий) вокруг полюса эклиптики. Но если небесная сфера не-

подвижна, то земной шар повернут в пространстве относительно нее, а точнее, относительно плоскости эклиптики, тождественной плоскости орбитального вращения Земли, на 23,5 градуса. Это смещение на 23,5 градуса и зафиксировано в линии северного полярного круга. Если соотнести точку северного полюса земли с актуальной полярной звездой, — альфой Малой Медведицы, — то центр эклиптики, а значит, и истинный полюс неба (наиболее неподвижный из всех, так как именно вокруг него ось земли описывает окружность в течение огромного периода времени — 25.960 лет) будет проецироваться на линию северного полярного круга. Но как определить, в какую именно точку?

Тут на помощь приходят первые глобусы эпохи Возрождения, на которые под тем же углом в 23,5 градуса была нанесена проекция эклиптики, наклоненная к земному экватору и отмечающая соответственно северный тропик Рака и южный тропик Козерога. При этом важно, на каком меридиане поместить проекцию знака Козерога, что далее позволит логически определить порядок проецирования созвездий на земной шар, а также найти на северном полярном круге точку, соответствующую центру эклиптики. Все старые карты и глобусы на этот вопрос отвечают однозначно. Исходя из позднесредневековых и возрожденческих знаний о географии, знак Козерога — самая южная точка эклиптики — проецируется на меридиан, который проходит через Уральские горы (Рифейские, как их называли греки), символическую границу Европы и Азии. Но на этот же меридиан — 60 градусов восточной долготы — привело Гастона Жоржеля исследование географии древних цивилизаций! Значит, полюс эклиптики, истинный полюс мира, при проекции на земной шар соответствует полюсу окружности, по которой происходит смещение очагов цивилизаций в течение тысячелетий.

Если мы сегодня способны проделать подобные логические умозаключения, исходя из элементарных знаний астрономии и географии, почему бы не заключить, что и древние, владея подобными знаниями (что доказывается многочисленными современными исследованиями древнейших обсерваторий китайской, шумерской, кельтской и других традиций) и не будучи обремененными технократическими и агностическими предрассудками, прекрасно отдавали себе отчет в соответствиях между землей и небом и строили на этих соответствиях свою сакральную географию и логику своей сакральной истории? Но скорее всего, постепенно полнота этого синтетического знания ушла в область психических архетипов, сказок, преданий, легенд, проявляясь наиболее открыто лишь в особые, поворотные периоды истории человечества.

Русские и гиперборейцы

Эмпирическое открытие гипотетического полюса цивилизаций французским традиционалистом, возможно, поможет объяснить не только множество загадочных фактов человеческого прошлого, но и даст ключи к пониманию одной из самых странных тайн современности — к пониманию тайны “русского патриотизма”, никоим образом не сводящегося к банальному национализму конкретного этноса. “Русский патриотизм” в своем глубинном измерении универсален, “всечеловечен”, как говорил Ф.М. Достоевский, так как он связан с “внутренним континентом”, причем с континентом центральным, расположенным в непосредственной близости от неподвижной точки “колеса бытия”, круга странствий человеческой души. И быть может, весьма провиденциально, что наиболее близким к точке этого северного центра является город с именем Инта, что так похоже на имя перуанского бога солнца Инти и арийского Индру. Тем более, что, если спроецировать небесные созвездия на землю, исходя из вышеприведенных соответствий, то наш центр, а равно и центр эклиптики, попадет в созвездие Дракона — извечного противника Индры и солнечных “богов” Победы.

Любопытно, что обителью Индры в индуизме считается в разных вариантах то Север, то Восток (читай северо-восток), а имя его слона — Айравата — совпадает с джайнским названием самой северной страны на земле. Но эта страна, как мы уже говорили, называлась также Варахи — “земля Дикого Кабана”, что точно соответствует греческому корню “bor”, т. е. север, или стране Гиперборее (“лежащей на крайнем Севере”), родине солнечного Аполлона — тоже “убийцы Дракона”. И не случайно, что, согласно древнегреческим источникам, гиперборейцы посылали в Дельфы символические дары пшеницы через скифские и более северные русские земли. Любопытно, что слово “варахи” напоминает также “варяги”, т. е. легендарный народ, давший русским священного монарха.

В легендах о гиперборейцах всегда подчеркивается “растительный” характер их даров — колосьев пшеницы. Древнейшая традиция считает, что землепашество являлось наиболее древним занятием людей, предшествующим скотоводству. В этом отражалась общеметафизическая точка зрения древних, всегда ставивших принципиальный покой и фиксированность (оседлость землепашцев) выше динамики и изменчивости (кочевничество и скотоводство). Наиболее же характерным занятием русских всегда было именно землепашество. В этом отношении интересен следующий факт. Одно из старых названий славян было “вэнэ”

или “венеты” — по имени одного из славянских племен. И до сих пор эсты и финны называют русских “вэнэ”. Во всем этом нельзя не заметить явной параллели с “ванами” скандинавских саг. Ваны — это группа богов, занимавшихся земледелием (в отличие от кочевников и скотоводов асов), воплощавших функции сакрального миролюбия и обитавших, согласно древним сагам, в низовьях Днепра и Дона. Тут уместно вспомнить и то, что одно из любимых и самых частых русских имен — Иван. Хотя оно и является производной от еврейского Иоанн, можно допустить, что самоназвание славян сохранилось в христианизированной форме — тем более, что существует странное символическое совпадение между евангельским сюжетом о голове Иоанна Крестителя и древнегерманскими мифами о ванах и о голове великана Мимира, которую ваны отрубили и послали асам. Тот же сюжет усекновения главы является центральным и в житии Иоанна Предтечи. Причем, подобно тому, как Один, вождь асов, оживляет голову Мимира, предсказывающую ему начало Страшного Суда (Рагнарекр), так и христианские предания повествуют о чудесном обретении говорящей головы Иоанна Крестителя. Сюда же следует добавить и оповещение о Страшном Суде головы Мимира — прямая параллель к эсхатологическому оповещению пророка Иоанна о приходе Мессии.

Все это, на наш взгляд, можно объяснить единым прадревним мифологическим комплексом, который был укоренен в индоевропейских народах в изначальные времена. Исторические вспышки этого комплекса всегда соотносились с некоторыми циклическими закономерностями и определенными территориями. “Внутренние континенты” и их мифология могли скользить по планете вместе с племенами — их носителями. Могли четко фиксироваться в определенных местах земли. Могли передаваться от народа к народу. Могли, наконец, интегрироваться в различные религиозные структуры, образуя архетипическое единство традиций. Для нас во всем этом главное — выявить логику конкретной архетипической традиции, ее духовное и символическое содержание. Этносы, которые в те или иные периоды становились носителями этой Традиции, пропитывались ею, превращаясь в этносы теофорные (богоносные) или идее-носные — в земное тело некой небесной сущности, живой идеи, архангела.

Какими бы ни были преходящие исторические причины священного отношения к этим землям, какими бы ни были народы, их населяющие, “Внутренняя Россия” в самом глубинном своем измерении отождествлялась с “земным раем”, с территориями золотого века, тем более, что символизм Гипербореи, Варахи, земпепашцев ванов-Иванов и т. д. — устойчиво связывался в самых

различных традициях именно с древнейшей прародиной, где жили свободные, бессмертные предки. Говорить о “национальной принадлежности” жителей рая довольно нелепо. Поэтому всякий всплеск бессознательных архетипов “мистического патриотизма” в русском народе никогда не был сопряжен с обычным малым национализмом. “Русскими” сами русские называют всех, кто солидаризуются с ними в их глубинной интуиции о святости земель, на которых они живут. Это принципиально отличает их от других народов и, в частности, от других славян, гораздо более трезво и рационально осознающих границы национального. Хотя нечто подобное всегда было характерно для истинно имперских народов, в России это проявлялось и проявляется в особой форме и с особой силой.

Мистическая Россия

Сделаем несколько выводов:

1. Самосознание народов и наций, традиционно населяющих территорию России, коренным образом связано со спецификой сакральной географии данной территории.

2. Земли России в комплексе сакральной географии занимают центральное место в согласии с древнейшей логикой астрономических и астрологических соответствий.

3. Сознание уникальности России с точки зрения сакральной географии во многом определяет загадку “русского патриотизма”.

4. “Русский патриотизм” проникнут космической судьбоносностью и несводим к обычному национализму других народов. Древнейшие структуры народного национального миросозерцания сохраняются на уровне психических архетипов вплоть до сегодняшнего дня, во многом предопределяя исторические события.

Исследование нашего “континента души” не является только делом истории. Тот, кто проживает и познает Россию, проживает и познает тайну, завещанную далекими поколениями предков, которые сражались под знаменами Александра Великого, скакали по степи в татарской коннице, поклонялись Сыну Божьему в Византии, зажигали священные огни на алтарях Ахура-Мазды, слушали поучения друидов под дубами Европы, лицезрели в духовном восторге вечный танец Шивы-Натараджы, строили зиккураты Ассирии, разрушали Карфаген, плавали по морю в лодках с изогнутой шеей гиперборейского лебедя на носу — помня всегда о Сердце Мира, о “золотом сердце России” (Николай Гумилев), “Мистической России”.

Мы приближаемся к важному духовному рубежу. Мировые силы напряжены до предела, и во многом судьба нашего отечества сегодня предопределяет судьбу планеты. Поэтому так важно прорваться к глубинам святости России, к ее доисторическим корням, чтобы понять ее странный и скорбный путь, и чтобы обрести силы для возрождения этой Святой Страны, для возрождения Континента России вместе с ее тайным, покрытым вечной мерзлотой центром.

Глава II. ПОДСОЗНАНИЕ ЕВРАЗИИ

Россия-Туран

Наиболее глубокие русские мыслители XX века, высказавшие действительно важные и ответсвтенные соображения о судьбе России, — это, бесспорно, “евразийцы”, идеологи особого “третье-путистского” крыла первой русской эмиграции. В их концепциях географическое расположение России между Востоком и Западом играет центральную роль. Для них Евразия сводится к России, а российский этнос (в сверхнациональном смысле этого слова) рассматривается как современный носитель туранизма, особой имперской психоидеологии, переданной собственно россам тюркско-монгольскими племенами Орды. Таким образом, евразийцы, в отличие от представителей монархического лагеря, были не столько “панславистами”, сколько тюркофилами. И это отнюдь не парадокс, коль скоро значительная часть русской знати и, в частности, многие идеологи славянофильства XIX века были представителями тюркских родов, составлявших значительный процент высшей российской элиты. Россия-Туран для многих евразийцев была сверхполитическим понятием, ценность которого определялась геополитической миссией.

Интуиция евразийцев была очень верной, а истоки ее уходят в предысторию, в эпохи, предшествующие не только завоеваниям Чингисхана и его последователей, но и появлению самих славян на русских землях. Откуда же пошла Россия-Туран?

Ex Occidente Lux

Неолитическая Евразия по данным новейшей археологии сквозь все миграции “культур” и расовых типов имела некоторую векторную константу, некоторую фундаментальную ориентацию, по которой распространялось то, что можно назвать ”культурной доминантой”. Гипотеза об ex Oriente lux, характерная для историков XIX века, постепенно сменилась атлантической теорией, дававшей, по меньшей мере, логический ответ загадке кроманьонского человека. Эта атлантическая теория, которой придерживались Герман Вирт и Юлиус Эвола, утверждает, что истоковая культура неолита распространялась строго с Северо-Запада на Юго-Восток, причем с полюсом в Атлантическом океане. Кроманьонцы — носители магдаленской культуры — это атланты Платона, мореплаватели и хранители земледелия, колонизаторы Западной Европы, Северной Африки, Аравии, Южной Индии и так

вплоть до Океании, где племенная знать аборигенов маори, называющая себя “ариями” в отличие от простых туземцев негроидно-монголоидного типа, имеет все характерные черты кроманьонского человека, предшественника homo europeus Линнея. Эти протоисторические атланты и были носителями древнейших культов и древнейшего линейного письма, иероглифико-натуралистическим развитием которого стали позднее египетская, ассирийская и китайская письменность.

Атлантическая теория задолго до ее формулировки в окончательном виде в нашем веке, безусловно, была известна на Западе. Более того, без нее необъяснимо более чем двухтысячелетнее высокомерие западного человека, считающего все то, что исторически не восходит к средиземноморскому культурному ареалу Греция-Рим, “варварским”, “примитивным”, “экзотическим”, “наивным”, “недоразвитым” и т. д. Причем этот атлантический западоцентризм почти не коррелируется ни с расой, ни с нацией. Он может передаваться от народа к народу как невысказанная религия, как идеологическое подразумевание, пропитывающее западную культуру как таковую. Своего рода “атлантизм” оживлял и Александра Великого, и Рим, и германских императоров, и Наполеона, и Британскую Империю, и Адольфа Гитлера, и современных идеологов НАТО. Постепенно, правда, центр атлантической идеологии смещается все дальше к Западу, и сегодня ее бесспорным политическим лидером являются США, “Новая Атлантида”.

Тюркско-шумерский фактор

Однако все атлантические теории в археологии имеют одно слабое место — это так называемая тайна происхождения шумеров. Дело в том, что наиболее древние пласты шумерской культуры имеют не-атлантический, пред-атлантический характер, тем не менее, свидетельствующий о высоком интеллектуальном и духовном развитии. Причем, этот шумерский тип культуры чрезвычайно близок неолитическим памятникам Южной Руси и Южной Сибири. Ко всему этому следует добавить поразительное сходство расшифрованного шумерского языка с тюркской группой.

Так, уже в неолите мы видим следы культурного геополитического дуализма Запад-Восток, Атлантида-Сибирь, перекрещивающегося на Ближнем Востоке в смешении народов и культур, языков и рас, причем именно в районе Средиземноморья (Северная Африка — Греция — Анатолия — Аравия — Египет) существует наибольшая расовая и этническая неоднородность, говорящая о множестве миксовариативных компонентов как в генетике, так

и в духовной сфере. Чем дальше к Западу, к побережью Атлантики, или к Востоку, к Сибири и Тихому Океану, тем чище расовые и культурные формы независимо от исторических и чисто политических обстоятельств. Любопытна и такая деталь. Тюркско-монгольские народы исторически тяготели к повторению (с перерывами в несколько столетий и даже тысячелетий) пути древнейшей миграции: из Сибири в Переднюю Азию, Южную Россию, вплоть до Балкан и Анатолии. Но именно по этой траектории встречаются древнейшие неолитические памятники "шумерского" типа, как в палеоэпиграфике, так и в орнаментах, культовых предметах и т. д. Чингисхан был отнюдь не первооткрывателем. Он принадлежал Великой Традиции Турана, уходящей вглубь веков, к заре Евразии, к тому древнейшему периоду ее истории, когда в Сибири и Северной Монголии цвела Великая Цивилизация, чьи следы сохранились лишь частично в "ауриньякских" пластах сибирского региона.

Круг эволюции Евразии

Гастон Жоржель, на которого мы ссылались в предыдущей главе, говоря о полюсе, расположенном на пересечении 60-го меридиана с северным полярным кругом, развил тему эволюции культур в другой своей книге — "Четыре века человечества".[5] В ней он поясняет, что полюс Евразии на Северном Урале был некогда центром северной протоцивилизации, из которого по диагонали спускались к югу волны мигрантов — носителей Традиции, чтобы потом двигаться уже по окружности, самая нижняя (южная) точка которой лежит на пересечении с 30-градусной параллелью (недалеко от иранского города Келат). Показательно, что именно на этой параллели расположена Великая Пирамида Египта, и проходит она по длиннейшему сектору суши на всем земном шаре! Саму эту окружность Жоржель называет "кругом эволюции Евразии".

По мысли автора "Четырех веков человечества", Евразия имела свой собственный сакрально-географический центр, отличный от центра атлантической традиции, расположенного гипотетически на 120 градусов к Западу по северному кругу от центра Европы. Таким образом, кроманьонцы Атлантиды были не первоколонизаторами Евразии, а посланцами иного континента и иной традиции, наложившимися на таинственную и трудно различимую сакральную традицию аборигенов. При этом Жоржель особенно подчеркивает ту часть эволюционного круга, которая расположена к северо-востоку от Ирана, то есть сектор в пустыне Гоби и северной Сибири вплоть до Камчатки. Там следует искать

неолитический центр Турана. По этому же пути шли воины Чингисхана.

Из этого следует, что помимо бесспорной атлантической доминанты древних культурных миграций Северо-Запад — Юго-Восток (колонизация атлантов) сакральная география Евразии предопределяется и собственно туранским вектором: Северо-Восток — Юго-Запад. Вместе это составляет знак X — ("андреевский крест") динамики сакральной истории. Любопытно, что круг эволюции Евразии оказывается как бы вписанным в верхнюю половину креста, и наиболее южная точка круга поэтому лежит на том же меридиане (наш 60-градусный меридиан, о котором мы говорили в первой главе), что и пересечение двух линий креста.

Сакрально-географические гипотезы Жоржеля, подкрепленные анализом космических циклов, дают нам возможность приблизиться к пониманию загадки Турана. Если атлантическая волна учреждает после себя нечто устойчивое в культурном смысле, нечто яркое и выделяющееся, пропитанное западоцентристскими высокомерием и рациональностью, то тюркско-шумерское наследие, хотя и не менее воинственное, в сущности, скромно, интериорно, легко, немногословно и вообще склонно к культурному минимализму, к схватыванию обнаженного бытия — бытия степи с высоким и круглым небом молчаливой Евразии. Поэтому атлантизм говорит о себе сам (хотя и его голос надо внимательно и пристально слушать, чтобы понять), а о туранизме, о евразийстве мы должны догадываться, должны взыскать его как забытый исток континентальной миссии. Шведский мистик Сведенборг говорил по этому поводу: "Теперь у мудрецов Татарии нам надо искать таинственное забытое всеми Слово".

Через Сибирь к своему "я"

Огромная заслуга русских евразийцев в том, что они нащупали геополитически реальное основание славянофильских концепций, которые либо оставались, хотя и верными, но слишком абстрактными для политической реализации, либо ратовали за "панславизм", т. е. за искусственное воспроизведение "пангерманизма" на русской почве. Обращение к Турану как к некоей "самостийной Евразии" означало и возрождение райского архетипа "Святой Руси", поскольку великая сибирская протоцивилизация вышла из сакрального Северо-Уральского центра, и возврат к расовому (в том числе и древнеславянскому) истоку, так как сам полярный гиперборейский регион "Инты"-"Индры" некогда населяли изначальные арии, позднее разделившиеся на индогерманские народы. Да и сами тюрки как основные носители тураниче-

ского импульса, по меньшей мере, в своем аристократическом слое имеют многие арийские фенотипические и генотипические черты (вспомним, что самого Чингисхана называли “Белый царь” — по описанию он был чистокровным индоевропейцем). Степень монголоидности или “палеоазиатскости” у тюрков ничуть не выше, чем степень наличия у великороссов финно-угорской крови. Все это делает туранизм евразийцев и реалистичным и в высшей степени резонирующим с патриотической идеей поиска национальной самоидентификации России. Именно в туранизме открывается восточная составляющая российской геополитической специфики, и именно через туранизм, через Восток, через Сибирь может и должен проходить путь русских к самим себе, к своему национальному “я”.

Готы, гунны и свастика

Давно замечено, что истинная история творится в тишине, вдали от волнующихся толп. Иногда сугубо научная полемика специалистов оборачивается мировой катастрофой, а романтический и несбыточный проект мечтателя приводит к великому движению целых народов. В статье “Атлантида и Гиперборея”[6] в 1929 году французский эзотерик Рене Генон, учитель Гастона Жоржеля, как, впрочем, и всех современных традиционалистов, указал на неправомочность отождествления Гипербореи и Атлантиды, то есть северного и западного палеоконтинентов. Это замечание было адресовано немецкому археологу и историку религии Герману Вирту, который в своем фундаментальном труде “Происхождение человечества” часто употреблял выражение “северо-атлантический”, имея в виду как гиперборейскую, так и атлантическую традиции. Скорее всего, на это замечание никто из современников не обратил ни малейшего внимание из-за его узкой специализированности. На самом деле, в близком будущем это обернулось миллионами жертв, сожженными деревнями, разрушенными городами, раздавленной Германией и обескровленной Россией. Дело в том, что Герман Вирт стал в скором времени одним из ведущих идеологов и вдохновителей организации “Аненэрбе” (“Наследие предков”), которая во определенной степени предопределяла культурно-политические и мировоззренческие позиции Третьего Рейха. Отождествление Гипербореи с Атлантидой, Севера с Западом в трудах Вирта в конечном счете ориентировало в определенном направлении имперскую военную волю Германии, делало из англосаксов (атлантистов) потенциальных союзников, а из туранистов — противников. К этому был добавлен и сугубо расовый, “сериологический” подход, осно-

ванный на изучении различных групп крови, который давал сходыне результаты. Может показаться, что такая ориентация есть простое следствие нацистского расизма. Однако это не так. Расизм идеологов Аненэрбе, по меньшей мере, таких крупных и первостепенных, как Герман Вирт, был совершенно свободен от "пангерманистских" шовинистических предрассудков в отношении восточных наций. Сам Вирт подчеркивал универсальность арийской расы, ее сверх-национальность и возможность присутствия потомков ариев среди "небелых" народов, равно как и наличия значительного процента "небелых" типов среди формально "белого" населения. Кроме того, Вирт признавал и шумерско-тюркскую общность и протоарийскую основу тюркской традиции. Поэтому вопрос об отождествлении Севера и Гипербореи (что было для мифологизированного мировоззрения нацистов абсолютной ценностью) с Западом и Атлантидой имел ключевое значение и мог, в конечном счете, склонить весы конкретных геополитических решений в ту или иную сторону.

В истории был прецедент союза гото-гуннских племен, выступавших совместно как "варвары" туранического импульса против "атлантизированного" Рима. Любопытно, что англичане во время Второй мировой войны издевательски называли немцев "гуннами". И невозможно отрицать, что в определенных аспектах Германия Гитлера действительно была антиатлантически ориентирована: война с Англией, Францией, Америкой; союз с Японией и т. д. Быть может, одна лишь теоретическая тонкость предопределила расположение сил во Второй Мировой войне — одна тонкость в оценке неолитических доисторических событий, о которых не осталось ровным счетом ничего, кроме двух-трех фантастических легенд и нескольких десятков костей, черепков и каменных топоров со свастикой или солнечным колесом Одина...

Черный Иран — Белый Иран

В евразийской доктрине есть еще один важный пункт: противопоставление Турана Ирану, северного степного кочевничества — южной равнинной оседлости, динамизма — статике, духа — культуре. Помимо чисто психологического параметра, точно отражающего специфику "степной души", возможно это противопоставление является результатом разбуженных шоком революции глубинных геополитических архетипов имперского всетуранского подсознания евразийцев. Иран по отношению к кругу эволюции расположен в самой южной его точке. Поскольку Север как ориентация, связанная с Гипербореей, с полюсом, является

духовным позитивом, то Юг, наоборот, наделяется негативным значением. Отсюда и мифологическое и актуальное противостояние этих сакрально-географических энергий и ориентаций.

С другой стороны, можно сопоставить круг эволюции Евразии с проекцией зодиакального пояса на земной шар, исходя из логики, разъясненной в предыдущей главе. Тогда иранская точка эволюционного круга будет соответствовать точке зимнего солнцестояния, то есть точке между “знаком” (но не созвездием!) Стрельца и “знаком” Козерога. Зимнее солнцестояние — это древнейший новый год (ариев, шумеров, тюрков и т. д.). Это временной и пространственный символ —“тайное место”, “место силы”, но одновременно и “место смерти”, “место могилы”. Здесь движение солнца останавливается, замирает или, по крайней мере, так происходит в Арктике, где солнце в этот период вообще не поднимается над горизонтом. Это — символическая страна мрака и ночи. И в согласии с этим символизмом древнейшие слои иранских захоронений действительно свидетельствуют о наличии в этих регионах “черной расы”, протодравидов негроидного типа. Лишь в железном и бронзовом веках в Иран пришли белые арии — носители северной традиции.

Однако “новогоднее” местонахождение Ирана на круге эволюции Евразии может иметь в себе и сугубо позитивный (с символической точки зрения) смысл. “Место смерти” в древнейших традициях священного года являлось одновременно и “местом воскресения”, “местом смены полюсов”, резкого изменения годового хода солнца — от спуска к подъему. Поэтому полноценная туранская геополитика не может игнорировать архетипическую миссию иранских “территорий” — тем более, что в символическом смысле Иран давно уже стал “белым”, откуда и его современное название: Иран — “страна ариев”— образ и подобие древнейшего арктического гиперборейского (арьяна вэджа) региона, и в каком-то смысле, образ и подобие центра Евразии. Эти соображения показывают границы разумного противопоставления Туран — Иран, за пределами которых необходимо, напротив, провидеть перспективу нового священного союза евразийского Севера с евразийским Югом.

Сомкнуться с Востоком

Среди евразийцев и их предшественников, таких, как барон Унгерн — Штернберг или доктор Бадмаев, возник проект не только теоретического возрождения туранского духа в пределах Российской Империи, но и план углубления контактов с Монголией, Японией, Маньчжурией и т. д. — идея “замыкания” России на

Восток, противоположный Европе край континента. Подобные планы с необходимостью означали не только стратегический и геополитический союз, но и открытие Россией метафизического Востока — древнейших учений индуизма, синтоизма, даосизма, конфуцианства, буддизма, а это, в свою очередь, означало бы перевод русского сознания из атеистически-утилитарного, узкорационалистического и давно уже духовно “застойного” контекста цивилизации Европы в живой и целостный мир восточной традиции, одухотворение России сакральными энергиями.

Такой проект, однако, не означал ни в коей мере “дехристианизацию” России. Напротив, поворот от антитрадиционного Запада, чье христианство отошло в сферу чисто внешней религиозности и светского морализаторства, к реальной традиционности Востока, не может не привести к возрождению в России истинно христианского духа, той тотальной традиции, которая некогда предопределяла и ориентировала все слои жизни нации. В диалоге с традициями Востока Православие вынуждено будет обратиться к метафизическим истокам веры, углубиться в догматику и принципы религии, а значит, оживить и реставрировать то зерно интеллектуального и посвятительного содержания традиции, которое (начиная с никонианских реформ) постоянно подвергалось намеренной дискредитации антитрадиционными силами внутри самой Церкви — рационалистами, западниками, криптокатоликами, модернистами, протестантизирующими моралистами, наконец, сомнительными “консерваторами”, под видом традиционности и исконности защищающими продукты косности и духовной нерадивости предыдущих поколений, пустую скорлупу вместо истинного огня веры.

Сегодня как никогда важно углубить евразийский миф, очистить его от сиюминутных политических деталей, вернуть ему, а точнее, вскрыть, его метафизическое измерение, его метаисторический смысл.

В настоящий момент крах советского блока однозначно являет собой победу “атлантизма”. Пути для новой атлантической колонизации полностью открыты. У современных евразийцев есть только один выход — осуществить священный альянс с теми странами и нациями Востока, которые борются за геополитическую автаркию, реставрацию традиционных ценностей против современного мира и атлантистской американской агрессии.

Туран должен начинать свое возрождение из “двойной” бездны. Но и в этом случае тот, кто знает глубину подсознания Евразии, стойкость ее имперских архетипов, могущество полюса и его отражений в традициях наций и рас, тот не может расстаться с надеждой и верой в великое пробуждение.

Глава III. РУССКОЕ СЕРДЦЕ ВОСТОКА

Предварительные замечания

(начало и конец позитивистской науки)

Сакральная география в значительной степени отличается от географии обычной, физической. Мы привыкли рассматривать землю как шар, как глобус (по-латински “глобус” — шар). Для нас Север — это верх шара, а Юг — низ. Глобус можно вращать, а следовательно, понятия Востока и Запада ускользают от нашего географического внимания. А когда мы представляем нашу землю вращающейся в солнечной системе и в открытом космосе, мы вообще отвлекаемся от таких понятий как стороны света. Все это кажется такой условностью! Пережитком “темных времен”, когда мир представлялся стоящим на трех китах, а земля виделась подобной диску.

Долгое время научные открытия, сменявшие друг друга в бешеном ритме и открывавшие новые горизонты, воспринимались людьми некритически, с чрезмерным энтузиазмом, а это в свою очередь, заставляло с презрением и брезгливостью относиться к картине мире, характерной для наших предков. Да и самих этих предков мы были склонны считать “темными”, “дикими”, “примитивными”, недавно переставшими быть “обезьянами”.

Такое позитивистское отношение довольно быстро стало сталкиваться с противоречиями. Развитие науки подошло вплотную к проблеме сознания, человеческого фактора применительно к природным явлениям. И тут все изменилось — оказалось, что мифологические архетипы, установки сознания, формируемые культурой, историей, средой, географией, языком оказывают такое сильное влияние на научную методику, что могут деформировать данные так называемых “объективных” материальных исследований.

Это разочарование во всемогуществе позитивных наук шло на всех уровнях — открытия в области психологии глубин и психоанализа показали насколько якобы “рациональный” человек находится под влиянием темных сил и импульсов, замурованных в безднах подсознания; лингвисты и психолингвисты обнаружили в свою очередь прямую зависимость мышления от специфики языка; философы-позитивисты с удивлением осознали, что такой категории как “атомарный факт” просто не существует и что вне интерпретации вообще не может идти речи о факте; и наконец, физики, исследуя парадоксы квантовой механики пришли к выводу о том, что наличие или отсутствие “наблюдателя” прямо

влияет на ход квантовых процессов, привнося таким образом даже в такую строгую дисциплину как физика, субъективный элемент.

В 1996 известный американский ученый Джон Хорган выпустил весьма показательную книгу (своего рода манифест) ”Конец Науки”,[7] где вынужден был констатировать, что все возможные открытия в сфере позитивистской науки уже совершены и открывать больше нечего. Но и задолго до него, наиболее проницательные умы Запада, такие как Рене Генон, Мирча Эдиаде, Густав Юнг, Юлиус Эвола, Мартин Хайдеггер и т. д., убедительно показали, что современные научные знания являются, на самом деле, лишь особой разновидностью мифологии, а значит, человечество фатально остается тем же самым, что и раньше; его “развитие” и “прогресс” носят циклический, а не поступательный, в конечном счете, мнимый характер.

С какой бы точки зрения мы бы ни посмотрели, ясно одно: эпоха оптимистического материализма и позитивизма завершилась. А значит, на повестке дня новое осмысление древних мифологических конструкций, реабилитация различных дисциплин и наук, слишком поспешно занесенных ранее в разряд преодоленных и примитивных. Отсюда постоянно повышающийся интерес к мифологии, истории религий, алхимии, магии, астрологии у самых трезвых представителей современной науки. Человечество, меняясь, остается самим собой, а следовательно, скепсис в отношении к прошлому и цивилизациям прошлого более неприемлем.

Сейчас мы должны отложить глобус, забыть о куске материи, носящейся в безжизненном космосе, и обратиться к волшебному миру сакральной географии, к тому удивительному миру, в котором жили, созидали, любили и убивали врагов наши предки, сформировавшие постепенно и упорно нашу культуру, нашу психологию, нашу душу. Пора возвращаться в миф. А это означает возврат к волшебной, священной и удивительной стране — Светлой Руси.

Полярные горы посредине материка

Прежде всего следует отметить определенную закономерность в сакральной географии древнего мира. Все древние культуры, которые всплывают в памяти, когда мы говорим о древнем мире, располагались географически южнее горной цепи, пересекающей весь евразийский континента с Запада на Восток. Это очень важный момент. Конечно, и севернее этой великой гряды жили народы и племена, созидались культуры и цивилизации. Но эти “се-

верные” территории — от Кельтиды до Сибири и Монголии либо предшествовали более южным цивилизациям, либо сложились позже, как бы на окраине южного мира. Здесь мы не будем разбирать эту проблему, так как на этот счет существует различные мнения.

Для нас важнее следующий момент. Сакрально-географические модели мирового устройства, которые стали более или менее универсальными в Древнем Мире, все без исключения выработаны в ареале, расположенном южнее евразийской гряды. И именно на основании этих южных моделей мира вырабатывались позднейшие географические представления вплоть до становления современной “шаровой географии”, резко (и видимо, слишком поспешно) порвавшей с древним наследием.

Полоса южных цивилизаций охватывает

— средиземноморский ареал — от Магриба (Тунис, Марокко) и Иберийского полуострова, до Италии, Греции и Анатолии на Севере и Алжира, Ливана, Египта, Израиля, Щумера на юге;

— Междуречье и Персию (Элам);

— Индию;

— Китай;

— Индокитай.

На севере все эти культурные круги ограничены горами, играющими неизменно огромную роль в концепции сакральной географии соответствующих цивилизаций. Каждая из цивилизаций окружала северные горные гряды особым таинственным ареалом, покровом мифов и преданий.

На крайнем западе Евразии севернее колон Геракла находились Пиренеи, отделяющие современную Испанию от Франции. Эти горы имели огромное мифологическое значение и связывались с подвигами Геракла в его сакрально-географических путешествиях. Пиренеи получили свое название от иберийской царевны Пирены, возлюбленной Геракла, которую он покинул, но котрая скорбит о нем, согласно мифу, до сих пор.

Эти же места считались сакральными для друидов, а в христианском мире по ним пролегал важнейший европейский маршрут паломников в Кампостеллу к могиле Святого Иакова.

Эти же Пиренейские горы приобретут важное сакральное значении в эпоху альбигойской ереси, и древние легенды оживут в преданиях о катарах и их духовной столице пиренейском замке Монсегюр, где погибли последние представители “чистых” под предводительством прекрасной дамы Эскларамонды де Фуа, обратившейся в последней момент — по словам лангедокских преданий — в голубку и улетевшей в загадочные земли Востока. На Севере Италии распложены священные Альпы.

На Севере Греции — Олимп (обитель богов), Балканы и Карпаты, где находились древнейшие и важнейшие святилища культа Аполлона.

Над Междуречьем и Анатолией (древней страной арийцев-хеттов), а также над западным Ираном высились горы священного Кавказа, с Эльбрусом, полярной горой арийской мифологии, и Араратом, святыней древнейшей армянской традиции.

Восточнее простирались Памир, Тянь-Шань и Гималаи. И Север Индии и Китая упирался в пики Тибета, считавшегося "обителью богов" как в индуизме (особенно гора Кайласа, где "пребывает Шива со своей шакти, Парвати"), буддизме и китайской традиции.

Все эти замечания ясно показывают, что в соответствии с определенной и довольно таинственной логикой все известные древние цивилизации оперировали с довольно схожей картиной сакральной географии, схожей по меньшей мере в том, что на крайнем севере земли (отождествлявшемся с крайним севером данного культурного региона) находилась гора или цепь гор, которая считалась Осью Мира, священным полюсом, волшебным истоком и высшей святыней. Священная гора индусов Меру имеет тот же самый смысл.

Этот относительный Север или сакральный Север был не только окружен почитанием и поминался в сложных культах и ритуалах. Он был окутан также в довольно тревожные легенды и мифы, ведь приближение в святыне означает одновременно усиление всех потусторонних энергий. И "стражи порога", оберегающие подступы к центру мира, к полюсу, естественно и логично стремятся отвратить любопытных и преградить путь недостойным.

Отсюда тревожные и зловещие темы, связанные с Севером в сакральной географии. В некоторых случаях тема "северного зла" становилась самостоятельной и тогда эта ориентация приобретала особенно негативный смысл. Так в некоторых переднеазиатских культах существовало предание, что горы являются обителью "демонов" и что север — это ориентация зла.

Любопытно, что северная ориентация имеет отрицательный характер в иудаистической традиции, где северная страна Рош, Мешех и Фувал связывается с приходом "гогов и магогов", демонических племен, которые должны появиться на земле в конце времен.

К этой же категории относится демонизация североевропейских народов (варваров и особенно кельтов-пиктов) в греко-римской цивилизации. Жители древнего Ирана на том же основании противопоставляли себя северному Турану. Китайцы видели в

северных кочевниках — монголах, чжурчженях, маньчжурах, позже тюрках — демонопоклонников и т. д. Север в сакральной географии одновременно и свят, и демоничен.

Увы, это выражение не совсем корректно. Моралистическое деление сферы сакрального на белое и черное появилось довольно поздно. До определенного момента, а в случае некоторых архаических культов и до сего времени, сакральное не знало деления на “светлое” и “темное”. Потусторонний мир воспринимался как нечто единое и одинаково противоположное миру обычному, профаническому. Переход от профанического к сакральному во всех случаях предполагал столкновение с периферией сакрального, с его “темной”, “негативной” стороной. И лишь по мере духовного пути к центру, к полюсу потустороннего, мрак “стражей порога” рассеивался и обнажался пресветлый мир полярного сада, рая.

Северная гора, ось мира рассматривалась в сакральной географии как раз как та точка, в которой происходит таинство перехода от посюстороннего к потустороннему. Поэтому эта точка внушала и благоговение и ужас одновременно.

Традиционные цивилизации древности выработали довольно сходную в общих чертах картину, гле северные земли, примыкающие к Полярной Горе, наделялись сугубо двойственным значением — это были регионы ада и рая одновременно, так как контакт с потусторонним, локализованным на Севере, означал вхождение в совершенно новую по сравнению с обыденным миром сферу, пугающую, опасную, но одновременно спасительную и духовную.

Заметим при этом любопытную деталь. Иранская традиция, вообще отличающаяся заостренным дуализмом, акцентировала противоречие Иран-Туран (ярко выраженное у Фирдоуси) очень строго, почти в моралистических терминах. Здесь демонизация Севера сопоставима с иудейской традицией (вообще между ними очень много общего). В Индии, отличающейся напротив, подчеркнутым адвайтизмом, “недуализмом”, зловещая сторона Севера была акцентирована менее всего, если не считать связь с Севером и северной горой Кайласа Шивы-Разрушителя, который, однако, в индуизме не является негативным или демоническим персонажем, но скорее трансцендентной ипостасью абсолюта, разрушающей посюстороннее и открывающей потустороннее. Это прекрасно вписывается в ту модель сакральной географии, которую мы выявили.

Найденная Гиперборея

Теперь перейдем к России и ее месту в сакральной географии, в изначальной картине мира.

Русские земли лежат севернее той горной евразийской гряды, которая означала в древних цивилизациях центр мира. Это значит, что наряду с центральной и северной Европой, Россия является сугубо гиперборейской территорией. Рене Генон однажды указал на странность самого греческого термина “Гиперборея”, означающего не просто “северная страна”, но “страна, лежащая по ту сторону Севера”. Генон выразил свое недоумение по поводу такого противоречия и предложил пользоваться термином “Борея”, “северная страна”, который он сопоставлял с индийским названием волшебного северного континента “Варахи”. Из всего вышесказанного, однако, само собой вытекает вывод о том, что название “Гиперборея” было совершенно обосновано в случае греческой картины сакральной географии, так как “Бореей” для греческого мира были Балканы и Карпаты, гряда северных гор обрамляющих Аппенинский полуостров сверху. За этими горами лежали не “борейские”, но именно “гиперборейские” земли. В таком случае все встает на свои места.

Северная Евразия, большую часть которой занимает Россия, является таким образом Гипербореей в самом прямом смысле, и именно такое название точнее всего подходит к России в контексте сакральной географии.

Если это так, то у народов Востока, не порывавших никогда связи с древнейшими уровнями культуры и традиции (как это сделали высокомерные и недалекие люди Запада), к России должно существовать особое отношение, вытекающее именно из ее гиперборейского местонахождения, из ее полярного символизма.

Россия — страна полярных архетипов, то место, откуда сошли предки-основатели древних южно-евразийских цивилизаций. В принципе нечто подобное можно было бы сказать и о Западной Европе, занимающей в общем евразийском материковом ансамбле аналогичное место по сакрально-географическому символизму. И действительно, мы видим, что начиная с первых веков христианства, когда основное внимание цивилизации постепенно переносится к северу от большой гряды евразийских гор, именно пространство Европы начинает осознаваться как земли “новой сакральности”, как вновь обретенная Гиперборея, призванная стать центром и оплотом “христианской эйкумены”, сердцем новой Империи. Вместе с тем именно германцы, жители северных европейских стран становятся этнической осью всех христианских династий — возможно, в силу того полярного значения, которое играет Гиперборея в сакральной географии. Ось Мира, полярная Гора — это высшая форма священной монархиче-

ской власти. Царь в человеческом обществе, государстве, Империи является аналогом “северной горы”.

Но к моменту раскола Церквей с новой силой проявляется значение черты, разделяющей Евразию на Восток и Запад. Запад вместе со Средиземноморским ареалом постепенно обосабливается в отдельную сакрально географическую систему, со своей Гипербореей (германские земли), своим Югом (Северная Африка), своим Востоком (Левант) и своим “дальним Западом” (Ирландия, Бретань, позже Америка). Европоцентризм коренится именно в такой картине мира и действенен исключительно в этих границах, где он оправдан с точки зрения символизма сакральной географии.

Вторая часть, чьим центром вначале была Византия (Восточной Римской Империя), потом Русь, имеет уже совершенно иную структуру. Здесь Гипебореей является именно Северная Евразия, Московия, востоком тихоокеанский ареал и Китай и Индокитай, Югом — все земли, лежащие южнее евразийских гор (от Кавказа до Алтая и Манчжурии), Западом — целиком взятое пространство католического мира, Средиземноморье и Магриб.

Итак, гиперборейская функция Руси в комплексе сакральной географии более всего проступает в ее отношении с азиатскими народами и странами. По мере того, как эти культуры под воздействием общего цивилизационного процесса поневоле были вынуждены расширять свои представления о географии мира, они открывали для себя загадочный мир Северной Евразии, страну “потустороннего”, тревожного и одухотворяющего одновременно.

Именно так многие народы Сибири и евразийских степей, позже монголы и тибетцы воспринимали миссию Российской Империи, что в огромной степени облегчило русским освоение Сибири, которое не было завоеванием или колонизацией в полном смысле, но основывалось на древнейших сакрально-географических архетипах, столь живых и ясных в коллективной мифологической памяти сибирских народов. Белый Царь Руси отождествлялся с символической фигурой полюса, Полярной Горы. Кстати, на том же самом символическом комплексе была основана сакральная харизма Чингисхана, которого тоже называли “белым царем”(так как по преданию он был потомком сыновей Алан-Гоа от “белого духа”, вошедшего в ее юрту через дымовое отверстие — этот сюжет аналогичен “пришествию с Севера”, “спуску с полярной горы” и т. д.).

Следуя той же самой логике бурятские ламы рассматривали династию русских царей как череду “тулку”, воплощений божеств ламаистского пантеона.

Уже в двадцатом веке в эпоху параллельной разработки евразийского проекта большевиками, эмигрантами-евразийцами и немецкой геополитической школой Хаусхофера, полярная функция России в отношении интеграции азиатских держав в едином стратегическом блоке снова вышла не первый план и активно исследовалась в специальных закрытых центрах. На основании недавних и уникальных исследований молодого русского историка Олега Шишкина можно почти наверняка утверждать, что в недрах советской разведки существовала специальная структура, руководимая Глебом Бокием, Барченко и патронируемая членом ЦК Москвиным, которая всерьез работала над использованием сакрально-географических традиций азиатских народов для создания азиатского стратегического блока под контролем Москвы. При этом активно использовались труды французских оккультистов и мартинистов (в первую очередь Сент-Ив д'Альвейдра), которые были посвящены как раз сохранению сакральных архетипах в восточных традициях.

Любопытно, что именно Сент-Ив д'Альвейдру, женатому кстати, на русской оккультистке графине Келлер, принадлежит главная роль в популяризации темы Аггарты, мистической подземной страны, отождествляемой также с Шамбалой, центром мира. Символизм Аггарты, как показал Рене Генон в книге "Царь Мира", имеет от же полярный символизм, что и осевая Гора. А следовательно, тема Аггарты имеет прямое отношение к теме Гипербореи и соответственно сакральной легитимации геополитической миссии России в деле интеграции Евразии.

Хотя буддолог Марко Паллис довольно убедительно доказал, что слово "Аггарта" — вопреки ложной этимологии некритично принятой Геноном — не является санскритским, а сама тема Аггарты совершенно чужда индуистской мифологии, все оказывается не так просто.

Поскольку этот вопрос имеет прямое отношение к "гиперборейской функции России", остановимся на этом несколько подробнее.

Аггарта и Евразия

Выступление Марко Паллиса в сборнике издательства "Кайе де Л'Ерн",[8] посвященном Рене Генону, отностельно его книги "Царь Мира"[9] значительно подорвало престиж этой работы великого французского эзотерика, так как вскрыло некоторые явные неточности в работах того, кто претендовал на бесспорный сакральный авторитет и выступал в Европе в качестве полномочного представителя самого "Царя Мира" (как следует из его аллюзии в

одной из этой книги). Любопытно, что одну неточность обнаружили и мы, так как Генон, говоря о достоверности сведений Фердинанда Оссендовского относительно Аггарти и “Царя Мира”, ссылается на отсутствие русского перевода книги Сент-Ив д’Альвейдра. На самом деле такой перевод существовалю.[10] Кроме того, надо совершенно не знать русское дворянство, чтобы полагать будто отсутствие перевода с французского языка могло стать преградой для знакомства с книгой автора, связанного семейными узами с русской аристократией, где каждый второй был спиритуалистом или оккультистом и вдобавок говорил по-французски часто лучше, чем на своем родном языке.

Но это детали. Интереснее другое. Жан-Пьер Лоран, современный французский ученый и исследователь творчества Генона, обнаружил упоминание об Аггарте в одном старинном манускрипте, опубликованном в Лейдене в XVII веке, где речь шла об особом городе (или святилище), расположенном в Египте, в дельте Нила. Точное название Agartus Oppidum. Автором данного текста был Луций Ампелиус, латинский писатель III века. Он сообщает, что в этом таинственном городе есть “статуя с руками из слоновой кости, на челе которой яркий изумруд. Эта статуя внушает панический ужас зверям”. Если слово Agartus не имеет латинского перевода, то слово oppidum означает “холм”, что снова отсылает нас к символизму горы (полярной горы).

С другой стороны, есть авторы, которые сближают слово “аггарта” с древнегерманским Asgard, город асов, богов. Они как правило ссылаются на книгу графа Гобино “Эссе о неравенстве человеческих рас”, книга 6, глава 1 — “Асгард, город асов или ариев, был столицей Сарматов-Роксаланов (заметим, что по мнению Л.Гумилева, само слово “русский”, “Русь” пошло от названия “роксаланов”[11]). Возможно это был большой город, полный дворцов и жилищ первых завоевателей Индии и Бактрии. Его имя было однако произнесено не первый раз в мире. Кроме других случаев давно существовал не далеко от южного берега Каспийского моря мидийский город, который назывался Асагарта.

Птолемей называл жителей этой страны “Сагартами”. Персидская надпись, приводимая Нибуром, также их упоминает. Геродот сообщает о восьми тысячах Сагартов в армии Дария”.

Есть также мнение, что упоминаемые “сагарды” — это “сарматы”, то есть речь идет об арийских кочевых племенах, населявших евразийские степи. На самом деле, все эти названия явно относятся к одному и тому же символическому комплексу, связанному с полярной северной землей или городом (или народом). Дельта Нила — это крайний север для Египта, местообитание “сагартов” — крайний север для индоиранских и тибетских наро-

дов, Асгарт скандинавов — крайний север для германцев. Теперь если принять это символическое отождествление Аггарты с Гипербореей, легко увидеть, что в сакральной географии евразийского материка в целом (или по меньшей мере в его наиболее массивной восточной части от Кавказа и Междуречья до Тихого Океана) символическую функцию Аггарты выполняет именно Россия.

Рене Генон связывает с комплексом Аггарты фигуру “пресвитера Иоанна”, которого считает символическим образом “Царя Мира”, Мелхиседека. Любопытно, что и упоминавшийся нами граф Гобино говорит о том, что на Востоке, где он служил в дипломатической миссии, постоянно говорят о “посольстве пресвитера Иоанна”, хотя совершенно непонятно, о какой собственно стране идет речь. И наконец, та же тема “царства пресвитера Иоанна” интересует русского евразийца и великого историка Льва Гумилева, который предпринимает целое исследование данного мифа[12] и приходит к выводу, что речь идет о евразийских несторианах, тохарах и уйгурах, населявших в древности Синьцзян и Западный Тибет (страна Шань).

Как бы то ни было, тема Аггарты-Полярной Горы-”пресвитера Иоанна”-Царя Мира-Белого Царя устойчиво связывается с евразийскими землями, лежащими севернее горной цепи нашего континента. А эти земли постепенно влились в пределы исторической России, которая объединила, сплотила и организовала их в единый политико-государственный имперский ансамбль.

Явно не случайно. Таких совпадений в истории не бывает. И как только мы отвлекаемся от отживших и ничего не объясняющих позитивистских клише, вся картина мировой роли и сакрального значения России, ее земель, ее исторической миссии открывается во всем объеме.

Срединная миссия России

Какие предварительные выводы можно сделать из нашего анализа сакральной географии России, ее места в общем комплексе евразийских мифологических моделей?

Во-первых, “полярный” комплекс русских земель может объяснить некоторые психологические особенности нашей нации, которые в определенной степени формируют наше самосознание. Часто можно услышать справедливое замечание, что в русском человеке без всякого посредующего элемента соседствуют “демоническое” и “ангелическое” начала. Но точно также зловеще и одухотворенно одновременно выглядят в Традиции “стражи порога”, охраняющие доступ к священному полюсу, Оси Мира.

Во-вторых, Россия традиционно исполняет геополитическую миссию гиперборейского, объединительного толка. И подобно европоцентризму Запада, русским следует последовательно и планомерно настаивать на геополитическом “москвоцентризме” Евразии, т. е. неустанно двигаться к осуществлению “паназиатского” или “евроазиатского” проекта, стратегической интеграции восточной части материка, что точно соответствует и логике территориального развития России и ее миссии в рамках сакральной географии.

При этом Россия, наконец, получит то, к чему она стремится столько столетий — стратегический выход к “теплым морям”. В-третьих, специфика символической позиции России заставляет переосмыслить значение Русского Православия как уникальной “полярной” Традиции, сохранившей в чистоте и неприкосновенности устои изначального христианства, которое на своем первом этапе было полностью “полярным”, но потом отчасти утратило это качество (не случайно Церковь распространялась почти строго с Юга на Север, как бы притягиваясь невидимым магнитом Арктики).

В-четвертых, Россия может (и должна) избрать свой собственный путь геополитического и культурного развития, отбросив одновременно и ориентацию на Запад, что противоречит ее “полярной” функции, и тупиковый изоляционизм. Россия должна окончательно утвердить свое центральное, срединное место в материковой структуре, а это предполагает активный духовный диалог и стратегический союз с Востоком и Югом, с Азией. с ее древними религиями и головокружительными тайнами. Евразийская открытость и готовность к гибкому и активному общению с тем миром, в котором сохранились нетронутыми древнейшие сакральные архетипы — с Индией, Японией, Ираном, Тибетом, Монголией, Китаем. Но вместе с тем, соблюдение и утверждение своей собственной уникальной православной Традиции, обогащенной и осветленной горячей любовью к русской земле, русской истории, русскому духу, русскому избранничеству.

Глава IV. РОССИЯ — ДЕВА СОЛНЕЧНАЯ

Разберем некоторые аспекты сугубо русской, славянской России, России-Гардарики (как называли ее северные скандинавские соседи), то есть России в ее европейских границах от Карпат до Урала.

Гиперборейская Дакия и 2 круга цивилизации

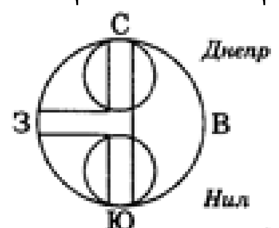
За отправную точку нашего исследования возьмем чрезвычайно интересные данные относительно сакральной географии самого южного (точнее, юго-западного) территориального сектора Гардарики (Галицкое княжество) — данные, собранные в книге румынского традиционалистского автора геноновской ориентации Гетикуса (Василия Ловинеску) “Гиперборейская Дакия”.[13] В этой работе автор на основании сакральной топонимики и глубокого анализа румынского фольклора убедительно доказывает, что древняя Дакия (современная Румыния-Молдавия) была некогда священным центром гиперборейской традиции, хотя и вторичным по отношению к полярной Гиперборее, но все же намного более изначальным, чем другие опосредованные духовные центры традиционных цивилизаций. На наш взгляд, тезис о “Гиперборейской Дакии” выглядит вполне убедительно, и мы хотели бы особенно остановиться на мистерии дельты Дуная, которая, согласно Гетикусу, была местом одного из главных святилищ гиперборейского Аполлона.

Автор “Гиперборейской Дакии” отмечает следующую особенность дельты Дуная и ее культового центра. Река впадает в Черное море на 45-й параллели, то есть на поясе, разделяющем все северное полушарие надвое. Таким образом, культовый центр Аполлона в Дакии для всей южной половины северного полушария — на которой только и проходило становление известной современным историкам цивилизации — находился в точке крайнего севера. Заметим, что 45 параллель вообще играет крайне важную роль для всей Евразии и на крайнем Западе. Во Франции приблизительно на этой широте расположены два важнейших священных центра — Лион (“город Луга” — центр географической спирали друидов, разобранный в книге Луи Шарпантье “Гиганты и тайна происхождения”[14]), и Гренобль (“Земля Дофинов”,[15] чей солнечный гиперборейский символизм исследован в книге учеников Эжена Канселье — Севрена Бафруа и Ги Беатрис “Земля Дофина”). Одновременно на крайнем Востоке, в Монголии, приблизительно на этой широте располагается священный центр

империи Чингисхана (г. Урга). Кроме того, любопытно, что граница Российской Империи также более или менее следовала этой параллели на гигантском протяжении, описывая вокруг нее подобие синусоиды с углублением к югу на Кавказе, в Казахстане и в горах Памира, и поднимаясь к Северу в Юго-Восточной Сибири, на Алтае и по реке Амур. Но помимо такой важной параллели, на которой был расположен культовый аполлонический центр "Гиперборейской Дакии", для нас также чрезвычайно важна долгота этого места — 30 градусов восточной долготы. Можно сказать, что этот меридиан в своей северной части является осью расселения славян: к западу от нее — поляки, чехи, словенцы, сербы, хорваты, украинцы, белорусы, к востоку — великороссы. Таким образом, помимо "крайне северного" расположения "гиперборейской Дакии" относительно средиземноморского мира, можно рассмотреть крайне южное ее положение, но на сей раз относительно славяно-балто-скандинавского мира, т. е. относительно Руси — Гардарики. Устье Дуная, собственно говоря, и было всегда южной сакрально-географической точкой северного давления всей "массы" славянско-русского мира.

Некогда "Гиперборейская Дакия" входила в состав самой Руси как "Галицкое княжество", самое южное из княжеств. Исходя из вышеприведенных соображений можно наметить некоторую дуальную сакрально-географическую картину, где "Гиперборейская Дакия" Гетикуса служит общим полюсом для двух противоположных кругов: для южного средиземноморского и для северного, "гардариканского" славянско-русского (в совокупности с балтийскими и скандинавскими элементами). Эти круги можно условно расположить на нашем 30-м меридиане восточной долготы соответственно под и над устьем Дуная. В качестве противоположной от дунайской дельты точки на 30 градусах восточной долготы логичнее всего было бы взять пересечение этого меридиана с северным полярным кругом "вверху" и с тропиком Рака "внизу", так как эти пояса, в свою очередь, естественным образом отмечают 14 длины меридиана от северного полюса до экватора, то есть делят расстояние от "Гиперборейской Дакии" до полюса и экватора еще раз пополам. Итак, мы получим 2 круга: северный с полюсом недалеко от русского города Великие Луки (здесь снова следует вспомнить работу Шарпантье "Гиганты и тайна происхождения", так как в ней он подробно разбирает роль "бога" Луга для сакральной географии друидов, а русское слово "Луки" и кельтское "Луг" фонетически тождественны), и южный — с полюсом в Средиземном море в точке, равно удаленной как от Кипра и Крита, так и от дельты Нила и южного берега Анатолии.

В подтверждение сакральной обоснованности полученной нами картины можно привести и еще одно важное свидетельство: средневековые скандинавские географические карты, отражавшие сакральную картину мира. Эти карты, представляющие собой, как правило, круги, где континенты не изображались, а символизировались соответствующими надписями, очень часто имеют повторяющийся графический знак, если карта ориентирована к востоку, если она ориентирована к Югу, и, наконец, в случае более редкой северной ориентации. Надписи на карте поясняют, что этот знак символизирует расположение трех водных пространств: двух священных рек — Танаис (Днепр) и Геон (Нил) — и Средиземного моря с включенными в него Черным и Мраморным. Но важно заметить, что Танаис-Днепр и Геон-Нил фактически текут так или иначе по меридиану 30 восточной долготы: один с Севера на Юг (Днепр), другой с Юга на Север (Нил). Этот параллелизм двух величайших сакральных рек дает нам все основания для построения двух кругов цивилизаций:

Здесь можно вспомнить и известные сообщения о послании гиперборейцами даров в храм Аполлона на острове Делос: Делос может быть приблизительно отождествлен с южным пределом влияния северной гиперборейской цивилизации, куда “спускались” духовные излучения северного круга. Кроме того следует упомянуть также “янтарный путь”, позднее “путь из варягов в греки”, из Балтики в Грецию, по которому северные народы возили загадочное “золото Севера”, позднее отождествленное с янтарем, но изначально имевшей совершенно иной, чисто инициатический смысл. Таким образом, “гиперборейским” являлся весь северный круг, вся “Гардарика”, и полярный символизм действительно изобилует в топонимике Руси, в названии русских городов и славянских народов. В словах “Польша” (страна), “поляне”(славянский народ), “Полоцк” (город в России), в вариациях “Бор” (город), Боровск (город) и т. д. сохраняется аполлонический полярный корень “pol”, “appolo”, “polus”, также тождественный, по законам сакральной лингвистики, корню “bor” в греческом слове “Борея — Север”.[16] Кроме того характерно наличие топонимов с основой “mur”, в частности, город Муром, что, согласно Вирту, свидетельствует о связи с изначальным культовым центром “Mouru”. И наконец, нельзя не вспомнить один из крупнейших древнерусских городов — Тулу, тождественную гиперборейской “Ту-

ле”. Показательно, что даже в позднейшем гербе этого города мы встречаемся с иероглифом гиперборейской восьмиконечной звезды, хотя и стилизованной уже в упрощенно утилитарном ключе в соответствии с центральной для этого города оружейной промышленностью.[17]

Помимо топонимики еще множество других факторов свидетельствуют о том, что Гардарика-Русь и примыкающие к ней балтогерманские земли являлись средоточием особой сакральной географической энергии, чьи следы мы находим в местном фольклоре, в мифах, в особенностях трактовки христианства в солнечном, северном, световом и героическом ключе. Здесь следует упомянуть, что первыми собственно русскими православными святыми были Борис и Глеб, братья-князья, имя первого из которых, согласно славянской nirukta[18] имеет явно аполлонический, гиперборейский характер: Бор, вариант Бореи и Аполлона. Кроме того, в соответствии с этой “народной”, а на самом деле сакрально-лингвистической, этимологией следует рассматривать и русский рождественский ритуал поедания поросенка, чье славянское название боров сохранило отчетливое фонетическое родство с именем северной полярной земли в индуизме — Варахи (“Земля Кабана”). Эта связь Рождества (зимнего солнцеворота) с “Бореей” очевидна и в иконописном каноне фигур Бориса и Глеба, которые также имеют явно новогодний характер: Борис всегда изображается старшим, “старым”, что подчеркивается наличием бороды (русское слово “борода” имеет тоже “гиперборейское” звучание,[19] а Глеб молодым, младшим, безбородым, то есть оба святых брата суть символы Старого и Нового года, соединенные в иконописном сюжете в знаке “зимнего солнцеворота”.

Как бы то ни было, гиперборейская Дакия представляла собой южный предел гиперборейской Гардарики-Руси, сосредотачивая в себе сакральные энергии Севера и гиперборейские мифологические солнечные сюжеты. Однако ее срединное положение между двух кругов действительно наделяет ее особой функцией в “сакральном домостроительстве” и отчасти объясняет устойчивость гиперборейской линии именно на румынской земле. Что же касается южного “египетского” круга, то по отношению к нему роль “Гиперборейской Дакии” за счет факта существования северного круга еще более усиливается, так как в данном случае она выступает как резервуар сакрально-географического импульса, сходящегося к этой точке по древнему “янтарному пути” — пути следования “золота Севера”.

Сакральный круг Гардарики

Теперь рассмотрим сам северный круг — или Гардарику — и особенности его сакрально-географической композиции. Этот круг должен иметь качественную структуру, а его сакральное пространство должно соответствовать также и временному циклу. Очевидно, что наиболее ясным и впечатляющим временным циклом является годовой цикл. Таким образом, русский круг в пространстве Восточной Европы имеет свои сезонные соответствия. Сразу бросается в глаза, что этот круг ограничен двумя водными пространствами с севера и с юга, которые имеют выразительные символические названия: на севере это Белое море, на юге — Черное море. При этом Север в мифологических сюжетах русских и шире славянских преданий имеет положительную, световую, солнечную окраску (а Юг, наоборот, негативную, теневую), что проявилось и в русской истории: большинство конфликтов у русских в древние времена были именно с жителями южных степей — аланами, гуннами, половцами, хазарами, татарами и т. д., а на Севере чаще всего царил мир. Исходя из этой особенности логично отождествить Север нашего круга — Белое море — с Летом, а Юг — Черное море — с Зимой. Причем важно подчеркнуть, что в таком соответствии учитываются не климатические, а "световые", "духовные" аналогии, свойственные собственно гиперборейской традиции.[20]

Восток, как и всегда, отождествляется с весной, а Запад — с осенью.

Здесь следует также вспомнить греческий миф о рождении Аполлона богиней Лето, по-латински Латона. Остров, на котором это случилось, расположен, согласно преданию, на далеком Севере. И нельзя не заметить фонетического тождества богини Лето с русским словом "лето", означающим помимо сезона, также и весь год, весь годовой цикл.

Обратившись к собственно русским мифам и легендам, можно заметить следующую особенность: сказки русского Севера изобилуют упоминаниями оленей, олених-важенок. В одном из преданий говорится, что на Севере иногда из туч небесных "падают оленьцы малые", "оленята". Олени или лоси это основной мотив древнерусских вышивок, причем почти всегда в той или иной связи с Севером и летом.

Олень, лось — священный символ северной половины "русского круга" Гардарики. Этот олень всегда сочетается также с солнцем, светом, небом, благом. Здесь можно провести параллель с вскрытыми Г. Виртом нордическими корнями il, ilu, ilx как древнейшим именем "бога" у северных народов, откуда этот корень перешел позже к южным, семитическим племенам. Русские слова "олень", "лось" содержат, как и скандинавское "elk", "elx" руди-

менты этого корня. Важно также, что в руническом круге руна ilx помещается в летнем июльском секторе “года”, и ее начертание представляет собой идеограмму оленя или оленьих рогов. Замечательно, что в православном литургическом цикле праздник Св. Илии-пророка приходится на 20 июля, и в русском народном сознании Илия-пророк фактически отождествлен с небесным световым принципом — источником света и влаги.[21]

Итак, Север Гардарики находится под знаком солнечного оленя-лося, лета и середины лета, летнего солнцестояния. В противоположном секторе — в южных регионах Руси — соответственно должны располагаться “зимние”, “зимне-солнцеворотные” персонажи, связанные с тьмой, подземным миром, хаосом и хтонической стихией. И действительно, сказания и мифы юга России часто связаны с волком, змеем, собакой, драконом. Очень часто в украинских легендах Змий живет в Черном море, откуда он совершает нападки на поселения россов, похищает или требует как дань девиц, разоряет пашни и т. д. Иногда Змий просто сращивается с Волком, порождая таких героев, как “Змей-огненный Волк” южных славян. Русские богатыри обычно “спускаются” то есть двигаются к Югу, чтобы победить хтонических “нижних” существ и освободить народ от их притеснений. Здесь также проявляется соответствие русской сакральной географии циклической логике года: Змей-Волк-Дракон — образ темных сил, поглощающих зимой солнце и удерживающих его от восходящего, животворного пути к “макушке лета”, к Северу. Похищение Змием девицы, символизирующей “Солнечную Деву” и ее возвращение благодаря подвигам богатыря, является одним из наиболее часто повторяющихся сюжетов русских сказок. Кстати, этот змееборческий, аполлонический сюжет заметил в сакральной географии устья Дуная и Гетикус в “Гиперборейской Дакии”, указав на наличие в Черном море острова с именем “Змеиный”, связанный с культовым комплексом Аполлона в самой дельте.

Это применимо в более широком масштабе и ко всей Руси. В пример можно привести подвиг русского богатыря Ильи Муромца, освободившего Киев от Змия, которого герой победил, запряг в плуг и, пропахав на нем всю Киевскую землю вплоть до Черного моря, от чего остались до сих пор “змеиные валы” на Украине, утопил его в море.[22]

Тут важно отметить также чисто гиперборейские детали сюжета об Илье Муромце: во-первых, само его имя может быть архаическим субститутом “бога” “Ила из изначального центра Мо-уру”. Во-вторых, легенда подчеркивает, что родился богатырь в селе Карачарове, что странным образом напоминает нам буддистскую “калачакру”— учение о “цикле” и “спасении”, связанное с Шамба-

лой и явлением ее короля в конце цикла. В третьих, важно упоминание, что герой до 30 лет “сидел сиднем”, что может символизировать неподвижность полюса. Таким образом, некогда неподвижный полярный Илья Муромец (“Ил из Мо-уру”), пребывающий в Карачарове (“Калачакре” — дословно “колесо времени”), решает покинуть свою центральную позицию (русский город Муром действительно находится в средней части нашего русского круга) и отправиться на Юг (“проявиться”, “вступить в сферу изменения”), где он побеждает Змия (иногда Соловья-Разбойника, убивающего свистом[23]) — хаос — и устанавливает (восстанавливает) сакральный порядок — весну и лето.

Этот “аватарический” и “зимне-солнцеворотный” аспект богатырской миссии часто в других легендах описывается как битва богатырей со Змием на Калиновом Мосту. “Калинов мост” также имеет удивительную схожесть с именем индуистской богини Кали, богини растворения и смерти, а также холода (инд. “кали” — германское “kalt” — русское “холод” — тождественные индоевропейские корни). Кроме того, к тому же корню восходит и русское слово “калядки”, “каляда”— обряд и основной персонаж зимних святочных действ. Бой на “Калиновом мосту” или бой с “Калинцарем” означает новогоднюю мистерию прохождения солнцем низшей точки своего годового цикла, проход через центр мрака, холода, смерти — через царство Кали, царство “нижнего” Юга.

Здесь следует упомянуть также легенду о сожительстве греческого Геракла с женщиной-змеей, прародительницей первых скифских царей. Согласно мифу, эта женщина жила в царстве, расположенном в устье Днепра, где она охраняла скрытые сокровища. Но устье Днепра и есть точка крайнего Юга для сакральной русской космографии!

Любопытно отметить также тему южного Волка. Волк — это символический синоним Змея. Он проглатывает солнце зимой, согласно нордическим сказаниям, он крадет свет мира и сражается с “аватарическим” богатырем. С учетом наших циклических и пространственных сопоставлений мы можем разрешить, по ходу дела, одну из загадок, смущающих умы многих “демонологов”. Дело в том, что уже не раз отмечался тот факт, что рассказы об упырях и вампирах имеют четкие границы распространения и почти уникальный центр появления — Трансильвания. Отсюда они распространялись по всей Восточной Европе, сохраняя в большей или меньшей степени изначально “румынские” черты. Дело в том, что в старославянском языке слово “вампир” имело широкоупотребительный синоним “вурдалак” или “волкодлак”. Изначально это слово означало “человековолк”, “оборотень волка”. Этот персонаж был символом зимнего солнцестояния (поэто-

му на святки ряженые одевают волчьи шкуры), волка, проглотившего солнце, убившего солнце. Но потом солнце снова воскресает и начинает светить. Часто у архаических народов можно заметить слияние двух (подчас противоположных) символических фигур в одну, что порождает смешанные образы. Одновременно каждый символ и сам по себе может иметь два противоположных аспекта, поэтому и Аполлон, к примеру, называется "покровителем волков", и вообще волки, не теряя своего "зимнесолнцеворотного" качества могут выступать как "источники солнца", "животворящая тьма" — как это имеет место в истории Рима или у тюркских народов. Итак, волкодлак-вампир это фигура, связанная с убиением солнца, поглощением солнца, выпиванием его крови (солнечного света) — тьма поглощает свет — и с последующим воскресением. Но поразительно, что легенды о вампирах (Дракуле — Драконе), зародились именно на западе от дельты Дуная, т. е. от точки зимнего солнцестояния на сакральном русском круге, в секторе наиболее "темном" и "страшном" в ходе солнечного спуска. И характерно, что к востоку от этой самой южной точки Гардарики символизм волка и собаки хотя и продолжает быть довольно распространенным, все же уступает образу сокола, скифского сокола — т. к. солнце, пройдя свою критическую точку, начинает здесь взмывать в небеса лета и Севера, к вершине небесного оленя.

И, наконец, последним сакральным персонажем, тесно связанным с Югом и зимним солнцестоянием, является знаменитая Баба-яга из русских сказок. Это — зловещая старуха-волшебница, живущая в лесах в избушке на курьих ножках. Многих исследователей фольклора эти "курьи ножки" дома Бабы-Яги приводят в недоумение. Однако если отдать себе отчет в южной и хтонической природе этой фигуры, обычно преграждающей путь солнечному герою, мешающей ему достичь своей цели — в ряде сказок Баба-яга живет под землей, то есть на Юге, — можно сделать вывод, что речь идет об образе Матери-Земли в ее зловещей негативной функции. И здесь "избушка на курьих ножках" внезапно приобретает смысл, если принять во внимание один из древнейших иероглифов Матери-Земли в шумеро-аккадской иероглифике. Этот иероглиф выглядит так:

и произносился "baba". Аккадским вариантом было "мать".[24] "Куриные ножки"—это также две новогодние руны "юр" ("yr"), на

которых стоит “жилище” Великой Матери.

Удивительно и совпадение имени Баба-Яга и шумерского “baba”.

В наиболее архаических сказках действуют и дочери Бабы Яги, “ягишны”, всегда представляемые, подобно амазонкам, сражающимися, как мужчины, против богатыря. Любопытно, что локализация царства амазонок — “женского царства” в сказках — также соответствует югу русского круга, степям и приморью. Эта географическая особенность логически связывает идею “царства Матерей”, то есть изначального хаоса, с областью спуска света мира из сферы небесного и земного порядка — летнее полугодие — в регионы мрака и девственной невозделанной влиянием неба и его организующего начала потенции, пребывающей в свободном состоянии — зимнее полугодие.

Все приведенные выше соображения, которые можно было бы развивать еще и еще, дают нам общее представление о мифологической структуре “славянского круга”— Руси-Гардарики — и позволяют найти ориентиры в необъятной стихии русской мифологии и русского фольклора. И что важнее всего, мы можем ощутить за всеми сложными или локальными сюжетами русской дохристианской и христианской тематики очертания единого глобального видения сакральной географии своей священной Родины русским человеком. Эта картина, отраженная в сказках, мифах, легендах и в некоторых символических элементах русской православной традиции, продолжала жить очень долго в народных слоях, да, впрочем, она ощущается подчас и сегодня в определенных бессознательных архетипах, структурирующих внутренний космос русской славянской души.

Световая Роженица

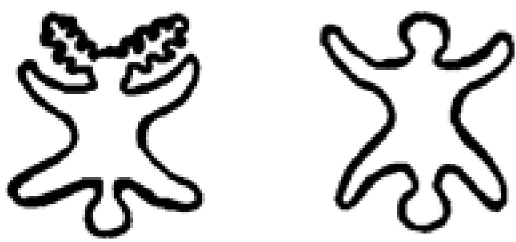
Одним из фундаментальных сюжетов русских вышивок — а именно вышивки сохранили наиболее архаическую тематику — является образ роженицы, окруженной с двух сторон оленями (или конями со всадниками). Ни один образ не повторяется с такой настойчивостью и с таким постоянством. Иногда Роженица имеет зооморфные черты и изображается с оленьими рогами.[25]

Роженица русских узоров представляет собой женскую распростертую фигуру в форме лягушки или дерева, между ног которой находится либо человеческая фигура, либо голова олененка, либо круг, либо узор в форме руны & yr. Б.А.Рыбаков в книге “Язычество древних славян” правильно разглядел в этой фигуре “женское божество” и связал его с сезонным символизмом. Кроме того он сделал предположение о том, что это славянская богиня по имени

Лада, созвучного матери гиперборейского Аполлона — Лето. Однако он не понял, что данная фигура не просто означает “сезоны”, “весну”, “летнее солнцестояние” и т. д., но весь год в целом. Этот образ синхронный символ женщины-года, световой девы, небесной матери, женского эона. Любопытно, что Рыбаков указывает на тот факт, что фигуры рожениц часто встречаются в вышивках, посвященных празднику Рождества Богородицы, причем в некоторых случаях Роженица изображается внутри Церкви в позе родов. Таким образом и в этом аспекте до-христианская световая дева сливается с образом Царицы Небесной.

Самый типичный узор Световой Девы-Года изображает ее с поднятыми руками между двух оленей с рогами. Поднятые руки и оленьи рога являются узорным развитием руны ilx, “оленьей руны” или символом верхней, летней половины годы. Сами олени по обоим сторонам означают две половины года: одну восходящую, весеннюю, другую — нисходящую, осеннюю. Оба оленя иногда представляются сращенными между собой, что подчеркивает неразрывность года. Подчас в менее архаичных узорах олени заменены двумя конями с всадниками. Нетрудно узнать здесь архетип Слейпнира, восьминогого коня Одина, который, согласно Вирту, также представлял собой две половины года: четыре ноги относятся к весне (первый конь на русских вышивках), другие четыре — к осени (второй конь). Характерно, что очень часто кони и олени несут на себе знаки солнечных колес:, и. В определенных узорах роженицы имеют руки и ноги в форме ветвей дерева, что отсылает нас к символизму Мирового Древа, из которого, согласно скандинавской саге, были созданы первые люди — мужчина Аск (“ясень”) и женщина Эмбля (“ива”). Важно отметить, что древнерусская цивилизация была преимущественно “древесной”, застывшей во многих своих проявлениях на стадии гиперборейской, до-каменной фазы, когда почитание Древа как прямого отражения в материальном мире Оси, соединяющей землю людей с небом духа, распространялось на все стороны жизни — от строительства домов и храмов до “древесной письменности” с помощью “резов”, резьбы по дереву и т. д. Показательно, что и сама фигура Световой Роженицы всегда бывает симметричной, так как будто она разделена надвое невидимой осью, Осью Мира, которую она собственно собой и представляет.

Световая Дева — Лада — имеет свои прототипы в древнейших наскальных рисунках, найденных на территории русского Севера. Там этот образ схематизирован и упрощен предельно:

Здесь мы видим между ног Роженицы голову младенца, эквивалентного солнцу, свету мира, “рождающемуся” в великий праздник зимнего солнцеворота, в сердце зимы. И когда это посленовогоднее солнце — солнце-младенец, световой богатырь — начинало расти не по дням, а по часам дохристианские славяне праздновали Масленицу, где основной ритуальной едой были блины — солнечные диски из взращенного солнцем хлеба. Крайне интересно сравнить с фигурой Световой Роженицы некоторые вышитые календари, к которым в России было такое же священное отношение как и у германских крестьян к резным руническим календарям. На вышитых календарях мы видим: два летних рога; во внутренней 12-конечной (12 месяцев) звезде странная совокупность поперечных черт — их неравномерное распределение дает нам число 66, “световое” число в символизме; сам год, представленный в виде червя, имеет 73 членения, т. е. 73 5-дневные недели. Эта удивительная особенность отсылает нас к идее Германа Вирта относительно того, что люди изначальной традиции измеряли год 5-дневными неделями — по числу пальцев на руке.[26] Особыми значками были отмечены языческие праздники. Под нижней чертой внутренней звезды — знак самого солнца, “рождающегося”, как в фигуре Световой Роженицы в момент зимнего солнцеворота.

Кроме чисто годового календарного смысла Световая Роженица — иногда Световая Лосиха (и надо отметить, что созвездие Большой Медведицы когда-то называлось русскими созвездием Лося!) — может быть соотнесена с самим пространством Гардарики-Руси. Тогда Оленьи Рога и Голова Девы относятся к северу России вплоть до Скандинавии и Карелии, туловище богини и двух лосей — к центру от Пруссии до Урала, и, наконец, ноги к Карпатам и землям между Азовом и Каспием. При этом важно заметить, что Гиперборейская Дакия с ее культовым центром нордического Аполлона соответствует именно новорожденному солнцу зимнего солнцеворота, чудесному ребенку, световому богатырю, тайному сокровищу. Таким образом, Световая Дева-Год в сакральной географии отождествляется с самой Русью, которая национальным сознанием воспринимается как Световая Жена, и в христианской перспективе как земное отражение Царицы Небесной, Богородицы, почитаемой высшей покровительницей и тайной душой России.

Сделанное нами отождествление подтверждается и еще одним важнейшим наблюдением. Иногда распластанная Роженица на северных вышивках заменяется в аналогичных структурных композициях фигурой двуглавого орла,[27] официального герба России. Византийский двуглавый орел изображается в точно такой же позе, как и Световая Дева, и изображение его хвоста воспроизводит руну yr, символ нижней точки годового движения солнца, которая часто встречается в классических образах Роженицы. Сакрально-географический смысл российского герба очевиден: одна голова — Запад, другая — Восток, и при этом на соответствующих крыльях иногда располагаются гербы западных и восточных губерний, что делает орла своего рода символической картой Руси. Его взаимозаменяемость с Роженицей по аналогии делает возможной географическое толкование и самой этой сакральной женской фигуры, подкрепляя тем самым все высказанное нами по этому поводу.

Однако аполлонический смысл Гиперборейской Дакии в сакрально-географическом русском сознании мог быть смещен и еще южнее — вплоть до Константинополя, откуда на Русь пришла солнечная и светлая Христова Вера. Этим определяется то священное отношение к Константинополю, Царьграду, которое всегда было присуще русскому народу, и не только в просвещенной политико-религиозной верхушке, но и среди простого населения, хранившего в большинстве своем тайны российской сакральной географии в форме легенд, мифов, сказок, песен и былин. И в этой перспективе связь Москвы и Константинополя приобретает чисто символический характер: Константинополь — это южная, новогодняя точка Русского Круга, место, где рождается Солнце Веры. Москва же расположена приблизительно в центре (немного восточнее этого центра) русского круга, поэтому она и названа была русскими Третьим Римом, после которого ”четвертому не быти”, так как Москва является не циклической точкой на солнечной орбите (как Константинополь — Второй Рим), а центром самого этого круга — сердцем Световой Роженицы, Жены, одетой в солнце. И будучи центром, последний Рим лежит таким образом вне циклических трансформаций, происходящих на самой окружности.

Днепр против Нила

Обрисовав в общих чертах сакральный гиперборейский круг Гардарики-Руси, можно снова обратиться к южному “египетскому” кругу с центром в Средиземном море. Сразу бросается в глаза тот факт, что в этот круг попадает все то, что принято называть

средиземноморским культурным ареалом, включающим в себя Ближний Восток, Египет, Грецию, Анатолию, Север Месопотамии и т. д. Северным пределом этого круга будет являться Гиперборейская Дакия. Характерно, что именно эта сфера считается современными историками источником известной нам цивилизации, и именно отсюда любой ценой стараются вывести все основополагающие цивилизационные принципы — истоки письменности, мифологии, религии и т. д. В некотором смысле можно определить весь этот ареал как сферу "сакрально-географического Египта", т. к. египетские культы и сакральная значимость Нила многими наделяются собственно изначальным характером. Вспомним, в частности, что скандинавские карты из южных рек выделяли графически только одну — Великий Нил. Следует допустить, что данное сакрально-географическое видение было свойственно и самим древним средиземноморским цивилизациям, в которых северные народы — т. е. вся область сакрального круга Гардарики — чаще всего ассоциировались с варварством, примитивностью, опасностью, неизвестностью. В частности, в Библии цари Севера — цари Гог и Магог из царства Рош — а также практически большинство "иафетических" (Иафет, согласно Библии, прародитель белой, северной расы) народов отождествлялись с врагами семитов-иудеев и Яхве.[28]

С другой стороны, такой фундаментальный автор, как Рене Генон утверждает, что ближне-восточные и, в частности, египетские сакральные формы — это постатлантические и весьма удаленные от Изначальной Традиции вторичные ветви, причем в отношении Египта, Генон подчеркивает, что эта традиция была совмещением западных (атлантических) и южных сакральных тенденций (то же относится и к семитской традиции). Безусловно, это не отрицает традиционную аутентичность данной цивилизации, но лишь отводит ей подчиненное, второстепенное место в комплексе всей Традиции. Более того, Генон подчеркивает особенность египетской традиции как традиции по преимуществу космологической, утратившей в большинстве своем чистоту и ясность гиперборейской, аполлонической метафизики.

В этой связи очень важно также замечание Генона в его критике некоторых алхимико-герметических течений, апеллировавших к "братству по Гелиополису" (линия Фулканелли—Канселье). Генон утверждает, что "египетский Гелиополис" был лишь отражением, субститутом истинного Гелиополиса, Гелиополиса нордического, гиперборейского, и те, кто обращаются к Древнему Египту в качестве своего традиционного ориентира, подвергаются риску прийти к результату, совершенно противоположному истинной инициации и духовной реализации. С этим Генон свя-

зывает и усеченную форму Великой Пирамиды, чья верхушка по его мнению была не утрачена со временем, но вообще никогда не существовала, т. к. египетские посвященные не владели тайной высшей гиперборейской метафизики, венчающей в нормальном случае “здание сакрального космоса”.[29]

Учитывая симметрию в сакральной географии не просто между Севером и Югом вообще, но между двумя нашими кругами, связанными с 30-м меридианом, можно предположить, что наиболее прямым сакрально-географическим антиподом семитско-египетского круга будет собственно русский круг, Световая Роженица Руси. И очень важна также связь Днепра как сакральной оси Гардарики с сакральными мифами о Туата де Даннан, “племенах богини Дану”, т. к. слово Днепр возводится к арийскому Данапру (“Вода Дану”). Но Туата де Даннан из кельтских саг, согласно Герману Вирту, означает не столько кельтский, сколько протоарийский сакральный гиперборейский народ, некогда обитавший в полярных регионах. (Вирт и само слово “тевтоны”, ”teutschen”, ”deutschen” возводит к слову “Thuata”, “Туата”). Русь с центральной рекой “Дан-апру”, Днепр, как Белая Земля, Света-Двипа, “Великая Швеция” противостоит Египту с его Нилом, т. е. Черной Земле, Kemi, как называли сами египтяне свою страну. И в таком случае, если Египет и Ближний Восток используются сознательными или бессознательными “филосемитами” как стратегическая парадигма, Weltanschauung в культурном, геополитическом и религиозном ключе, то естественно было бы сторонникам “иафетической” линии взять в качестве главного сакрально-географического ориентира русский круг.

В частности, это может выражаться в радикальном пересмотре финикийской теории о происхождении письменности и в разработке идеи гиперборейского, нордического проторунического письма, впервые сформулированной Виртом. В этом смысле русские символические сюжеты в орнаментах, вышивках, архитектуре и иконописи явятся бесценным материалом для подтверждения этой теории, так как “русские резы” и некоторые особенности символизма кириллицы явно свидетельствуют о существовании древнейшего вербально-идеографического комплекса изначального гиперборейского характера.

Русский “Аватара”

Гиперборейский комплекс Святой Руси — в полной гармонии с православной сотериологией — знал о необходимости темных времен, о существовании “черноморского” Змея, о неумолимом наступлении космической полночи, космической зимы. Но одно-

временно с этим русское сознание пропитано абсолютной убежденностью в том, что именно в такие моменты кажущейся победы “южных”, демонических сил из духовного, невидимого центра Традиции появляется Герой, Спаситель, истинный Царь и истинный Властелин священного космоса Северного Круга.

Глава V. ИМПЕРИЯ РАЯ СИБИРЬ

Символизм 4 сторон света и 4 циклов

Версия традиционалистов (Генона, Эволы, Жоржеля и т. д.) относительно соотношения палеоконтинентов и сторон света с циклическими периодами древнейших цивилизаций сводится к следующему:[30] Изначальной ориентацией был Север и древнейший палеоконтинент, располагавшийся на северном полюсе — Арктогея или Гиперборея, с сакральной столицей, называемой Туле или Тула у греков и ацтеков и Вара в маздеистской иранской традиции. Важно отметить схожесть иранского “Вара” — северного города, столицы Арьяна-вэджа, родины предков персов — и индуистского термина “Варахи” (дословно “кабан”, “земля кабана”), также обозначавшего нордический континент. С древнейшим изначальным континентом связан золотой век человечества, длившийся 25.920 лет.[31] Новый год в древнейшей традиции приходился на точку зимнего солнцестояния (зимнего солнцеворота), на наиболее очевидный момент перехода движения солнца-света от нисхождения к восхождению. Приоритет северной ориентации и празднование Нового Года в день зимнего солнцестояния являются знаками самой Изначальной Традиции.

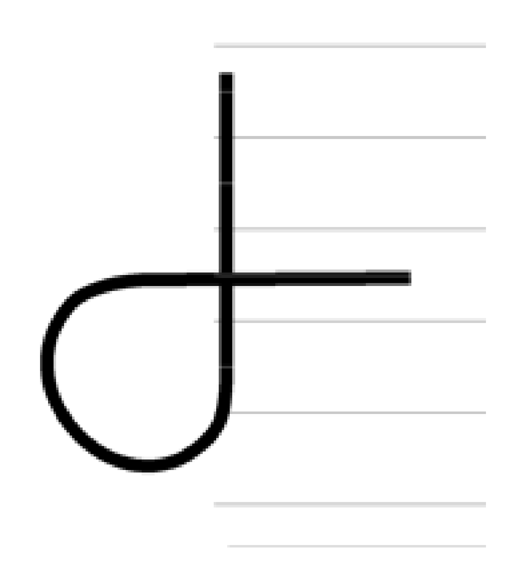
Второй стороной света был Юг и южный палеоконтинент, условно называемый Гондваной. Период доминации южной ориентации приходится на серебряный век, длившийся 19.440 лет. Этому соответствовал праздник Нового Года, падавший на день летнего солнцестояния. Таким образом, в изначальные периоды нашего цикла, манвантары, основные миграции сакральных протонародов проходили по вертикальной оси — Север-Юг, что соответствует приоритету вертикали над горизонталью (ось Восток-Запад) в качественном пространстве сакральной геометрии.

Третьим священным центром была Атлантида, сакральный континент, располагавшийся на Западе. Атлантическая цивилизация длилась 12.960 лет, хотя сам континент Атлантида был затоплен ровно на середине этого периода, на 6480-м году третьего, медного, века. Атлантическая цивилизация продолжала существовать и позднее, что проявилось в волнах миграций народов с Запада на Восток. Атлантический цикл соответствует празднованию Нового Года в день осеннего равноденствия, и сакральной ориентацией в этот период является Запад. И, наконец, четвертым, последним центром нашего человеческого цикла был Восток, соответствующий центру Традиции в железном веке. Железный век, кали-юга индусов, длится всего 6.480 лет. Мы живем,

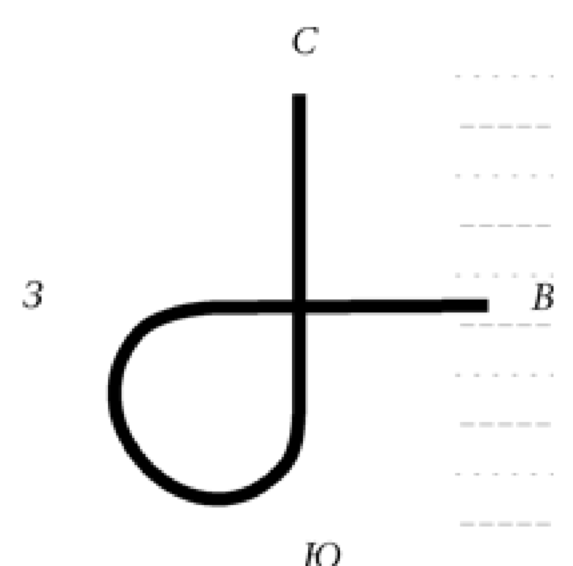
согласно традиционалистам, в конце этого периода. Новый Год железного века празднуют в день весеннего равноденствия. Согласно Генону, именно такое месторасположение центра Изначальной Традиции в железном веке и обусловливает то, что рай в традиционных доктринах располагается на Востоке. Такая локализация не является абсолютной, т. к. изначальный и единственно истинный рай — это рай северный, полярный, гиперборейский, но, тем не менее, наш циклический период характеризуется именно восточным расположением высшего традиционного центра, который служит актуальным полюсом для всех земных традиций и хранит секреты истинного Севера.

Важно, однако, отметить, что подобная традиционалистская схема описывает циклическую ситуацию лишь в самых общих чертах. На самом деле, традиционные формы, свойственные тем или иным сакральным географическим центрам, продолжают существовать и после перемещения высшего центра в другие регионы, но как правило в редуцированном, остаточном состоянии. Иногда в случае разрыва исторически предсуществующего центра с центром актуальным, духовное влияние этого остаточного центра может превращаться в нечто негативное и даже антитрадиционное. В частности, это запечатлелось в позднем извращении атлантической традиции, о чем повествуется в греческих мифах, и с чем Генон связывает сакральное событие, отраженное в Библии под именем всемирного потопа.

Схематически мы можем изобразить курс географического передвижения высшего сакрального центра знаком

или

что дает нам, кроме всего прочего, символ петли — атрибута многих “богов”: Нептуна в Греции, Одина в Скандинавии, Варуны, Ямы, Шивы, Кали и Вишну в индуизме и т. д.

Для нас в данном случае важнее всего выделить именно восточные регионы как наделенные в наше время — в железный век — абсолютным приоритетом в сфере сакральной географии, так как именно Восток — Азия — однозначно связывается с географическим местонахождением рая.

Роль Сибири

В картине общей сакральной географии особая роль выпадает землям Сибири. Действительно, если актуально центр Традиции расположен где-то на Востоке, а изначально он находился на северном полюсе, то именно Сибирь является пространством смычки, связи этих двух сакральных регионов. Такая особенность сибирских земель, возможно, и обусловливает ту специфическую таинственность, которая окружает все связанное с историей этой части материка. Сибирь (особенно северная) в пространствах Евразии является, пожалуй, единственным ареалом, не привлекавшим в кали-югу особого внимания “цивилизации”, в то время, как практически все другие земли в те или иные периоды становились сферой агрессивной конкуренции со стороны различных государств и народов, причиной конфликтов и войн. Сибирь же несмотря на то, что, с чисто природной точки зрения, ее земли не имеют никаких особых изъянов и препятствий для обитания, оставалась в истории скрытой, неизвестной, таинственной, как будто ее охраняла какая-то особая сила судьбы, какой-то неведомый архангел.

Но в то же время, по свидетельству современных археологов, Сибирь в палеолите была обитаема не в меньшей степени, чем южная и восточная Европа, и останки какой-то древнейшей ци-

вилизации встречаются сегодня все чаще и чаще во всех ее уголках. Таким образом, Сибирь, по сути дела, является не девственной территорией, этакой tabula rasa, но просто провиденциально сокрытой, хранящей древнейшие секреты от недостойных взоров.

Именно из южной Сибири и Монголии выкатывались волны так называемых “варваров”, которые в дальнейшем через прикаспийские и черноморские степи двигались в Европу, и которые в значительной мере изменили ее облик в первые века нашей эры. И эти “варвары”, вопреки мнению профанических историков, отнюдь не были примитивными и бессмысленными дикарями, “окультуренными” впоследствии римско-греческой цивилизацией. Они были носителями особых сакральных форм — сжатых и лаконичных, но от этого отнюдь не рудиментарных, так как широкое “горизонтальное” развитие традиционных принципов применительно ко второстепенным модальностям, которое, собственно, и составляет культуру,[32] еще отнюдь не является гарантом полноты и совершенства Традиции как таковой, и даже, напротив, в подобном “горизонтальном” развитии Традиция часто теряет свою метафизическую сторону, углубляясь в космологические и прикладные области.

Но происходя из Сибири и Монголии, “варвары” несли с собой лишь отдельные аспекты древней сибирской сакральности, а Святая Святых продолжала оставаться скрытой от всех, оставленной позади агрессивных народов, своим геополитическим импульсом с Востока на Запад как бы заранее предупреждающих возможное вторжение декадентского Запада в животворные земли Сибири.

В то время, как арийская традиция Индии увязала постепенно в южных, дравидских влияниях, а китайская Срединная Империя закрывалась в изоляционистской самодостаточности, сужая сакральное до более или менее локальных границ, Сибирь жила “некультурной”, но истинно духовной жизнью, пульсируя и порождая глобальные импульсы свежести и чистоты, пробуждающие западные цивилизации Евразии к динамике священной истории. И здесь уместно вспомнить, что большинство актуальных аристократических родов Европы, европейская генетическая элита, имеют свои корни в гото-германских, а подчас и гуннских народах, посланцах тайного сибирского импульса.

Эйкумена тюрков и шаманизм

Важнейшим центром Сибири являлся регион Алтая, земли, прилегающие к середине всей Азии, к сердцу Азии. Народами,

являвшимися носителями особой сакральной, автохтонно сибирской формы, были тюрки. Очень важно заметить, что древнейшие культы тюрков имеют множество параллелей с архаическими, доведическими и домаздеистскими формами евразийских ариев. С другой стороны, существуют определенные связи и с ранними формами китайской и тибетской традиций.

В исследовании древнейших чисто гиперборейских и протоарийских истоков профессор Герман Вирт обнаружил очень важное свидетельство архаических эскимосских народов относительно древнейшего “этноса” белых эскимосов, “людей солнца”, память о которых жива в самых далеких друг от друга эскимосских племенах. Этих белых эскимосов называли “люди Танара” или “народы Танара”, и их мифологическое описание хронологически и фенотипически может относиться только к гиперборейским пришельцам, двигавшимся из полярных регионов в более южные земли. Согласно Вирту, “народы Танара” были представителями гиперборейских групп, спустившихся в Евразию не с Запада (как племена Туата де Даннан — северо-атлантические протоарии), а с Востока. И именно к “народам Танара” Вирт возводит изначальные истоки шумерской традиции. В частности, это запечатлелось и в самом имени шумерских богов “дингир”, т. е. “бог” (фонетическая форма от “танара”). Но для нас крайне важен тот факт, что слово “бог” у архаических тюрков звучало фонетически тождественно “тэнгри”. Кроме того, современные археологи открывают сегодня на территории северной Евразии и особенно в зонах расселения тюркских народов множество орнаментов, рисунков и иероглифов, восходящих к неолиту и имеющих явную схожесть с архаическими шумерскими письменами и сакральными знаками.

Связь тюрков с Сибирью сегодня отодвигается ко все более и более далеким эпохам, и в некоторых случаях возможно проследить преемственность отдельных современных шаманских традиций (в частности, у тунгусов таежного приамурья — эвенков-орочонов) с сакральными композициями неолитических комплексов, и сегодня почитаемых и посещаемых представителями древнейшей веры. Большинство таких неолитических, и даже некоторых палеолитических, сюжетов фактически тождественны древнейшей проторунической календарной парадигме, вскрытой Виртом как изначальная палеоэпиграфическая культовая база всех последующих мифо-символических постгиперборейских сакральных форм.[33]

Рассматривая и сравнивая между собой известные вариации шаманизма народов Сибири и Монголии, можно заметить, что в отличие от многих других версий шаманизма (африканских, аме-

риканских, австралийских и т. д.) общим и доминирующим элементом у сибирских шаманов являются сугубо гиперборейские символы и доктрины: образ белого лебедя, ворона-демиурга, Древа Мира, трех планов космоса, полярной звезды (понимаемой как дыра в небосводе, как точка выхода за пределы проявленного космоса, как место освобождения, мокши), лося и оленя, лука и стрелы, солнечного круга (бубна) и “кельтского креста”. И Генон, и Вирт именно эти символы причисляют к типу изначальных и “аполлонических”.

Реставратор Евразийской Империи

В 1155 году в священном роду Алан-Гоа — матери “ханов по предназначению” и “избранников Вечного неба”, породившей своих детей без отца, от небесного духа, сошедшего к ней через дымник юрты (через отверстие в крыше традиционного жилища монголов), появился на свет принц Темучжин. Так гласит “Сокровенное сказание”— священная книга монголов. В 1180 году он становится ханом улуса (объединения монгольских племен), а в 1206 году у истоков реки Онон в Северной Монголии Темучжин, называемый отныне Чингисхан, объявляется Великим Ханом Всей Монголии. С этого момента начинается величайшая за последнее тысячелетие эпопея планетарного масштаба — попытка создания Великой Евразийской Империи, которая объединила бы континент в единый сакральный организм. “Небесная энергия” позволяет Чингисхану в кратчайшие сроки объединить под своим началом огромные территории от Китая до Ближнего Востока и Восточной Европы.

Очень важное указание, касающееся гиперборейского характера миссии Чингисхана, мы находим в “Сборнике Летописей” персидского путешественника Рашид-ад-Дина. Известно, что отличительными признаками рода Чингисхана были голубые глаза и рыжий цвет волос. Рашид-ад-Дин пишет: “Племя киятборджигин (kiyatboryigin) происходит из потомства Есугай-богатура (отца Чингисхана — А.Д.). Значение “борджигин” — “синеокий”, и, как ни странно, те потомки, которые до настоящего времени произошли от Есугай-богатура, его детей и уруга (клана — А.Д.) его, по большей части синеоки и рыжи. Это объясняется тем, что Алан-Гоа в то время, как забеременела (от духа — А.Д.), сказала: “По ночам перед моими очами вдруг появляется сияние в образе человека рыжего и синеокого и уходит”. Так еще в 8-ом колене, которым является Есугай-богатур, обнаруживают этот отличительный признак, а согласно словам монголов, он является знаком царской власти детей Алан-Гоа, о котором она говорила, и

подобная внешность была доказательством правдивости ее слов и достоверности и очевидности этого обстоятельства.”

Сияние в образе гиперборейского ария перешло в священный род “ханов по предназначению” как инвеститура высшего инициатического полярного центра. Этот нордический сакральный импульс заставил Чингисхана пробудить Азию к единству, начав, естественно, с Монголии и Сибири, так как эти земли были сакрально-географической основой всей имперостроительной экспансии,”золотым зародышем” Новой Империи. Хотя империя Чингисхана и Чингизидов, его потомков, просуществовала недолго, она радикальным образом изменила картину мира и географически и политически, пробудив тюрко-монгольские народы к осознанию их цивилизационной миссии — миссии потомков гиперборейского “народа Танара”, чей полярный и кристальный архетип проявился в последний раз в истории со всей очевидностью и чистотой в “белых синеоких царях”, потомках Алан-Гоа, зачавшей при странных обстоятельствах касту правителей Евразии.

Чингисхан после его смерти стал почитаться монголами как “монгольский аватара”, как манифестация Тэнгри, небесного принципа. Культ Чингисхана, установленный его внуком Хубилаем (основателем Юаньской династии), особенно подчеркивает сакральную роль двух знамен Чингисхана, называемых, соответственно, “черное сульдэ” и “белое сульдэ ”— “хара-сульдэ” и “цаган-сульдэ”. “Сульдэ” по-монгольски — “душа”, “дух”. Эти знамена считались символами двух аспектов “монгольского аватара”, в его сверхвременном, сверхчеловеческом качестве. Этот символизм — черное и белое — является парадигмой гиперборейской сакральной формулы.

Подобно Фридриху II, который, согласно гибеллинским преданиям, пребывает в тайной пещере горы (или вулкана Этны) и ожидает последнего часа цикла, чтобы вернуться и закончить свою имперскую миссию, монголы считают, что могила Чингисхана находится в пещере общемонгольской священной горы Бурхан-халдун, “ивовый холм” или дословно “бог-ива”. И здесь уместно вспомнить, что даосская традиция называла “Городом Ив” сам изначальный центр традиции, “место бессмертных”, “центр мира”.

Литургически в культе Чингисхана его называют “носителем белого обета”, т. е. “обета гиперборейской реставрации”. Род Чингизидов сохранился и после распада Империи Чингисхана. Его потомки существуют и поныне, и к ним до сих пор сохраняется сакральное отношение со стороны тюрков и монголов, не только сохраняющих древние шаманистские традиции Сибири народов

Танара, но и принявших другие сакральные формы — такие, как ислам, ламаизм, даосизм. Институт Чингизидов в евразийских регионах во многом параллелен институту Алидов и Сеидов в исламском мире (и особенно в шиизме). Любопытно, что среди тюрков-мусульман есть представители княжеских родов, восходящих одновременно и к Чингисхану и к Мухаммеду, что делает их уникальными наследниками сразу двух важных традиций.

Сибирь и Россия

После монголо-татарского завоевания русских княжеств Русь-Гардарика была включена в Великую Империю Чингисхана. Когда эта Империя начала ослабевать и распадаться, именно Русь, централизовав вначале свой собственный политический организм, постепенно распространила объединяющее влияние на те государства, которые были ее осколками. После довольно жесткого завоевания “Казанского ханства” Русь, перенявшая функцию евразийского импероcтроительства от татар, начинает мягко распространяться на Восток — в Сибирь. Очень важно подчеркнуть, что в глазах тюркских народов Сибири русские ясно осознавались как “продолжатели” или “возобновители” миссии самого Чингисхана, и фигура русского царя, “Белого Царя”, совпадала с образом “Белого Монгола”, “носителя белого обета”. Кроме того, в дотатарский период и во время него русская аристократия часто вступала в браки с тюркской аристократией — с половцами во времена Киевской Руси и с монголо-татарами во времена завоеваний и т. д. Естественно предположить, что в данном случае аристократические браки служили не только установлению родственных и этнических контактов между русскими и тюрками, но подспудно предполагали и передачу сакрально-географической доктрины от воинственных тюрков к славянской элите, в свою очередь хранящей память о своем нордическом происхождении в различных мифологических формах. Таким образом, движение русских в Сибирь было акцией сакрально санкционированной, имевшей под собой основания, уходящие вглубь эзотерических учений Евразии. Присоединение Сибири к России было действием прямо противоположным “западному колониализму” с его профаническими, утилитарными и прозелитическими задачами. Это было восстановление общего наследия, общего и предсуществовавшего единства, за которым стояла единая воля и единая цель братьев по “белому обету”. Конечно, подобное единство и согласие существовало на “элитарном” сакральном и сверхэтническом уровне, тогда как в отдельных случаях на чисто политической почве могли возникать конфликты и недоразумения.

Даже в начале XX века сакральная роль Сибири и Дальнего Востока всплывала не только в эзотерических культах и патриотических интуициях “славянофилов”, но и в конкретных политических проектах замыкания России на Дальний Восток. В этой связи следует упомянуть личность петербургского доктора Бадмаева,[34] чингизида и врача, практиковавшего тибетскую медицину для русских аристократов. По согласованию с определенными ламаистскими центрами в Бурятии и Тибете доктор Бадмаев разработал особые геополитические проекты, направленные на политическое объединение России с Монголией, на присоединение к России Синь-Цзяна для противодействия английским колонизаторам. Эти идеи, предполагавшие активное вмешательство России в дальневосточную геополитику (особенно через строительство транссибирской железнодорожной магистрали), заинтересовали самого Императора Александра III, а позднее и Николая II. Доктор Бадмаев получил определенные средства из казны на установление экономических связей с Китаем и для осуществления машстабного проекта строительства железной дороги от Семипалатинска до Ланьчжоу. Ланьчжоу — точка, связывающая воедино Китай, Монголию и Среднюю Азию, была избрана центром новой геополитической стратегии России, так как именно с этого места Чингисхан начал завоевание Китая.

Не без помощи Бадмаева в 1914 году в Петербурге открылся ламаистский центр, а в высших политических сферах в этот критический для России период появился близкий наставник XIII Далай-Ламы официальный посланник Лхасы Хамбо Агован Лобсан Дорчжиев.

Так голос чингизидовской, тюркской Сибири вновь дал о себе знать в Россией, пробуждая ее к геополитической идентификацией под знаком “евразийской реставрации”, ”белого обета”.

Эсхатологическая миссия Востока

В соответствии со схемой перемещения высшего центра Традиции, можно сказать, что именно на линии, соединяющей восточную подземную Аггарту с северным полюсом, логически должны разворачиваться решающие события в конце кали-юги, нашего железного века. И актуальные трансформации в геополитическом пространстве России, всей Евразии трудно понимать иначе, как знаки времен, предвещающие близость развязки. Как и всегда в эпохи глобальных потрясений, в России сакральная память континента оживает сегодня в народах этих регионов. Все чаще в России говорят о “евразийском факторе”, о роли Сибири, о судьбе Евразийской Империи, которая, стряхивая с себя забытие перед

лицом роковой угрозы с Запада снова становится перед судьбоносным выбором. И в данной ситуации необходимо ясно дать отчет в сакральной значимости “белого обета”, носителями которого являются по своему гиперборейскому происхождению все народы Евразии, потомки великих строителей Евразийской Империи.

Глава VI. “ЗЕЛЕНАЯ СТРАНА” АМЕРИКА

Роль США, последней оставшейся в мире сверхдержавы, сегодня является центральной в глобальной геополитике. Начиная с конца XIX века периферийный, маргинальный континент, представлявший ранее лишь провинцию Европы, вторичную и как бы дополнительную по отношению к Старому свету, становится все более и более самостоятельной политической и культурной величиной, а после Второй мировой войны США выступают как парадигматическая универсальная модель и для самих стран Европы и даже Азии. Значение Америки неуклонно растет и совокупность идейного, культурного, психологического и даже философского комплекса, связанного с Америкой, выходит за рамки чисто экономического или военного влияния. Проявляется все более зримо “Америка мифологическая”, “Америка как концепт”, “Америка как идея Америки”.

Если в мировом геополитическом сознании такая “идея Америки” смогла укорениться и войти как нечто “неосакральное”, то для этого должны иметься очень веские причины, сопряженные с коллективным бессознательным человечества, с той тайной континентальной географией, которая уходит в глубь тысячелетий, но память о которой продолжает жить в психических архетипах. Рассмотреть “мифологическую” подоплеку Америки как “внутреннего континента” — задача данной главы.

Тайная карта

Гипотезы об открытии Америки Старым Светом задолго до плавания Христофора Колумба становятся сегодня все более и более популярными. Доказано, что скандинавские викинги посещали Северную Америку (Vinaland) на своих кораблях — рунические надписи находят повсюду на восточном побережье Канады, на Лабрадоре, на Нью-Фаундленде и т. д. Существуют достаточно аргументированные теории исследователя Жака де Майо относительно связи цивилизации инков с теми же самыми викингами. Есть и другие версии, утверждающие, что Европа всегда знала о существовании американского континента, и лишь по определенным причинам сакрального характера эта информация не распространялась повсеместно. Но наибольший интерес в этом отношении представляет собой загадочная история о карте Мухиддина Пири Рейса. Остановимся на ней подробнее.

В 1520-м году Мухиддин Пири Рейс, адмирал турецкого флота, опубликовал навигационный атлас “Бахрийе”. (Этот атлас до сих

пор хранится в Национальном Музее Стамбула). Некоторые из карт, находящиеся в нем, изображают с удивительной точностью Северную и Южную Америки, Гренландию и… Антарктиду, которая просто не могла быть тогда известной мореплавателям, если, конечно, верить официальным историкам.

Пири Рейс так объясняет происхождение этих карт. Они были найдены у одного из испанцев, участвовавших в трех экспедициях Христофора Колумба, взятого в плен турецким офицером Кемалем в ходе морского сражения. Пири Рейс утверждает в своих заметках, что только благодаря этим картам Колумб смог открыть Новый Свет, и косвенное подтверждение этому содержится в книге сына Христофора Колумба — Фернандо “Жизнь адмирала Христофора Колумба”: “Он (т. е. Колумб — А.Д.) переработал многочисленную информацию, прежде чем пришел к убеждению, что откроет множество стран к западу от Канарских островов”. Карты Колумба, попавшие к Пири Рейсу, были начерчены в 1498 году. Но сам Пири Рейс утверждает, что до Колумба дошла книга времен Александра Великого. Однако некоторые детали карт — например, Антарктида и Гренландия на них не имеют еще ледяного покрова, и это позволяет заметить, в частности, что Гренландия состоит из двух островов (факт подтвержденный недавно французской экспедицией) — могут иметь отношение лишь к географической картине планеты пятитысячелетней давности! Анализ карт Пири Рейса доктором Афетинаном Тарихом Куруму в книге “Древнейшая карта Америки” (Анкара, 1954) и экспертиза, проведенная американским Институтом Морской Гидрокартографии вскрыли невероятную точность этих карт, где изображены даже лишь недавно открытые геологами горные хребты Антарктиды и Гренландии. А помимо всего прочего, такая точность, по признанию экспертов, может быть получена исключительно с помощью аэрофотосъемки.

Как бы то ни было, знание о существовании Америки с необходимостью должно было наличествовать у евразийских народов до Колумба, а так как никакое знание не исчезает бесследно, а лишь спускается в сферу бессознательного или в глубину эзотерических тайн, то континент Америка, по логике вещей, являлся важным звеном “сакральной географии” древних людей, и современная роль Америки как особой цивилизации есть не что иное, как пробуждение дремлющих архетипов.

Почему не “Колумбия”?

Многие объясняют современное название континента по имени Америго Веспуччи, а не по имени Христофора Колумба, исто-

рическим недоразумением и случайной несправедливостью. Мы никак не можем согласиться с этим, так как нетрудно заметить, что даже в более локальном масштабе среди чисто "рациональных" наименований приживаются лишь те, которые как-то соответствуют языковым полубессознательным архетипам, что проявляется в известном феномене так называемой "народной этимологии". Схожесть в звучании слов при этом играет подчас очень важную роль, но подобное отождествление понятий на основании чисто звукового подобия свидетельствует не столько об их "ошибочности" (как полагала чисто "позитивистская" и "антипсихологическая" наука XIX — начала XX века), сколько об устойчивости смысловых структур не на уровне цельных слов, а на уровне самостоятельного значения букв и буквосочетаний. На базе, напоминающей "народную этимологию", основаны такие метафизические полноценные и далеко не "народные" сакральные методы, как индуистская нирукта и иудейская каббала. Как бы то ни было, мы полагаем, что слово "Америка" для того, чтобы прочно сочетаться с гигантским континентом, причем столь значимым по своей геополитической миссии, должно заключать в себе звуковую концепцию, связанную с архаическими моделями протоязыка, рудиментарно сохраняющимися подсознанием евразийских этносов.

В первую очередь в сакральном образе (и, соответственно, в названии) Америки должна была отразиться идея ее "крайне западного" происхождения. Согласно идеям профессора Вирта,[35] древнейшим западным сакральным центром была земля Мо-Уру, остров Мо-Уру, располагавшийся в северо-западной Атлантике. Это название упоминается в Бундахишне (зороастрийском священном писании), где оно названо третьей после Арьяна-Вэджа стоянкой великих арийских предков. (Сама же Арьяна-Вэджа лежала непосредственно на северном полюсе, на исчезнувшем уже много тысячелетий назад арктическом континенте, "Арктогее"). Однако именно с помощью этого ключевого слова "Мо-Уру" и основываясь на расшифровке древнейших рунических и проторунических знаков (и в частности, на расшифровке линейного преддинастического письма Египта, минойских надписей и даже древних наскальных начертаний), профессор Вирт смог проникнуть в тайны многих этнических и расовых катаклизмов предыстории. Мо-Уру в своих разнообразных фонетических вариациях упоминается и в Библии ("Морийа" — это название холма, где Авараам готовился принести Исаака в жертву Богу), и в кельтских сагах, где говорится о стране "Мориас" или "Муриас", родине северных "божественных" племен Туата де Дананн, и в скандинавских культах, где знаменитый каменный круг культового

языческого центра в Упсале так и назывался “Мора-стен”, то есть “камень Мора” и т. д. Вирт предполагает (и убедительно доказывает в своих подробнейших и досконально аргументированных трудах), что “амореи”, “мавры”и даже океанские “маори” были потомками древнейших выходцев из этого сакрального центра в Северной Атлантике, и география этой земли позднее была перенесена на историческую топонимику новых расселений “людей Мо-Уру”. Любопытно, что “амореи” по-древнееврейски означает именно “народ Запада” (ам уру). Существует также сакральная доктрина, упоминаемая Геноном, которая утверждает, что сама иудейская традиция является “западной” по своему символическому и доисторическому происхождению, о чем свидетельствует, в частности, иудейский обычай праздновать Новый Год осенью, а счет суток вести с вечера, подчеркивая особую значимость “западной” ориентации, соответствующей в силу универсальных исторических соответствий вечеру и осени, “закатному” периоду дня или года. В такой перспективе и сам Ур Халдейский, из которого вышел Абрам в землю обетованную, скорее является субститутом Мо-Уру, “Ура северо-атлантического”, так как даже “Зохар” утверждает, что “Ур”, где изначально пребывал Абрам символизирует “высшее духовное состояние”, из которого Абрам по провиденциальной необходимости “спустился” вниз. (Любопытно отметить, что сами иудеи довольно часто разделяют точку зрения относительно западного происхождения своей традиции, как видно из ранних сионистских проектов организации “еврейского государства” в Америке или в книгах Симона Визенталя об иудейской предыстории Америки и Эдмунда Вайзмана “Америка. Новый Иерусалим.”)

Итак, загадочное Мо-Уру означает именно вне-европейский сакральный континент, лежащий на Западе, в Атлантике. Но “мо-уру”, “амуру” или “амору” (такие формы исторически встречаются в различных традициях) фонетически очень близко к “Америке”. И отнюдь не исключено (и даже довольно вероятно), что именно такое “совпадение”, а точнее, провиденциальное соответствие послужило неосознанным или полуосознанным основанием для закрепления за Новым Светом столь профанического внешне и столь сакрального внутренне имени.

Атлантида и За-Атлантида: мистерия доллара

Естественно, “Америка”-“Мо-Уру” имеет прямое отношение к мифу об Атлантиде, палеоконтиненте, о котором говорили Солон, Платон, а вслед за ними и многие другие. Атлантида — это западный сакральный континент, где процветала духовная цивилиза-

ция, но который погиб в результате великого катаклизма и наводнения. Гибель континента чаще всего описывается как событие поэтапное: после потопления основной материковой части, расположенной к западу от Евразии и Африки, некоторое время сохранялись отдельные острова в Северной Атлантике, где сосредоточились последние племена атлантов, хранителей древней традиции. Таким остатком Атлантиды, по мнению Вирта, и являлась земля Мо-Уру, в свою очередь затопленная уже значительно позже, спустя несколько тысячелетий после основного катаклизма. Однако континент Америка, судя по всему, являлся не самим западным континентом сакральной географии (Атлантидой), а его “продолжением” на Запад. Иными словами, Америка была “За-Атлантидой”, землей, расположенной “по ту сторону Запада”. Возможно, это сакрально символическое местонахождение Америки объясняет и тревожную таинственность с ней связанную в контексте сакральной географии традиционных цивилизаций Евразии.

Согласно этой сакральной географии, на Западе расположена “зеленая страна”, “страна мертвых”, некий полуматериальный мир, напоминающий Хадес или Шеол. Это — страна сумерек и заката, откуда нет выхода для простых смертных, и куда может ступать только посвященный. Считается, что и название Гренландии (дословно “зеленая страна”) относится к тому же символическому комплексу. “Зеленая страна” это не Атлантида (и даже не Мо-Уру!). Это нечто находящееся от нее еще дальше к западу, “мир смерти”, “царство теней”. И этот потусторонний аспект американского континента удивительным образом обнаруживается в такой, на первый взгляд, банальной вещи, как долларовый знак. Рене Генон заметил однажды, что символ на американских банкнотах — это графическое упрощение сакральной печати, встречающейся на древних монетах средиземноморского ареала.

В первоисточнике две вертикальные черты были изображениями двух “столпов Геркулеса”, стоящих, согласно преданию, на крайнем Западе за гибралтарским проливом. Петля же на этом знаке ранее являлась девизом с символической надписью “nec plus ultra”, то есть дословно “дальше некуда”. Оба этих символа обозначали границу, западный предел человеческой сакральной географии, за которым расположены уже “нечеловеческие миры”. И этот “пограничный” символ, указующий на то, что западнее Гибралтара двигаться нельзя, парадоксальным образом стал финансовой эмблемой Америки, страны, лежащей “за границей”, именно там, “куда нельзя”, там, куда надпись на прототипе доллара категорически запрещает отправляться. И в этом проявляется “потустороннее” символическое качество Америки, обнаружи-

вающей теневые, запретные сакрально-географические аспекты человеческой цивилизации.[36]

В такой перспективе новое открытие Колумбом американского континента несет в себе довольно зловещий смысл, так как оно означает появление на горизонте истории “затонувшей Атлантиды”, и даже не самой Атлантиды, а ее “тени”, ее негативного продолжения на символический Запад, в “мир мертвых”. И довольно характерно в этом смысле временное совпадение этого “нового открытия” с началом резкого упадка европейской (да и общеевразийской) цивилизации, стремительно начавшей терять свои духовные, религиозные, качественные и сакральные принципы как раз в этот период.

На культурно-философском уровне именно Америка становится отныне местом идеальной проекции чисто профанических, атеистических или полуатеистических утопий. И модели общества, основанного на сугубо человеческом рацио, начиная с Т.Мора все чаще и чаще переносятся на этот континент. Здесь снова на выбор тех или иных географических пространств влияет не только неизведанность этих земель, предназначенных для реализации Утопии, но архетипы “страны мертвых”, “где царит вечный покой и порядок”, образы “зеленой страны” Запада.

Можно уподобить исторический цикл Америки поднимающейся из глубины вод “Новой Атлантиде”, но не подлинной и воскресшей,[37] а химерической, поддельной, призрачной, лишь по видимости выдающей себя за возвращение “золотого века”, а на деле источающей тлетворный запах континента-могилы.

Восход на Западе, Заход на Востоке

Однажды известный метафизик и традиционалист Гейдар Джемаль указал на такую интересную особенность географического местонахождения американского континента: для американцев каждое утро солнце встает со стороны Европы (т. е. со стороны того, что в сакральной географии устойчиво связано с Западом), а садится со стороны Азии (т. е. символического Востока). Такое смещение символизма ориентаций в естественном “мировосприятии” жителей этого континента странным образом резонирует с известным эсхатологическим пророчеством, гласящем, что в “последние времена” солнце будет вставать на Западе, а садиться на Востоке. Такая исключительность с необходимостью должна влиять на архаический уровень континентального американского психизма, дополняя собой и без того весьма специфическую роль Америки как всплывшей За-Атлантиды, “зеленой страны мертвых”. Если добавить к этому еще и “рационалистический

утопизм", фундаментальный для отцов-основателей Северно-Американских Штатов, то, действительно, мы получим вариант эсхатологического, мессианского комплекса, формирующего парадигму, структуру американского континентального сознания в целом, и особенно тех его аспектов, которые глубже всего связаны с геополитикой, универсализмом и самоидентификацией. Сценарий эсхатологического действа в общих чертах одинаков в самых далеких друг от друга религиях. И в христианстве, и в исламе, и в иудаизме, и в большинстве арийских языческих традиций, и даже в меланезийских карго-культах "мессианская эпоха" характеризуется "воскресением (или возвращением) мертвых", "восстановлением райского благоденствия", "обнаружением всего потерянного в ходе истории", "появлением новых земель и новых небес", "присутствием постоянной благодати" и т. д. Если внимательно присмотреться к американской ментальности в ее североамериканском варианте, мы увидим почти все аспекты этого эсхатологического плана. "Воскресение мертвых" проявляется как в практикуемых заморозках трупов богатых американцев, надеющихся на воскресение с помощью научных достижений в будущем столетии, так и во множестве американских неоспиритуалистических сект, проповедующих танатофилию и научно (с помощью шарлатанских приборов) доказывающих "бессмертие души". "Райское благоденствие" перенесено в концепцию "материального процветания", а "новая земля" и есть сам американский континент, база нового "золотого века", называемого в некоторых оккультистских и астрологических средах "эпохой Водолея" или "Нью Эйдж", "новой эрой" (так именуется широчайшее псевдорелигиозное движение, крайне развитое в США).

Эсхатологизм пронизывает и саму концепцию "нового мирового порядка", выдвигаемую как актуальный лозунг современного "мирового сообщества" (повторяющего и развивающего американские идеологические проекты), и эта концепция предполагает экспансию американского образца на всю остальную территорию планеты. Так, всплывшая из глубин тревожной тайны и эзотерического секрета "новая земля", "Новый Свет", пытается выдать себя за духовную новую землю, о которой говорит Апокалипсис, и которая должна появиться после Конца Времен. Но для континента Америка постапокалиптическая эпоха уже наступила: победа во Второй мировой войне войск союзников, приведшая США к мировому господству, а также факты преследования евреев в Германии (объявленные доказательством свершившегося апокалиптического "холокоста") и символизм воссоздания государства Израиль, им совсем недавно крах СССР, последнего планетарного противника Запада, расшифровываются вождями Америки как

несомненные знаки мировой победы и вступления в “новый эон”, в эпоху единоличной доминации над миром, “конца истории” и глобального рынка.

Отсчет мессианского времени в США начался.

”Святая Америка”

У архаико-бессознательного комплекса “американской идеи” есть и весьма явное, откровенное выражение, проявляющееся в “политической теологии американизма”. Мы имеем в виду неопротестантскую концепцию “Америки, обетованной земли”. Здесь энергии континента вылились в особое богословское построение, и если воспринять некоторые термины этого мистического “протестантского американизма” не как ораторские метафоры, а как точное формулирование эсхатологических конструкций, то это может дать довольно неожиданную и тревожную картину. К примеру, сам Джордж Вашингтон заявлял: “Соединенные Штаты — это Новый Иерусалим, определенный Провидением под территорию, где человек должен достичь своего полного развития, где наука, свобода, счастье и слава должны распространяться с миром”. Тут важно отметить концепцию “Нового Иерусалима”, которая в устах христианина (даже протестанта) обязательно сопрягается с Апокалипсисом и относится к последней стадии эсхатологического сценария, к спуску с небес духовного “Града Господня”, “Нового Иерусалима”.[38]

Джон Адамс, со своей стороны, ясно определил глобализм американской миссии, назвав США “чистой и добродетельной республикой, чья задача состоит в том, чтобы править миром и установить совершенство людей”.

В современную эпоху этот особый “патриотизм” получил новую энергию благодаря развитию телевидения, и это привело к появлению феномена “телепроповедничества”, который Исидро Паласиос назвал “электронным христианством”. К примеру, известный телепроповедник Джэрри Гоуэлл сегодня так формулирует “американскую идею”: “США. Эта страна, благословенная всемогуществом Божьим, как никакая другая страна земли подвергается ныне и изнутри и снаружи атакам дьявольских козней, которые могут кончиться уничтожением американской нации. Дьявол вступает тем самым в битву с волей Бога, который поставил США выше всех других народов, как древний Израиль…” Эти теологические мотивы протестантского эсхатологизма свойственны и современным американским президентам. Рэйган в 1984 году утверждал: “Я не думаю, что Господь, который облагодетельствовал эту страну, как никакую другую, захочет когда-либо, что-

бы мы торговались из-за своей слабости.”

И все же без учета символической роли За-Атлантиды в ее сверхвременном, над-историческом комплексе этот мессианский пафос останется непонятным, и весь масштаб духовного подлога, который стоит за ним, не сможет быть до конца оценен и осознан. В самом общем смысле здесь, как и во всех “пародийных” эсхатологиях, мы имеем дело с перемещением духовного золотого века, который наступит сразу же после Конца Истории, во временной период, предшествующий этому Концу, до Конца Истории.

”Аполлон”, Диана и усеченная пирамида

Та же пародийная логика, применяющая к материальному уровню духовные реальности, искажая тем самым сакральный смысл, стоит и за техническим прогрессом “континента Америка”, а особенно в такой показательной области как космические исследования. Тот факт, что лишь одни американцы совершили полет на Луну, где в согласии с различными архаическими традициями пребывают “души предков”, весьма показателен. (Особенно важно, что советским космонавтам, принадлежащим также к весьма эсхатологической политической формации, этого так и не удалось сделать). Между “зеленой страной мертвых” и планетой Луна в эзотерической традиции существует прямая связь, и та же самая связь прослеживается в объективной, материальной и чисто профанической с виду истории современности. То, что полеты американских астронавтов имели осознанно “ритуальный смысл”, видно хотя бы в названии корабля “Аполлон”, т. е. традиционный мифологический спутник Дианы, Луны. Более того, астронавты возили с собой на Луну масонские перстни, как это сообщалось даже в светской прессе, а это значит, что “ритуальный” характер происходящего не мог не быть для них очевиден, коль скоро “вступление в сферу Луны” в масонском ритуале означает прохождение малых мистерий. И здесь снова символическая параллель — посвящение в малые мистерии возводит масона в так называемое “эдемическое (райское) состояние”, возвращает ему духовную полноту, которая была свойственна людям золотого века. Но в случае отдельной личности все это осуществляется на внутреннем “микрокосмическом” уровне. В космическом же полете на Луну ритуал приобретает внешний, материальный, “макрокосмический” характер, и тогда “сакрализируется” не только индивидуум, но весь “континент”, посланцем которого данный индивидуум является. На символическом уровне межпланетное путешествие из Америки на Луну было равнозначно путешествию из “Америки” в “Америку”, но одновременно этот пародий-

ный ритуал укрепил и усилил мистическое и мессианское самоощущение Америки в целом, американского подсознания. Следует также заметить, что масонская традиция в Америке чрезвычайно развита, причем и в этом аспекте существуют концепции, настаивающие на особости, уникальности и “избранности” именно американского масонства по сравнению с другими его ветвями. В американских масонских ложах распространена легенда, что последние “Рыцари Храма”, скрывавшиеся еще некоторое время от преследования французских монархов и католических властей в Европе, позже уехали в Америку и перевезли туда свои сокровища и свои святыни. Кое-кто даже утверждает, что именно в Америку был перевезен Святой Грааль. Как бы то ни было, американские масоны убеждены, что истинный “священный” центр масонства находится именно в США, и что европейское масонство, “слишком архаичное и беспомощное” сегодня есть не что иное, как “пережиток прошлого”. Безусловно масонскими являются государственные символы США — белая пятиконечная звезда (символ “райского Адама”— снова те же “райские” темы) и усеченная пирамида, чья вершина отделена от основания кольцом из 13 звезд, символизирующих 13 колен Израилевых. (Колено Иосифа часто представляется символически как двойное колено Ефрема и Манасии, что дает нам 13 вместо 12, и, по меньшей мере, именно такая доктрина свойственна масонской арифмологии). Усеченная пирамида несет тревожный символический смысл, так как обозначает иерархию, лишенную своей сакральной вершины, своего сакрального центра. Возможно, изначально эта эмблема была призвана выражать антиавторитарную, антимонархическую направленность политического устройства США, отсутствие единого правителя, но символ никогда не бывает ограничен чисто эмблематической функцией, и усеченная пирамида заключает в себе обязательно идею “прерванного посвящения”. Но именно эта незавершенность инициатического цикла и является наиболее полной характеристикой “черных магов”, как их понимала Традиция.

Дары из “мира предков”

Мирча Элиаде и другие ученые, занимавшиеся структурой архаических верований, подробно разобрали логику так называемых “карго-культов”,[39] эсхатологических меланизийских “локальных религий”, связанных с отменой всех религиозных правил и с объявлением особой “мессианской” эпохи, в которой разрешен промискуитет, безграничный алкогольный экстаз, безделье и которая характеризуется “возвращением мертвых” с дара-

ми на огромных кораблях из “Америки”. Помимо символической подоплеки данных культов нельзя исключить в них также рудименты подсознательных архетипов забытой сакральной географии. Причем важно, что к настоящим белым, “американцам”, отношение карго-культистов весьма двусмысленное: с одной стороны, “американцы” считаются узурпаторами тех товаров, которые “производятся” предками самих аборигенов и их “богами”, с другой стороны, в определенных аспектах карго-культисты и сами начинают подражать белым, имитировать некоторые их манеры, особенности поведения, привычки и позы. Какими бы узурпаторами ни выглядели “американцы” по отношению к “настоящим” обитателям страны мертвых, они все же имели с ними непосредственный контакт. И уже одно это делает их выделенными, особыми. В целом же карго-культистский комплекс предполагает скорое начало “золотого века” и абсолютного изобилия, превосходящего все мыслимые пределы.

Элиаде, разбирая карго-культы, показывает насколько общим является заложенный в них сценарий, который с весьма незначительными изменениями прослеживается и в Африке, и у индусов, и у народов Океании, и в других местах. Эсхатологический карго-культизм, таким образом, представляет собой довольно универсальный комплекс, свойственный коренным структурам бессознательного, некоему изначальному сакральному знанию, спустившемуся в ходе тысячелетий в область психического и рудиментарного. Карго-культистский комплекс является как бы дополнительным компонентом “страны мертвых”, “мистической Америки”, “За-Атлантиды”. Автохтонное сознание не-американских территорий, будучи отвлеченным от вертикальной и подлинной эсхатологической перспективы, за счет утраты метафизической полноценности, совершает смещение, подобное тому, что происходит в самом американском сознании — духовное переносится на материальное, а потустороннее на посюстороннее. Именно этим и ничем иным объясняется сложное отношение многих архаических народов к американизму и его носителям. С одной стороны, американцы вызывают неприятие, отталкивание, желание закрыться от их влияния (иногда даже “разоблачить” их, “экспроприировать” и т. д.), а с другой — “магическое присутствие мертвых предков” за спиной “американцев” как гарант их материального успеха вызывает неотразимое желание им подражать.

Закрыть Америку

Тревожная и зловещая страна по ту сторону океана. Без истории, без предания, без корней. Искуственная, агрессивная, навязчивая реальность, начисто лишенная духа, сосредоточенная лишь на материальном мире и технической эффективности, холодная, безразличная, сияющая неоном реклам, бессмысленной роскошью; оттененная патологической нищетой, генетическим вырождением, разрывом всех и всяческих связей между людьми, вещами, природой и культурой. Результат чистого эксперимента европейских рационалистических утопистов.

Она утверждает сегодня свое планетарное господство, триумф своего образа жизни, своей цивилизационной модели надо всеми народами земли. Над нами. В себе и только в себе видит она “прогресс” и “нормы цивилизованности”, отказывая всем остальным в праве на собственный путь, на собственную культуру, на собственную систему ценностей. Как удивительно точно напоминает все это пророчества о приходе в мир антихриста... Царя мертвой “зеленой страны”, восставшей из пучины древнего преступления...

Закрыть Америку наш религиозный долг.

Глава VII. КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ НАС

Либерализм — тоталитарная идеология

Что является доминирующей идеологией современного Запада и его геополитического авангарда — Соединенных Штатов Америки? Это совершенно не праздный вопрос. Он затрагивает напрямую каждого из нас. Будем откровенны: мы проиграли глобальный геополитический конфликт. Мы побеждены. И поэтому обязаны знать точно и строго — кто является хозяином в новых условиях планетарного расклада сил, каковы основные черты его мировоззрения, что он думает о мире, истории, судьбе человечества, о нас самих? Это необходимо всем — и тому, кто намерен смириться и покорно служить новым господам, и тому, кто отказывается принимать такое положение дел и стремится к восстанию и отвоеванию новой геополитической свободы.

Нам внушили мысль, что на Западе вообще нет никакой идеологии, что там царит плюрализм позиций и убеждений, что каждый волен верить во что угодно, думать, говорить и делать все, что угодно. Это — абсолютная ложь, простой пропагандистский ход, заимствованный из арсенала “холодной войны” (войны против нас). На самом деле, на Западе существует доминирующая идеология, которая не менее тоталитарна и нетерпима, нежели любая другая идеология, только ее формы и принципы своеобразны, философские предпосылки инаковы, историческая база в корне отлична от тех идеологий, которые привычны и известны нам. Эта идеология — либерализм. Она основана на догме об “автономном индивидууме” (т. е. на последовательном индивидуализме), “прикладной рациональности”, вере в технологический прогресс, на концепции “открытого общества”, на возведении принципа “рынка” и “свободного обмена” не только в экономический, но в идеологический, социальный и философский абсолют.

Либеральная идеология является “правой” в узко экономическом смысле, и “левой” — в смысле гуманитарной риторики. Причем все иные сочетания правого с левым, или просто правое и левое сами по себе либерализм отвергает, демонтирует, маргинализирует, выносит за кадры официоза. Либерализм тоталитарен по-особому. Вместо прямых физических репрессий против инакомыслящих, он прибегает к тактике мягкого удушения, постепенного сдвига на окраину общества, экономического задавливания диссидентов и оппонентов и т. д. Но факт остается фактом: доминирующая идеология Запада (либерализм) активно борется с аль-

тернативными политико-идеологическими проектами, но использует для достижения своих целей методы более тонкие, более “мягкие”, более отточенные, чем иные формы тоталитаризма, — но от этого только более эффективные. Либеральный тоталитаризм не бруталeн, не открыт, но завуалирован, призрачен, невидим. Но не менее жесток.

Наличие у Запада “доминирующей идеологии” постепенно все яснее обозначается и в нашем обществе. Реальность либерализма и идеологии либерализма стала очевидной, а следовательно, мы пришли к большей определенности. Сторонники Запада с необходимостью должны отныне разделять все идеологические предпосылки конкретного либерализма (а не какой-то туманной “демократии”, под которой каждый волен понимать что-то туманное и неопределенное), его противники объединяются неприятием этой идеологии. Но у либерализма есть еще один, более скрытый пласт. Речь идет о некоторых богословских и религиозных предпосылках, которые, в конечном счете, привели Запад именно к той идеологической модели, которая в нем укоренилась сегодня и стала доминирующей. Этот пласт не столь универсален и однозначно признан, как вульгарные штампы “открытого общества” и “прав человека”, но, тем не менее, именно он является базой и тайным истоком главенствующей на планете либеральной идеологии, которая сама по себе — лишь вершина айсберга.

Речь идет о протестантской эсхатологии.

США — квинтэссенция Запада

Ни у кого сегодня нет сомнений, что миром правит единственная оставшаяся полноценной сверхдержава — США. Это не просто самое могущественное в военном отношении государство Запада, это, в некотором смысле, результат западного пути развития, его пик, его максимальное достижение. США были основаны и построены как искусственно сконструированное образование, лишенное исторической инерции, традиций и т. д. по меркам самых радикальных рецептов, выработанных всем ходом западной цивилизации. Это — вершина западной цивилизации, венец ее становления.

США — сумма Запада, его геополитический, идеологический и религиозный авангард. Только в США принципы либерализма были внедрены тотально и последовательно, и начиная с некоторого времени, и Запад и либерализм стали совершенно правомочно отождествляться именно с США.

Америка является гегемоном современного мира, гигантской геополитической, стратегической и экономической империей,

которая контролирует все важнейшие процессы на планете. Причем не просто как одно из обычных государств, пусть даже очень мощное и развитое, но именно как идеологическая модель, как путь развития, как судья и пастырь человечества, навязывающий ему определенную систему идеологических, мировоззренческих и политических ценностей. Империя США — империя либерализма, империя капитала, империя постиндустриального общества, как высшей стадии развития буржуазного строя.

Безусловно, США являются прямыми наследниками Европы и европейской истории. Но уникальность этого образования заключается в том, что Штаты взяли от Европы только одно, наиболее рафинированное, очищенное направление цивилизации — либеральный рационализм, теорию "социального контракта", индивидуализм, динамичный технологический индустриализм, абсолютизированные концепции "торгового строя". Ранее все эти тенденции концентрировались в протестантской Англии. Британская Империя была первой (если не принимать в расчет Древнюю Финикию) моделью построения чисто "торговой цивилизации", к которой логически вела западная история. И не случайно главными теоретиками либерализма были именно англичане — Адам Смит, Рикардо и т. д., а философами индивидуализма — Локк, Гоббс, Мандевиль. Макс Вебер и еще более ярко Вернер Зомбарт показали, каким образом западный капитализм родился из протестантской этики, и насколько этно-религиозный фактор существенен для возникновения определенных социально-экономических формаций.

От Англии эстафета "торгового строя" постепенно перешла к США, и начиная со второй половины XX века лидерство Америки в общем контексте западной цивилизации стало бесспорным историческим фактом.

США — воплощение Запада, западного капитализма, его центр и его ось, его сущность. И мы теперь с позиций нашего опыта, когда США стали единственным хозяином всей планеты, к чему они так долго шли, можем легко распознать логику истории, сходящуюся как в фокусе в единую точку (чего не могли по историческим причинам сделать те мыслители, которые не дожили до драматической развязки геополитического, социального и экономического противостояния "холодной войны").

Итак, вся западная история Запада сходится на США.

Собственно "Запад" как геополитическое явление возник в период раскола христианской Церкви на Православие и католичество. Католический ареал и стал базой того, что именуется с тех пор "Западом", "Западом" в концептуальном смысле. Начиная с этого момента люди католического мира отождествили самих

себя с полноценным человечеством, свою историю — с мировой историей, свою цивилизацию — с цивилизацией вообще. Все прочие цивилизации и традиции были презрительно приравнены к "диким", "варварским". Показательно, что в такой "недочеловеческий" разряд попадали не только не христианские народы, но и весь православный мир, который, на самом деле, и был зоной реального, неискаженного, аутентичного христианства. Кстати, именно потому, что православные страны — вначале Византия, позже Россия — были христианскими, они вызывали у католиков такое агрессивное неприятие. Православие давала пример христианства иного — универсального, открытого, не сектантского, радикально альтернативного всему цивилизационному строю, который сложился на Западе и который до некоторого времени претендовал на единственную форму христианской государственности. В противостоянии католичества Православию и следует искать завязь диалектического развития истории цивилизации и геополитических процессов в последующие века.

От раскола церквей следует отсчитывать историю Запада. Католичество в то время становится во главе сугубо "западных" тенденций. Но через определенный промежуток времени определенные элементы католического учения, доставшиеся ему, кстати, в наследство от православного единства церквей, входят в противоречие с основной линией развития Запада. Перелом приходится на Реформацию. В этот момент наиболее "западные" тенденции обособляются и концентрируются в протестантском типе. Протестантизм распространяется именно в тех странах и среди тех народов, которые последовательно движутся в направлении, заданном расколом: отчуждение от Востока, высокомерное презрение к "диким народам", отождествление себя самих и своего технического развития с пиком цивилизации, индивидуалистические и рационалистические тенденции, которые не довольствовались уже рамками католическими (хотя те, в свою очередь, были существенным шагом в том же направлении от традиционного и верного духу изначального учения Православия).

Протестантские страны — в первую очередь, Англия — становятся на путь "морской цивилизации", тяготеют к абсолютизации либеральной модели, к универсализации "торгового строя". Отныне на самом Западе роль авангарда, роль "Дальнего Запада" начинают играть англичане.

Еще позднее именно крайние, наиболее радикальные протестантские английские секты закладывают основу американской цивилизации, проектируют и реализуют США. Они едут туда — на крайний Запад — как в "землю обетованную" строить там совершенное общество, "идеальный Запад", "абсолютный Запад".

Соединенные Штаты Америки как государство созданы консенсусом фундаменталистских протестантских сект, и подавляющее большинство политического класса США до сих пор неизменно остаются представителями именно протестантских конфессий. Это, впрочем, вполне логично — страной правят законные идеологические наследники тех, кто ее создал, кто ее организовал, кто привел ее к материальному процветанию и планетарному могуществу.

Сами американцы называют это “Manifest Destiny”, “Проявленная Судьба” (или “Предначертанная Судьба”). Иными словами, американцы видят свою историю как последовательный восходящий путь к цивилизационному триумфу, к победе той мировозренческой модели, на которой основана сама американская цивилизация — как квинтэссенция всей истории Запада.

Протестантизм как идеология

Могут возразить — “Современное западное общество — и особенно американское — давно уже атеистично, религии придерживается незначительное количество населения, и тем более, фундаментализм, пусть протестантского типа — никак не может быть приравнен к официальной идеологии США, ни тем более Запада в целом”. На самом деле, необходимо указать, что религия не обязательно должна выступать как культ или совокупность догматов. Часто в современном мире она проявляется подспудно, как психологические предпосылки, как система культурных и бытовых штампов, как полусознательная геополитическая интуиция. Можно сравнить религию с идеологией — одни (меньшинство) владеют всей совокупностью концептуального аппарата, другие же (большинство) схватывают идеологию интуитивно. И чаще всего религия сегодня воздействует больше через культурный фон, через семейную психологию, через нормативы социальной этики. В этом отношении США — страна абсолютно протестантская, и этот “протестантизм” затрагивает не только открытых приверженцев этой конфессии, но и огромные слои людей иных религиозных убеждений и даже атеистов. Протестантский дух легко обнаружить не только у пуритан, баптистов, квакеров, мормонов, и т. д., но и в американском кришнаизме, и в секте Муна, и среди американских иезуитов, и просто в безрелигиозном американском обывателе. Все они в той или иной степени затронуты “протестантской идеологией”, хотя культово и догматически это признается относительным меньшинством.

Второй аргумент. Политический класс в США не является пропорциональным отражением всего общества. Достаточно посмот-

реть на ничтожное число цветных среди политиков и высших администраторов. По традиции мажоритарным типом в американской политике является “WASP“ — “White Anglo-Saxon Protestant”, “белый англосаксонский протестант”. Следовательно, полноценный протестантский фундаментализм здесь намного более вероятен, нежели в иных слоях.

И наконец, еще более конкретно, Республиканская Партия США, одна из двух, обладающих де факто политической монополией, руководствуется протестантско-фундаменталистским мировоззрением открыто и последовательно, закономерно считая его осевой линией американской цивилизации, религиозно-догматическим воплощением Manifest Destiny, “Проявленной Судьбы” Штатов. Промежуточным пластом между общепризнанным светским либерализмом для масс и протестантским эсхатологическим фундаментализмом политической элиты служат геополитические центры аналитиков, обслуживающих власть, которые пользуются в своих разработках обобщающей методикой, где главные религиозные и философские постулаты протестантизма, взятые без деталей и пророческого фанатизма проповедников, сочетаются с наиболее прагматическими сторонами либеральной доктрины, но очищенной от патетической демагогии о “правах человека” и “демократии”. Иными словами, геополитическое мышление, которое чрезвычайно развито у политической элиты США, непротиворечиво совмещает в себе эсхатологический фундаментализм, идею “США как Нового Израиля, призванного пасти народы в конце истории” и идею свободной торговли, как максимальную рационализацию общественного устройства, основанного на приоритете “разумного эгоизма” и “атомарного индивидуума”.

Протестантское мессианство американской геополитики сочетается таким образом с предложением универсальной рыночной модели хозяйствования и либеральной системой ценностей в культуре.

“Империя зла”

Главным геополитическим и идеологическим врагом Запада долгие века была Россия.

Это вполне закономерно. На богословском уровне, это коренится в противостоянии католичества (+протестантство) Православию, Западной Римской Империи — Византии. Западная и восточная формы христианства — это два выбора, два пути, два несовместимых, взаимоисключающих мессианских идеала. Православие ориентировано на духовное преображение мира в лучах

нетварного Фаворского света, католичество — на материальное переустройство земли под административным началом Ватикана.[40] Православные почитают превыше всего созерцание, католики — действие. Православное политическое учение настаивает на "симфонии властей", строго разводит светское (василевса, царя) и духовное (патриарх, клир) начала. Католичество же стремится распространить власть Папы на светскую жизнь, провоцируя обратный узурпационный ход со стороны светских монархов, рвущихся подчинить себе Ватикан. Православные считают католиков "отступниками", предавшимися "апостасии", католики рассматривают православных как "варварскую спиритуалистическую секту".

Наиболее антиправославные черты — вплоть до отказа от службы и многих догматов — довели до предела протестанты.

Русь была прямой и единственной духовно-политической, геополитической наследницей Византии после падения Константинополя. Поэтому и только поэтому она называлась "Святой". Ее сделало "святой", "богоносной", "богоизбранной" провиденциальное принятие византийского наследия, верность полноте православной традиции (включая социально-политические и, даже, экономические аспекты). Особенно важно подчеркнуть, что не просто факт распространения Православия как конфессии дал эту святость — православные церкви есть и в других странах и среди других народов. Но именно сочетание православной веры с мощной и свободной политическоцй империей, с царством, с Царем в сочетании с национальным Русским Патриархом — обеспечивало догматическую и богословскую, эсхатологическую правомочность такого названия. И строго говоря, Русь перестала быть "святой" когда "симфония властей" и православное политическое устройство было отвергнуто — сперва вторым Романовым (раскол), затем его сыном западником и ликвидатором священного наследия Петром Первым.

Как бы то ни было, начиная с XVI века Русь выступает как главный идеологический, цивилизационный противник Европы. Позже следует затяжная геополитическая дуэль с Англией на Востоке, а в последнее время — "холодная война".

История не линейна, она часто делает отступления, уходит в стороны, выпячивает детали, акцентирует парадоксы и аномалии. Но все же осевая линия очевидна. Безусловно, существует некая "Manifest Destiny" ("Проявленная Судьба") в широком смысле. — Запад она приводит к американской модели, к американскому образу жизни, к сверхдержаве, а Восток (по меньшей мере христианский Восток) сквозь века воплощается в России. Как абсолютно симметрическая антитеза рыночному эсхатологизму

протестантских англосаксов — социалистическая вера в золотой век советских русских. “Конец света” по либеральному сценарию и его противоположность — “конец света” по сценарию православно-русскому, социальному, евразийскому, восточному. Для них это — всеобщее порабощение и рационализация, для нас — всеобщее преображене и освобождение.

Логика истории постоянно на самых различных уровнях навязчиво высвечивает основополагающий дуализм — США и СССР, Запад и Восток, Америка и Россия. В экономике, политике, геополитике, богословии, культуре ясная, пугающе ясная антитеза — как наглядно развернутый перед нами промысел о драме мира, о двух полюсах континентальной дуэли, о великой войне континентов, физических и духовных.

Диспенсациализм

Осознают ли сами американцы богословскую подоплеку своего геополитического противостояния с Евразией, с Россией? Безусловно, да, и подчас гораздо яснее, чем русские.

Существует особое протестантское эсхатологическое учение, которое называется “диспенсациализмом”, от латинского слова “despensatio”, что можно перевести как “промысел”, “замысел”. Согласно этой теории, у Бога есть один “замысел” относительно христиан англосаксов, другой — относительно евреев, а третий — относительно всех остальных народов. Англосаксы считаются “потомками десяти колен Израиля, не вернувшихся в Иудею из Вавилонского пленения”. Эти десять колен “вспомнили о своем происхождении, приняв протестантизм в качестве своей основной конфессии”.

“Промысел” о протестантских англосаксах, по мнению приверженцев диспенсациализма, таков. — Перед концом времен должна наступить смутная эпоха (“скорбь великая”, tribulation). В этот момент силы зла, “империя зла” (когда Рэйган назвал СССР “империей зла” он имел в виду именно этот эсхатологический библейский смысл) нападут на протестантов-англосаксов (а равно и на других “рожденных снова”, born again) и на короткий срок воцарится “мерзость запустения”. Главным отрицательным героем “смутной эпохи” (tribulation) является “царь Гог”. Теперь очень важный момент: этот персонаж устойчиво и постоянно отождествляется в эсхатологии диспенсациалистов с Россией.

Впервые отчетливо это было сформулировано во время Крымской войны, в 1855, евангелистом Джоном Каммингом. Тогда он отождествил с библейским “Гогом, принцем Магога” — предводителем нашествия на Израиль, предсказанного в Библии[41] —

русского царя Николая I. С особой силой эта тема вновь вспыхнула в 1917, а в эпоху “холодной войны” она стала фактически официальной позицией “морального большинства” религиозной Америки.

Иной “промысел”, по учению диспенсациалистов, существует у Бога относительно Израиля. Под “Израилем“ они понимают буквальное восстановление еврейского государства перед концом времен. В отличие от православных и всех остальных нормальных христиан, протестантские фундаменталисты убеждены, что библейские пророчества относительно участия народа Израилева в событиях “конца времен” надо понимать буквально, строго по-ветхозаветному, и что они относятся к тем евреям, которые продолжают исповедовать иудаизм и в наши дни. Евреи в конце времен должны вернуться в Израиль, восстановить свое государство (это “диспенциалистское пророчество” странным образом буквально исполнилось в 1947 году) и затем подвергнуться нашествию Гога, т. е. “русских”, “евразийских”.

Далее начинается самая странная часть “диспенсациализма”. В момент “великой скорби” предполагается, что англосаксонские христиане будут “взяты“ (“восхищены”) на небо (rapture) — как бы на “космическом корабле или тарелке” — и там переждут войну Гога (русских) с Израилем. Потом они (англосаксы) вместе с протестантским “Христом” спустятся на землю снова, где их встретят победившие Гога израильтяне и тут же перейдут в протестантизм. Тогда начнется “тысячелетнее царство” и Америка будет вместе с Израилем безраздельно господствовать в устойчивом парадизе “открытого общества”, “единого мира”.

Эта экстравагантная теория была бы достоянием маргинальных фанатиков, если бы не некоторые обстоятельства.

Во-первых, убежденным “диспенциалистом”, искренне верившим в буквальное исполнение такого эсхатологического сценария, был некто Сайрус Скофильд, знаменитый тем, что является составителем самой популярной англоязычной Библии — “Scofield Reference Bible”, разошедшейся тиражом во много миллионов экземпляров. В Америке эту книгу можно встретить на каждом шагу. Так вот, этот Скофилд вставил в библейский текст собственные исторические комментарии и пророчества о грядущих событиях, выдержанные в духе радикального “диспенсациализма”, таким ообразом, что неискушенному читателю трудно отличить собственно библейский текст от его авторской диспенциалистской трактовки Скофильда. Поэтому пропаганда христианства в англосаксонском мире, и особенно в США, уже в самой основе несет “патриотического” американского воспитания (“Manifest Destiny”), русофобской эсхатологической индоктрина-

ции и откровенного сионизма. Иными словами, в “диспенсациализме” воплощена новейшая форма той многовековой идеологии, которая лежит в основе дуализма Запад — Восток, о котором мы говорили.

В некоторых текстах современных диспенциалистов “промыслы” увязываются с новейшими техническими достижениями, и тогда возникают образы “ядерного диспенциализма”, т. е. рассмотрения “атомного оружия” как некоторого апокалиптического элемента. И снова Россия (ранее СССР) выступает здесь в качестве “сил зла”, “ядерного царя Гога”.

Популяризатором этого “атомного диспенсациализма” был евангелист Хал Линдси, автор книги интерпретации пророчеств “Бывшая великая планета”,[42] разошедшейся тиражом в 18 миллионов экземпляров (по тиражам в свое время это была вторая книга после Библии). Его горячим приверженцем был не кто иной, как Рональд Рейган, регулярно приглашавший Линдси читать лекции атомным стратегам Пентагона.[43] Другой “ядерный диспенсациалист” теле-евангелист Джерри Фолвелл стал при том же Рейгане ближайшим советником правительства, участвовал в его закрытых заседаниях и консультациях генералитета, где обсуждались вопросы атомной безопасности. Так, архаические религиозные эсхатологические концепции прекрасно уживаются в столь светском и прогрессивном американском обществе с высокими технологиями, геополитической аналитикой и блестяще отлаженными системами политического менеджмента.

Кстати, именно диспенсациализм объясняет непонятную без этого безусловную произраильскую позицию США, которая сплошь и рядом прямо противоречит геополитическим и экономическим интересам этой страны. Солидарность протестантских фундаменталистов с судьбой земного Израиля, восстановленного в 1947 году, что явилось в глазах протестантов прямым и внушительным подтверждением трактовки Скофильда и его Библии, основана на глубинных богословских эсхатологических сюжетах.

Для нас очень важно, что столь же глубоки и устойчивы антирусские, антивосточные, антиевразийские принципы американского мышления. Это глубины отрицания, ненависти, укорененной и тщательно взращивавшейся веками враждебности.

Последняя хитрость антихриста

Складываем все элементы воедино. Получаем страшную (для русских) картину. Силы, группы, мировоззрения и государственные образования, которые совокупно называют “Западом” и которые являются после победы в “холодной войне” единоличными

властителями мира за фасадом “либерализма” исповедуют стройную эсхатологическую богословскую доктрину, в которой события светской истории, технологический прогресс, международные отношения, социальные процессы и т. д. истолковываются в апокалипсической перспективе. Цивилизационные корни этой западной модели уходят в глубокую древность, и, в некотором смысле, определенный архаизм сохраняется здесь вплоть до настоящего времени параллельно технологической и социальной модернизации. И эти силы устойчиво и последовательно отождествляют нас, русских, с “духами ада”, с демоническими “ордами царя Гога из страны Магог”, с носителями “абсолютного зла”. Библейское упоминание об апокалипсических “князьях Роша, Мешеха и Фувала” растолковывается как однозначное указание на Россию — “Рош” (= “Россия”), “Мешех” (= “Москва”), Фувал (= “древнее название Скифии”). Иными словами, русофобия Запада и особенно США проистекает отнюдь не из-за фарисейской заботы о “жертвах тоталитаризма” или о пресловутых “правах человека”. Речь идет о последовательной и “оправданной” доктринально демонизации восточно-европейской цивилизации во всех ее аспектах — историческом, культурном, богословском, геополитическом, этическом, социальном, экономическом и т. д.

Хочется обратить особое внимание на многомерное совпадение далеких друг от друга концептуальных уровеней “западной идеологии”: сторонники капитализма в сфере экономики; теоретики индивидуализма в области философско-социальной; геополитики на уровне стратегии континентов; богословы, оперируя с эсхатологическими и апокалипсическими доктринами “диспенсациалистского толка”, — все они сходятся к однозначному и совпадающему во всех случаях отождествлению России с “империей зла”, с историческим негативом, с целиком отрицательным героем мировой драмы.

Это все очень, очень серьезно. Мировые войны и крушение империй, исчезновение целых народов и рас, классовые конфликты и революции — лишь эпизоды великого противостояния, кульминацией которого должна стать последняя апокалипсическая битва, Endkampf, где нам отводится важнейшая роль. В глазах Запада — целиком и полностью негативная. Роль планетерного козла отпущения.

Западный антихрист старается убедить мир, что, на самом деле, “антихристом” является его планетарный и духовный враг. Континент Россия и ее тайный полюс. Т. е. мы.

Глава VIII. РАСОВЫЕ АРХЕТИПЫ ЕВРАЗИИ В ХРОНИКЕ “УРА ЛИНДА”

Сакральные учения о расах

Проблема расовых пластов евразийского континента занимает многих исследователей. В этом отношении существуют самые противоречивые гипотезы, однако, ни одна из них не является более или менее связной и вразумительной с традиционалистской точки зрения, т. к. в отношении предыстории, в которую с необходимостью уходят корни рас, представления современных ученых настолько абсурдны и фантастичны (благодаря, в первую очередь, влиянию эволюционистской теории), что в этой сфере их концепции еще менее приемлемы, нежели во всех остальных.

Однако надо признать, что сегодня и в пределах Традиции трудно найти более или менее полное изложение теории происхождения рас. Библейская перспектива, связывающая возникновение рас с сыновьями Ноя — Симом, Хамом и Иафетом, либо неполна, либо ее адекватная интерпретация совершенно забыта. Было бы крайне интересно сопоставить иудаистические и христианские теории человеческих рас с более обширным материалом, но это требует отдельного труда.

Здесь мы предлагаем рассмотреть мифологическую интерпретацию расовой истории, основанную на “Хронике Ура-Линда”— документе истории ингвеонов (подлинность его многие оспаривали, но многие и обосновывали[44]). Речь идет о мифе, возможно даже о “новом мифе”, но этот миф имеет то преимущество, что предлагаемая им редукция подтверждается самим общими историческими наблюдениями. С другой стороны, его версии оказали такое значительное влияние на реальную социально-политическую история XX века, что одно этого делает его заслуживающим внимательного рассмотрения. В “Хронике Ура-Линда” содержится в основных чертах все то, что в вульгаризированном и упрощенном виде стало теоретической основной германского расизма. Все, что было рассеяно во множестве публикаций нацистских “специалистов по расовой проблеме”, концентрированно наличествует в этом тексте.

Три матери

“Хроника Ура-Линда” начинается с описания происхождения рас: “К двенадцатому Юлу он (Вральда, “Святой Дух” в древнегерманской мифологии — А.Д.) родил трех дев:

Лиду из раскаленной пыли;

Финду из горячей пыли;

Фрейю из теплой пыли.

Когда они были созданы, Вральда наделил их своим дыханием. Божественный Од (“божье дыхание” — А.Д.) приблизился к ним, и каждая родила 12 сыновей и 12 дочерей, одного между праздниками Юла. От этого пошли все люди.

Лида была черной, с курчавыми волосами, как у барашка, глаза ее пылали, как звезды, так что даже взгляд орла был мутен в сравнении с ними. Она ничего не хотела знать о законах, ее поступки определялись ее страстями.

Финда была желтой, и ее волосы были подобны гриве жеребца. Она написала 1000 законов, но не исполняла ни одного из них. Она ненавидела праведных за их прямоту и уступала льстецам.

Ее слова были сладки, как мед, но горе тому, кто верил ей. Она хотела властвовать надо всеми, и ее сыновья были подобны ей, их сестры прислуживали им, и они (сыновья — А.Д.) убивали друг друга.

Фрейя была бела, как снег на заре, и голубизна ее глаз превосходила голубизну радуги. Волосы ее были подобны лучам полуденного солнца, они были тонки, как паутина. Ее едой был мед, а ее питьем — роса, собранная с цветочных лепестков. Светлая Фрейя. Первое, чему учились ее дети, был уход за собой, второе — любовь к добродетелям. Когда они становились взрослее, она учила их узнавать ценность свободы. Она говорила: “Без свободы все остальные добродетели хороши лишь для того, чтобы сделать вас рабами и ваших потомков покрыть вечным стыдом”.[45]

Такова фундаментальная парадигма “Хроники Ура-Линда”. Три священных матери — три расовых типа, три психологических модели мировоззрения. Потомки трех матерей называются соответственно: от Лиды — “лидийцами”, от Финды — “финнами”, от Фрейи — “фризами”, “фризонами”. Любопытно отметить, что Африка в древности (в частности, у Птоломея) называлась “Ливия” или иногда “Лидия”. “Лидийцы” соответствуют черной расе. “Финны” “Хроники Ура-Линда” — это народы желтой расы, а “фризы”, древнее германское племя, совокупно обозначает белую расу, арийцев.

Характерно, что почти такая же парадигма наличествует и в эддической “Песне о Риге”, в которой повествуется о посещении Ригом (имя Одина) трех пар, принадлежащим к трем поколениям. Посещение “деда и бабки” приводит к порождению тролей, “рабов”, описанных как негритянский расовый тип; ночевка Рига у “отца и матери” дает карлов, “хозяев” с фенотипическими чертами желтой расы. И, наконец, приход Рига к “мужу и жене” кончается рождением Ярла, принца, конунга, аристократа, наделенного всеми арийскими атрибутами—русые кудри, голубые глаза и т. д.

Но если “Песня о Риге” на этом и останавливается, описывая сакральную структуру каст и рас в древнегерманском обществе, то “Хроника Ура-Линда” дает нам подробное и изобилующее важными символическими деталями историческое повествование.

Атлантида и Евразия

Расовая парадигма “Хроники Ура-Линда” имеет четкую географическую структуру, отвечающую этой парадигме. “Лидийцы” — жители глубокого Юга, но они почти не упоминаются в “Хронике”.

Основная географическая территория, где разворачивается сакральная история Ура-Линды, это Евразия. Причем особенно ее северо-западная область. Сакральный центр фризов расположен в северной Атлантике, в месте “Альдланд” (или Атланд), т. е. в “старой стране” (слово “Альдланд”, Атланд странным образом напоминает “Атлантиду”). После потопления “Атлантиды” этот центр перемещается в Северное Море, в земли которые лежат к северу от нынешних Голландии и Германии и которые также были затоплены, только гораздо позднее. Итак, “фризы”, дети Фрейи, арийцы, имеют вне-европейское происхождение. Их изначальная обитель — сакральный остров. “Финны”, дети Финды, напротив, представляются автохтонами Евразии. Они населяют все ее земли от глубокой Сибири до иберийского полуострова. Собственно, народы Финда — это коренные евразийцы.

Естественно соотнести прародину “фризов”, Альтланд, с Гипербореей, с “островами счастливых”, с сакральным центром солнечного Аполлона. Северное местоположение древней арийской земли подтверждают все арийские священные традиции: как Веды,-[46] так и Авеста (Арьяна-Ваэджа, полярная страна), как греческие, так и германские мифы.[47]

Евразия, в свою очередь, представляется как территория позднего распространения “фризов”, причем это распространение всегда было сопряжено либо с оттеснением, либо с ассимиляцией основного, автохтонного “финского” населения. Эта парадигма географического соотношения, согласно “Хронике Ура-Линда”, является фундаментальной для всей расовой истории. “Фризы” — пришельцы, носители сакрального знания, “свободные в боге” (“Gottesfreien”). “Финны”— аборигены, воспринимающие это знание, “рабы божьи” (“Gottesknechten”).

“Лидийцы” же занимают южное периферийное положение в континентальной структуре и не вступают в прямое взаимодействие с “фризами”.

Типы культур

Три парадигматические сакральные расы дифференцируются не столько по внешним признакам или психологическим особенностям, сколько по метафизической позиции, определяющей их основные культурные проявления. “Ура-Линда” предлагает, таким образом, три варианта “расовой метафизики”.

Дети Фрейи, “фризы” (арийцы, белые) живут в состоянии изначальной “демократии”. Закон у “фризов” внутри, поэтому внешне они абсолютно свободны. Религиозный тип “фриза” — это тип “естественного посвященного”, его “я” совпадает с мировым ду-

хом, Вральдой. К “фризу” лучше всего применима сакральная формула индуизма: “атман есть брахман”, т. е. его “я” тождественно абсолюту. “Фризы” миролюбивы, счастливы и мудры.

“Фризы” почитают женское начало: Великую Белую Мать,[48] Фрейю, воплощение расового гнозиса, “арийскую Софию”. Женщина сопряжена у “фризов” с жреческими функциями: она исполняет основные ритуалы и хранит сакральное знания. Каждое фризское поселение имеет свою “Деву”, “Burgmagde” как высшую сакральную инстанцию. Но такой “нордический матриархат” является сугубо интеллектуальным, т. к. женщина, стоящая в его центре, это “богиня”, дочь Фрейи, воплощение самой Фрейи, концентрат расовой идеи и божественной чистоты. Сексуальная символика в культуре фризов полностью отсутствует, т. к. фризское сознание максимально приближено к чистоте интеллекта и не нуждается в чувственной “опоре” для духовного размышления. У “фризов” не бывает рабов, т. к. идея “свободы” для них центральна.

Народы “Финда”, “финны”, напротив, живут в условиях строгой иерархии. У них есть господа, слуги, рабы, невольники. Их законы тщательно описаны, но исполняются только за счет давления властей. Их бог — вовне. Они воинственны, агрессивны, склонны к чувственным символам. Для них характерны идолы, фетиши, изображения “богов”.

“Финны” живут при патриархате. Мужчина стоит в центре “финской” цивилизации. Он исполняет жреческие и легислативные функции. Женщина занимает подчиненное, второстепенное положение. Для символизма народов “Финды” характерны физические символы и “натурализация” изначальных логосных структур.

И, наконец, “лидийцы” вообще не имеют четких законов, даже внешних. Они подчиняются своим хаотическим импульсам. Их космос децентрализован. Иерархии не существует. В основе их социальной жизни — обрывки “финских” сакральных комплексов. Для них характерен промискуитет и полуживотный матриархат. “Лидийцы” часто становятся рабами народов “Финда”.

Следует отметить еще одну важную деталь: среди “фризов” бывают “преступники”, предавшие внутренний закон духовной расы. В нормальном случае они удаляются на особые территории по велению собственной совести (такой территорией “Хроника Ура-Линда” называет Англию). Но иногда случается так, что “фризы”-изгои приходят к народам “Финда” и становятся среди них высшей кастой, господами, царями. Такие “фризы” кладут начало особому типу людей: династии “магов”, “magier”, которые ставят сакральные потенции фризской расы на службу интересов “фин-

нов”. “Маги”— это короли-жрецы. Собственно говоря, перипетии конфликтов “фризов” и “финнов” в Евразии становятся действительно глубокими лишь за счет “расового предательства” “магов”, чей интеллект дает “финским” племенам шанс действительно конкурировать с “фризами”. “Маги” презирают “финский” народ, они превращают его в своих рабов. Они разрабатывают основные постулаты эрзац-религии, облекая священное знание “фризов” в веру в “богов”, “духов” и “демонов”, в “образы”.

Фризы и Ностратика

Миграции “фризов” это не просто распространение арийских или индоевропейских волн в довольно обозримые исторические промежутки. Белые дети “Фрейи”, в перспективе “Ура-Линды”, соответствуют скорее современным представлениям о “ностратическом” праплемени, носителе парадигматического праязыка Евразии (а ранее полярных, затопленных ныне земель). Индогерманцы — это лишь последняя историческая волна “фризов”, которой предшествовали многие другие волны, заложившие основы египетской преддинастической, семитской, шумерской, прототюркской, картвельской и даже синотибетской культур. “Ностратический” интеллект евразийских и североафриканских языков соответствовал “гиперборейской” и “ностратической”, “фризской” традиционной парадигме, которая, будучи переданной тем или иным народам “финского” типа в те или иные периоды предыстории, постепенно деградировала, обособлялась, теряла сходство с изначальной кристальной иероглифичностью, превращалась в верования в “богов”, “духов” и “демонов”. Белая раса “Ура-Линды”, таким образом, не совпадает с исторической белой расой индоевропейцев, но предшествует ей на многие тысячелетия.

Важно заметить, что сыновья Фрейи не только закладывают сакральную, языковую и мифологическую базу культурам типа “Финда”, они и сами подвергаются обратному воздействию со стороны этого деградировавшего типа. Так возникают смешанные формы традиции — “финско”-“фризские”. С одной стороны, в них наличествуют спиритуальные культы “гиперборейского” характера, с другой — типично “азиатские” черты. Такими народами являются хетты, скифы, киммерийцы, кельты. И более того, многие индоевропейские племена также постепенно пропитываются “финскими” элементами: германцы эпохи скальдов, римляне, греки, индусы постведического периода сами по себе уже довольно далеки от изначального “фризского” состояния.

Такое представление об изначальной белой расе полярного происхождения фактически разрушает установившееся пред-

ставление о Ближнем Востоке как очаге цивилизации, письменности, культуры и т. д. Более того, Ближний Восток в логике миграции "фризов" становится очень поздним (с точки зрения предыстории) центром соприкосновения самых разных потоков "фризских" влияний, стекающихся туда буквально со всех четырех сторон света, причем чаще всего не в чистом, но "финнизированном" и искаженном виде. С Запада туда двигаются племена белых ливийцев, тахаров, амореев. С Севера — протогерманцев и протокельтов. С Северо-Востока — прототюрков и протофиннов (на сей раз в историческом узко этническом смысле). С Юга — эфиопы. С Востока — эламиты, а позднее персы и дравиды. Так знаменитая концепция ex Oriente Lux "Света с Востока" или "финикийского фактора" в культурном смысле оборачивается не истоком, но далеким следствием, синкретическим и упрощенным суммированием различных аспектов "фризской" традиции, принесенных туда в уже смешанных, искаженных "финских" версиях, восходящих к более или менее далеким эпохам.

Итак, выведенный из мифологии "Хроники Ура-Линда" "фризский" расовый фактор прекрасно согласуется с современной лингвистической теорией "ностратики", единого происхождения всего спектра евразийских языков.[49] С другой стороны, диалектика соотношения "фризского" и "финнского" типа в сфере сакральных форм дает ключ к пониманию многих древнейших трансформаций мифологических и религиозных комплексов.

Белый эзотеризм и желтый экзотеризм Основная проблематика "Хроники Ура-Линда" — противостояние культуры "сыновей Фрейи" и культуры "сыновей Финды". Смысл этого противостояния с поразительной точностью соотносится с тем, что принято называть "экзотерической" (внешней) и "эзотерической" (внутренней) стороной Традиции. "Финда" воплощает в себе специфику "экзотеризма": Бог для "сыновей Финды" находится вовне, равно как и сакральный закон; сам себя "финн" воспринимает как "раба Божьего", как "собственность господина", находящегося вне его; Божественное должно проявляться во внешних образах — идолах, символах, причем для наглядности они должны иметь "натуралистический" характер, вид чего-то конкретного и чувственного; религиозная жизнь "финна", как и его социальная жизнь сводится к подавлению, покорению личных душевных страстей (в случае религии) или женщины (в случае семьи), или других людей (в случае социальной иерархии) и т. д. Во главе политической и религиозной структуры "финского" общества стоят "маги", "короли-жрецы", выполняющие по отношению ко всему народу функцию "субъекта", "воплощенного божества", посредника между "низким" человеком и "высоким" духом.

“Дети Фрейи”, напротив, иллюстрируют “эзотерический” уровень традиции: Бог для них находится внутри, он тождественен сакральному закону и их собственному “я”; “фриз” воспринимает себя самого как “свободного в боге” (Gottesfreie), как воплощение свободы; Божественное для “фриза” существует непосредственно, вне образа или символа, и если он и использует символы, так только чисто абстрактные, ненатуралистические, геометрически-математические; религиозная жизнь “фриза” протекает под знаком справедливости и господства мудрости над деятельностью, он живет в состоянии “аристократического равенства” и “гармонии”, он никого и ничего не подавляет— ни своих чувств, так как они у него совпадают с мудростью и богоявленческим, “теофаническим” мировосприятием, ни женщину (которая и так ему абсолютно послушна и является материальным воплощением чистоты его духовной расы, белым зеркалом мирового духа, хранительницей нордического огня), ни других людей, — поскольку он почитает в них свободу также свято, как и в себе. И, наконец, вместо короля-жреца, “посредника” между людьми и “богами” у “фризов” стоит “Белая Дама”, великая Жрица, которая есть не что иное как их собственная расовая субстанция, не нечто внешнее, но нечто внутреннее, материальное присутствие духа, разлитого равномерно в каждом сыне “богини” Фрейи.

Если приглядеться к исторически известным традициям, то мы увидим удивительно похожее соотношение между эзотерическими и экзотерическими их сторонами. Причем если в одних случаях оба этих аспекта сосуществуют без конфликтов, то в других случаях они входят между собой в противоречие, а это нередко приводит к религиозным войнам, реформам, расколам, возникновению ересей. Поэтому драма противостояния “фризов” и “финнов” в расовых концепциях мифологической сакральной географии “Хроники Ура-Линда” может быть взята как парадигма рассмотрения динамики религиозных реформ Евразии. И наиболее ярким примером здесь может служить противостояние христианства (эзотерической, отчетливо “фризской” в своей основе традиции) и позднего, “остаточного” иудаизма (воспроизводящего в себе все наиболее характерные признаки “финской” сакральности). И здесь показательно также, что ареал исторического распространения христианства в значительной степени совпадал с территориями, населенными потомками последней волны “фризских” миграций, которые яснее всех остальных, уже довольно финизированных, народов сохранили память о “боге внутри”, о “Белой Даме”, о “благодатной свободе высших” и т. д.

Большинство евразийских (и североафриканских) этносов, в которых “финский” элемент был преобладающим, приняли

ислам, имеющий подчеркнуто экзотерический характер, причем крайне показательно, что наиболее “фризские” аспекты исламской традиции — в частности шиизм (подчеркивание мистической роли Фатимы, прародительницы “божественной расы” имамов; “свет Али” внутри верующих; тезис о “лавхут”, “божественности” самих имамов и т. д.) — захватили ареалы с преимущественным индоевропейским населением, (шиитский Иран и т. д.), большинство же “финских” этносов “арабы”, “тюрки” и т. д. остаются суннитами.

В качестве гипотезы можно было бы предположить, что некие расовые особенности стоят и за феноменом исламского суфизма, который также является сакральной формой отчетливо “фризского” типа. Хотя суфизм распространен среди народов “финского” типа, массово исповедующих ислам, возможно, в суфийских общинах преимущественно группируются рудиментарные вкрапления иных этнических групп, растворенных в общей массе, но выявляемых из нее снова — на сей раз на основании чисто духовного, а не этнокультурного критерия.

Демократия и тоталитаризм

Последние два тысячелетия евразийской истории и диалектика политических трансформаций в евразийских государствах также могут быть рассмотрены в перспективе мифологии расовых типов по “Хронике Ура-Линда”. Все аспекты “аристократического равенства” могут быть отнесены к “фризскому” архетипу; все “авторитарные” “централизированные”, “тиранические” системы соответствуют “финской” модели. Причем здесь, как и в других случаях, чаще всего встречаются именно смешанные варианты, имеющие элементы обоих структур, т. к. народы, действующие в эти эпохи, практически все без исключения затронуты расовым смешением. Поэтому здесь можно говорить только об относительно “фризском” и относительно “финском” варианте, причем пропорции обоих элементов могут значительно варьироваться.

В сущности, если мы поймем расовую специфику двух основополагающих политических парадигм —“демократия” и “тоталитаризм”, то станет очевидной вся амбивалентность их противопоставления, которое и составляет суть споров “правых” и “левых” на протяжении политической истории последних столетий. “Свобода”, “равенство” и “братство” — хороши для “свободных”, “равных” и “братских” “фризов”, и навязывание им деспотических систем будет явным насилием над их расовой природой. “Иерархия”, “порядок”, “дисциплина” — совершенно необходимы

для людей “финского” типа, и прививка им “демократического режима” никогда не может привести ни к чему иному, как к анархии, безобразиям и деградации, которые, естественно, логически оканчиваются еще пущей “тиранией”. (Именно в этом смысле следует понимать слова Платона о том, что “демократия логически влечет за собой тиранию”).

Расы России

История Российского государства, России, лежащей в центре евразийского континента, является в высшей степени показательной, т. к. она блестяще иллюстрирует собой весь комплекс расовой диалектики, свойственной и другим евразийским территориям и этносам, но в менее явной форме. Дороссийская история славян скорее всего связана с последней волной “фризской” миграции из затопленного острова, из “ингвеонского царства”, т. к. изначально славяне органично входят в индоевропейский арийский культурно-расовый блок. Но история собственно России как особого геополитического пространства — это уже нечто иное.

Во-первых, начало российской истории, согласно летописи, начинается с призвания Рюрика на царство, что точно соответствует “финскому” архетипу социальной организации, зовущей “фриза” (а скандинавские племена, собственно, и являлись германскими, т. е. “фризским” этническим элементом) в качестве короляжреца, “мага”.

Во-вторых, среди славянских племен уже с первых строк летописи фигурирует “чудь”,”мерь” и “мурома”, т. е. “азиатские”, “финские”, в прямом на этот раз смысле слова, народы. Так в истоке русского государства мы обнаруживаем “азиатский” образец. Позднейшее крещение Руси и феодальная раздробленность — свидетельства об усилении “фризского” фактора — “белый” элемент, носитель “белой” религии развивается и начинает создавать структуру “аристократического равенства”. В этот период складывается и наиболее “гностический”, “эзотерический” элемент русской духовности. Причем важно заметить, что в некоторых землях Руси — в частности, в Новгороде, и вообще на Севере — “фризская” модель укореняется довольно глубоко и прочно. Нашествие монголов, носителей очевидной “финской” модели — иерархии, дисциплины, развитого репрессивного аппарата — опрокидывает “фризский” (и так уже далеко не абсолютный) комплекс, интегрирует Русь в Желтую Империю, которая фактически охватывает почти всю Евразию, за исключением северо-западной Европы. Но и сама эта чингизидская Империя рушится из-за расширения “аристократического элемента” (снова “фризский” фак-

тор) среди ее правителей. А Русь тогда окончательно выбирает тип государства “сыновей Финды”, возлагая на себя миссию объединения северо-восточной Евразии. По окончании ига “русская аристократия” постоянно подвергается гонениям со стороны монархов, и “фризский” элемент оттесняется в сугубо религиозную сферу — в “равенство” и “братство” православных монастырей. Но после долгого и более или менее стабильного имперского периода, с очевидной доминацией комплекса “сыновей Финды”, “демократическая” концепция, уже совершенно чуждая в целом расовому типу российского населения, снова появляется в виде коммунистической эсхатологической доктрины, объявившей о начале реставрации “гиперборейских”, райских пропорций.

Расы Европы

Европейская зона евразийского континента находится географически ближе к сакральному острову — культовому центру “сыновей Фрейи”. И действительно, “демократический” тип культуры намного чаще встречается здесь в истории, нежели в азиатских или северно-африканских регионах. Однако было бы ошибкой считать, что Европа населена “фризами” и что она гомогенна в своем расовом субстрате. В ее северной части “фризский” элемент в значительной степени смешан с лаппо-финским этносом, который в Восточной и Центральной Европе фенотипически родственен т. н. “альпинской” расе. Западная Европа в значительной степени “кельтизирована”, а “кельты” уже в древности, согласно Ура-Линде, были смешанным народом. И, наконец, население южных областей Европы, т. н. “средиземноморская раса”, несет в себе значительное число ближневосточных, левантийских, семитских расовых черт. Таким образом, в своей древнейшей евразийской автохтонной основе, сохранившейся в “монголоидных европейцах” (в частности, “бигуденцы” Франции — коренные французы, фенотипически неотличимые от палеоазиатов), и в других вне-европейских (финских, северно-африканских, семитских и тюркских) расовых компонентах жители Европы обнаруживают потомков “сыновей Финды”.

С учетом этой расовой гетерогенности становится очевидным, что европейские “демократии”, для того чтобы быть стабильными, должны компенсироваться довольно строгим контролем “тоталитаристского” типа. В этом и заключается специфика современных “демократических” режимов Запада — за фасадом “равенства” и “свободы” таится строгая иерархическая система, косвенно направляющая “финское” стадо в нужное русло. Хотя нынешние “маги”, управляющие западными обществами, использу-

ют для этих целей более изысканные и утонченные средства, нежели короли-жрецы древней Евразии.

Трагедия Норда

“Хроника Ура-Линда” связывает свой сакрально-расовый подход не только с географией, но и с логикой истории. Сакральная история здесь имеет циклический характер. Расцвет духа сменяется его упадком, а упадок новым расцветом. В перспективе “Хроники” главным субъектом сакральной истории являются “дети Фрейи”: их победы тождественны взлету мирового духа, их поражения — его падению. Вся прослеживаемая Ура-Линдой история начиная с затопления “Альтланда”, “старой земли”, есть история упадка “фризов”, т. е. нисходящая траектория цикла. Вначале гибнет их “большая Родина”, “Альтланд”. Потом тонут в Северном море их новые земли, располагавшиеся некогда в районе отмели Доггера. Позднее, вынужденные мигрировать в Евразию, они подвергаются смешению с племенами “финнов” или давлению с их стороны. В конце концов, коварные “маги” объявляют “фризам” настоящую войну, и своими нападениями прерывают священную традицию “Белых Дев”. Последняя из них гибнет от рук “магов”. Нордический священный огонь затухает. Останки “фризов” рассеиваются по Евразии или пускаются в плавание на своих кораблях в неизвестные земли (любопытна история из “Хроники Ура-Линда” о фризском мореплавателе по имени Инка (sic!), отправившемся в далекие земли и не вернувшемся назад; тут следует вспомнить теорию историка Жака де Майо о “викинговском” происхождении цивилизации солнцепоклонников-инков). Как бы то ни было, линия “фризов” спускается все ниже и ниже, и параллельно с этим народы “Финда”, напротив, поднимаются и обретают все большее могущество.

Однако согласно пророчеству последней “Белой Девы” несчастья “фризов” будут продолжаться только до начала третьего тысячелетия (от Р.Х.). В этот момент упадок “фризов” достигнет своей низшей точки, своего зимнего солнцестояния, но сразу же за этим Вральда-мировой дух вновь вдохнет свой “Од”, свое “дыхание” в белый народ и мгновенно возродит “фризскую цивилизацию”, оживит божественную Фрейю и спасет всех верных ее сыновей и дочерей. Таким образом, расовый цикл “фризов” также имеет свою эсхатологическую перспективу и свою мистериальную развязку, т. к. в бездне своего падения растоптанному “Финдой” и коварными “магами” “гиперборейскому этносу” все же суждено увидеть грандиозный расцвет своей нордической культуры, возвратить себе свою утраченную свободу, “свободу в боге”.

Возвращение мифа

Расовая парадигма “Хроники Ура-Линда” представляет собой классический образец мифологического объяснения исторических закономерностей. Как и любой миф она где-то пересекается с научными данными, где-то уходит в область совершенно недоказуемых постулатов. Но в XX веке от позитивистского критицизма и научного энтузиазма предшествующих столетий не осталось и следа, а сфера мифа, напротив, снова оказалась в центре внимания. Миф оценивается отнюдь не по его соответствию объективной действительности (впрочем, сама эта концепция “объективная действительность” кажется все более и более ненадежной и несостоятельной), но по силе его воздействие на культуру, сознание людей, социальные трансформации. Этническая (или расовая) интерпретация событий всегда была одной из самых действенных, самых гипнотических, самых захватывающих.

Неудивительно, что “Хроника Ура-Линда” была в центре внимания в Германии 20–30 годов, когда национально-расовая интерпретация мира достигла в Средней Европе своего апогея. И на каком-то этапе реальной истории этот миф оказывал огромное влияние на ход вещей. Можно десакрализировать культуру, но кровь человеческая и земля родного края все равно рано или поздно дадут о себе знать, вызовут к жизни дремлющие архетипы далеких эпох. Неудивительно также, что сегодня тему расы предпочитают обходить молчанием, и “Хроника Ура-Линда” надежно забыта. Это можно понять, так как свежи в памяти чудовищные картины последней войны, отчасти обусловленной тем, что европейские “фризы” вознамерились поставить на место евразийских “финнов”.

Пробуждение расового мифа привело в своей время Германию и мир к чудовищной катастрофе. Но за это ответственен не сам миф, а прагматизм и некритичность его использования. Если долгое время изгонять сакральное на периферию реальности, что удивительного в том, что они вернется в чудовищном, искаженном облике.

Возвращение мифа следует готовить тщательно и осторожно, заранее учитывая последствия и в том числе, ту катастрофическую возможность, что он ускользнет из рук вызвавших его к жизни.

Глава IX. К ВОПРОСУ О РУССКИХ РУНАХ

Рунология по Герману Вирту

Есть несколько точек зрение на то, что представляют собой руны. Одни считают, что это искаженная версия латинского алфавита, которая появилась в 5–6 веках у скандинавов и североевропейских германцев. Другие полагают, что руны— были древними знаками для гадания и стали использоваться для записи текстов только на самом позднем этапе под влиянием латинского письма. Эти две точки зрения на природу и происхождение рун принято считать “научными” или “ортодоксальными”.

Но есть еще одна теория рун, предложенная немецким ученым — профессором Германом Виртом. Сразу оговоримся, что эта теория не признается широкими научными кругами. При этом причина такого пренебрежения Виртом заключается не столько в его собственно палеоэпиграфических и рунологических трудах, сколько в его оценке текста, известного под названием “Хроники Ура-Линда”, история которого как две капли воды похода на историю “Велесовой книги”. “Ура-Линда” была обнаружена в начале XIX века и представляла собой якобы древнейшую историю германцев (фризов), уходящую вглубь веков на много тысячелетий. Написана она была особым квази-руническим шрифтом и содержала сюжеты дохристианской мифологии и священной истории германцев. “Велесова книга” (обнаруженная, однако, лишь в начале XX века) представляет собой точный аналог “Ура-Линды”, только применительно не к германцам, а к славянам.

Ученые сразу же расценили “Ура-Линду” как откровенную подделку, восходящую к эпохе голландского ренессанса, когда какой-то энциклопедист перенес мифологические и географические знания своей эпохи на далекие времена и воссоздал псевдомифологическую картину. Сторонники же аутентичности “Ура-Линды” были признанны маргиналами, шарлатанами и подвергались насмешкам. (И в этом аспекте параллель с историей “Велесовой книги” очевидна.) Однако и сам Герман Вирт не утверждал, что мы имеем дело с подлинником. Он полагал лишь, что речь идет об очень древней версии мифологического дохристианского предания, обработанной и стилизованной гораздо позднее голландским гуманистом. Вирт, знаток сотни древних и современных языков, археолог, лингвист и историк, проделал колоссальный труд по контент-анализу всего памятника и отделил в нем разновременные пласты — самые древние, более поздние и совсем поздние. Результатом его реконструкции явилась публикация

"Ура-Линды" с подробнейшими комментариями. Она-то и сделала Вирта изгоем в среде официальных историков, которые считали, что само сомнение в полной фальшивости "Ура-Линды" автоматически дискредитирует автора. По этой причине другие и самые основные труды Германа Вирта, — "Происхождение человечества" и "Священный праязык человечества",[50] — где содержится его рунологическая теория и об "Ура-Линде" вообще не упоминаетмся, остались без внимания широкой научной общественностью. В этих трудах содержится потрясающий палеоэпиграфический материал, который вполне заслуживает того, чтобы стать сенсацией в истории человеческой протокультуры. Многие интуиции Вирта предвосхищают те лингвистические теории, которые называют "ностратическими" и которые появились намного позже, нежели первые работы немецкого профессора. Но это лишь одна сторона его фантастических открытий. Самое важное осталось в стороне.

Итак, Вирт предложил следующе объяснение рунических знаков. С его точки зрения, скандинавские и древне-германские руны представляют и рунические круги представляют собой следы древнейшей знаково-символической модели, которая лежит в основе всех типов языков, мифологий, культур, ритуалов, сакральных доктрин, календарных систем, астрологических наблюдений и т. д. Некогда рунические круги были известны всем народам земли, которые вышли из единой прародины — северной страны Гиперборея. Вирт, являвшийся сторонником археологической теории "культурных кругов", назвал эту изначальную протокультуру "Thulekulturkreise", т. е. "культурным кругом Туле". Изначально рунические круги ритуально наносились только на древесную поверхность, так как дерево в "культурном круге Туле" считалось сакральным элементом, вещественным воплощением Оси Мира. По этой причине проследить хронологию развития полноценного рунического письма в древних эпохах полноценно невозможно. Лишь фрагментарные надписи на стенах пещер, керамике, камнях, а позже, бронзе и железе, являющиеся, скорее, аномалиями, нежели нормой древнейшей культуры, позволяют судить о шагах эволюции (или, точнее, инволюции) рунического письма. Исторические руны, какими они достоверно появляются в 5–6 веках — это лишь инерциальные следы древней забытой системы, которую — чтобы не путать понятия — можно назвать проторунической.

Проторуническая система, согласно Вирту, лежит в основе всех систем письма — финикийской, индийской, шумерской, китайской, египетской и т. д. Более того, проторуны и их система представляют собой ключ к расшифровке абсолютно всех мифологи-

ческих сюжетов и сакральных доктрин, как монотеистических и развитых, так и примитивных и языческих. Рунический круг безошибочно прослеживается в фонемах, знаках, мифологических сюжетах, обычаях, ритуалах, приметах, ассоциациях, обрядах всех народов земли. Надо знать лишь код, и расшифровать любую систему символов не представляет труда.

В своих трудах Герман Вирт проделал колоссальную работу по вычленению серии сюжетов и знаков, составляющих изначальные ансамбли символов “культуры Туле”, которые можно проследить от пещерных рисунков до самых развитых современных теологических конструкций. Каждый том работ Вирта содержит около 1 000 страниц, включая атласы и альбомы, каталогизирующие его открытия в сфере археологии (он сам активно участвовал в раскопках), палеоэпиграфии, сравнительной лингвистики, истории религий. На нескольких страницах, естественно, невозможно, даже кратко дать представление об этих уникальных исследованиях, которые, при этом, настолько редки, что их подчас нет даже в самых полных европейских библиотеках. Это обстоятельство объясняется и политическими соображениями. Дело в том, что Герман Вирт был основателем научно-исследовательской организации “Наследие Предков” (“Аненэрбе”) во время “Третьего Райха”, и хотя он был признан совершенно невиновным в преступлениях гитлеровского режима, определенная тень легла на него также, как и на некоторых других знаменитых германских ученых и мыслителей патриотической ориентации — Мартина Хайдеггера, Эрнста Юнгера, Артура Мюллера ван ден Брука, Карла Хаусхофера и т. д. Однако, даже среди них Вирту не повезло гораздо больше — темы, которые он рассматривал не вызвали интереса у европейских ученых (в отличие от Юнгера и Хайдеггера, которых отстояли их французские поклонники, безупречно чистые с точки зрения “антифашизма”). А вместе с тем, быть может, открытия Вирта не сравнимо важнее для нашего понимания истоков человеческого духа, нежели работы многих других авторов...

Вирт прожил до 1982 года, но все это время его и его труды окружало настолько полное молчание, что создается впечатление, будто во всем этом наличествует какая-то зловещая тайна, какой-то “заговор”. Очень странным является и такой эпизод. Последняя книга Германа Вирта, т. н. “Palestinabuch”, в которой он собрал все результаты исследований касательно “гиперборейских” истоков ветхозаветной традиции — на основании систематизации и исследования архаических пластов ближневосточной культуры, была таинственным образом похищена у него из дома накануне отправки в типографию. Если бы исследования Вирта

были простым шарлатанством, вряд кому-то пришло в голову красть многотысячностраничную рукопись.

Но эта тайна пока не получила разгадки.

Славянская руника

Здесь нас интересует не просто история немецкого профессора, но то, каким образом его концепция может помочь нам в исследовании славянских древностей, объяснить многие загадки древней дохристианской культуры наших далеких предков. А эта тема сейчас волнует все большее количество людей. Отсюда, кстати, и интерес к "Велесовой книге", к реконструкции докириллической письменности и т. д.

Если принять точку зрения Вирта, что северные народы Евразии, жившие в непосредственной близости к изначальной арктической прародине — Гиперборее, дольше других сохранили проторунические системы, хотя их полноценное значение, культовое использование и алфавитно-календарное осмысление были искажены и забыты. Поэтому руника встречается у них в фрагментарном виде, как наследие древнего знания, ключ от которого утерян безвозвратно. Но тем не менее, начиная с 5 века эта поздняя руника синхронно появляется на севере Евразии. Вирт особенно пристально изучал германо-скандинавские области. Но он указывал также на точное соответствие руническим знакам (огласованных, однако, совершенно иначе) орхонских надписей древних тюрков. Причем тюркская руника появилась почти синхронно с германской, при том что трудно предположить прямое заимствование. С точки зрения простой географической симметрии, бросается в глаза, что между ареалом расселения германо-скандинавских племен и тюрками Сибири располгались как раз древние славяне, перемешанные с угрскими племенами. И об этих славянах черноризец Храбр, писал, что они "пишут чертами и резами". Позднеруническое письмо характеризуется как раз тем, что оно вырезывалось на дереве или камнях, тогда как, по мнению Вирта, знаки изначальной проторуники были округлы. Таким образом, вполне вероятно, что "черты и резы" были символической системой "славянской руники", являющейся как бы промежуточным слоем между германской и тюркской системами. Указание Храбра на то, что древние славяне "гадают" по резам, указывает на то, что славяне использовали свои руны также как германцы — они служили им одновременно и азбукой и методом сакральных ритуалов (в низшей своей форме — предсказаний).

Поразительно, насколько схожи знаки “Гимна Бояна” и “Велесовой книги” и германские руны. Хотя нельзя исключить и того, что по своим масонским каналам Сулакадзев, к которому сходятся все нити истории с “Велесовой книгой”, мог быть в курсе “Хроники Ура-Линды”, также стилизованной под руническое письмо. В таком случае (чего нельзя полностью исключить) ценность его документов теряется. При этом не исключено, что, как и в случае с “Ура-Линдой”, речь идет о позднейшей переработке какого-то действительно древнего документа. Важно лишь подойти к этому вопросу объективно и беспристрастно, не впадая в преждевременный энтузиазм, но и без заведомых предрассудков.

Подлинны ли фрагменты сулакадзевской коллекции или нет, у славян должны были быть системы рунического типа, фрагменты которых мы безошибочно встречаем в традиционных славянских вышивках, мифологических сюжетах, орнаментах, обрядах и поверьях. Следовательно, вопрос стоит только в том, чтобы приступить к полноценной и масштабной дешифровке древнего славянского наследия, не ожидая, что история подарит нам достоверный материал текстового характера. Это было бы слишком просто. Хотя и нельзя полностью исключить, что рано или поздно обнаружится и такое свидетельство. На данный момент уже сейчас мы можем приступить к глобальной дешифровке славянских древностей, так как мы имеем возможность использовать для этого бесценный научный аппарат, разработанный гениальным немецким профессором.

Если мы выясним систему славянского рунического круга, задача будет решена. И нам останется только провести сравнение этой модели с германской руникой и системой письма и календарных знаков у древних тюрков. Так постепенно, мы выйдем на следующий уровень, и приблизимся к расшифровке древнейшей загадки Евразии, к постижению ее пракультуры, ее тайного, забытого языка, являющегося не просто средством передачи информации (как сегодня ошибочно понимают язык технократы и прагматики), но уже самой информацией, причем важнейшей и значительнейшей, священной.

Таинство яблока — таинство Севера

Прежде, чем сделать первые шаги в нашем исследовании славянской руники, обозначим в самых общих чертах суть концепции Германа Вирта относительно смысла рунического или проторунического письма.

Вирт утверждает, что изначальной культурной моделью, на основе которой развились и письмо, и фонемы, и календари, и

ритуалы, и юридические институты, и искусства, и занятия, — т. е. вся человеческая культура в ее истоковом, зародышевом состоянии, — было наблюдение природных годовых[51] явлений арктического Севера. Многие традиции говорят, что именно с Севера предки людей спустились в средние и южные широты, где и возникли древнейшие цивилизации — как образы древней прародины, как ее отражения, реконструкции, имитации. Это утверждает иранская традиция, которая говорит об Арьяна-вадже, родине предков древних иранцев. То же самое предание содержится в Ведах, где говорится, что первые люди жили в том месте, где день и ночь длятся целый год — т. е. в Арктике. Греки знали о северной стране Гиперборее, родине солнечного Аполлона.[52]

Индусы обладают традиционной теорией космических циклов, которые они связывают с динамикой континентов. Каждому циклу соответствует свой континент, dvipa. Нашему циклу соответствует т. н. Jambudvipa, "земля яблонь", причем Рене Генон показал,[53] что речь идет не о самой Индии, но о всех актуально существующих континентах и особенно об их синтезе — Северной Земле, Арктогее, Гиперборее. Этот символический момент показателен. Яблоня, яблоко во многих мифах связываются именно с раем или с райским садом, с тем местом, где человечество пребывало в изначальные времена. Сам корень слова "яблоко", — этимологический связанный и с индусским jambu, и с германским "Appfel", англ. apple и т. д., — Вирт считает родственным и имени Аполлона, гиперборейского бога Солнца и Света. Если учесть этот "арктический", полярный момент, то многие сюжеты, связанные с яблоками, станут понятными: молодильные яблоки скандинавских саг, яблоки Гесперид, запретное яблоко с древа познания, послужившее причиной оставления праотцами рая и т. д. Кроме того, есть и еще одна выразительная деталь: если разрезать яблоко поперек, мы получим в сердцевине пятиконечную звезду, а этот символ также изначально являлся образом полюса, Севера, рая.

Вирт объясняет полярный символизм звезды следующим образом. — Древнейший календарь представлял собой шестиконечную звезду, отмечающую шесть основных положений солнца. Летнее солнце (верхняя черта), зимнее солнце (нижняя черта), точку восхода и заката зимой (зимнее солнцестояние — две наклонных косых черты вверху) или их же летом (летнее солнцестояние — две наклонных косых черты внизу). Иногда отмечалась и горизонтальная линия, соответствующая точкам равноденствий, что давало восьмиконечную звезду. В Арктике шестая, нижняя черта отсутствует, так как зимой солнце там вообще не

поднимается, а следовательно, шестиконечная звезда становится пятиконечной. Арктогея — страна яблок и яблонь. Отсюда легко вывести роль яблок в русском и славянском фольклоре.[54]

Основные руны

Вернемся к проторуническому кругу. Наблюдение за годовыми событиями за чертой северного полярного круга делает наглядными следующие знаки, являющиееся основой проторуники. Круг, который описывает солнце за сутки над головой наблюдателя, как бы расширяя округлость самого солнца до космических масштабов. Возможно древнейшей фонемой этого знака был согласный звук R (вариант L — так как “жидкие” согласные часто взаимозаменяемы при переходе от языка к языку). Иногда круг снабжается вертикальной чертой внизу. От этого произошла греческая ro — r.

Этот замкнутый круг разрывается в осенние и весенние арктические периоды, когда солнце делает над точкой Юга короткие дуги. Эти дуги — древнейший проторунический знак, UR в скандинавских кругах. Огласовка — гласный “u”, единственный звук, который модно издавать с закрытым ртом. Символически это соответствует спуску солнца в темноту ночи, исходя из символического отождествления рта и голоса с космосом. (Сравните русское слово небо, верхняя полость рта и небо, небосвод).

В начале года тот же знак UR вероятно озвучивается как “а”, так как гласный “а” издается полностью открытым ртом, символ нового начала. Солнце выходит из-под земли, из мрака, пещеры. Начинается Новый День, Новый Год.

Далее сектор связан со знаком KA, представляющим собой символ подъема, воздетых рук, рогов и т. д. Этим звуком обозначалось все, имеющее отношение к движению вверх, поэтому часто этот знак означает дух или огонь. Над KA, восходит R, (или RE или RI, так как огласовка согласных по мере перехода от посленовогоднего А движется к промежуточному Е и далее к I, который является гласным летнего солнцестояния, высшей точки года).

После летнего солнцестояния, которое огласуется как I и изображается вертикальной чертой — высший знак, дух, царственное достоинство, солнце начинает клониться вниз, к зиме, к арктической ночи. От верхней точки к нижней. Связь между ними осталась в иероглифе S и проторуне SOL, представляющей собой опускающийся огонь, солнце, закат, но вместе с тем молнию. Это также яблоко, тяготеющее осенью к Земле.

Далее следует иероглиф TU или TO — Осенний спуск, опущенные руки, ветви (ивы, ели, сосны, тиса и т. д.). Гласный О средний

между I (издаваемым с полузакрытым ртом, растянутые губы) и U (издаваемым с закрытым ртом).

Кроме того есть две носовые согласные N и M, которые, по Вирту, обозначают горизонталь, воду, Землю, материнскую утробу, камень, дно, ночь, мрак и т. д. Это как бы такой согласный, который еще не обрел четкой формы. Поэтому первый крик ребенка — MA — выражает древнейшую гиперборейскую культовую формулу: из недр ночи рождается новая жизнь, новый свет, новый космос.

Исторические руны имеют еще несколько промежуточных знаков:

THURS, знак топора (или колючки), которым разрубается пуповина Нового Года от Старого. (Топор и колючка, а также глагол колоть, связаны через слово “кайло”, т. е. топор; поэтому не исключено, что эта руна у славян называлась “коло” или как-то похоже). AS и FEOH — две части Мирового Древа, Ели, Березы, Яблони и т. д. Из FEOH произошло русское БОГ. Из AS — русское “азъ”, местоимение первого лица, “я”.

Согласный N, изначально изображавшийся горизонтальной чертой, позднее сочетался с NYT, откуда русское “не”, “нет”, сюде же “ночь”. Озвончение весеннего KA (KEN — в поздних кругах) дало GYFU, руну сходную с KA, поднятая рука, перекладина. Вариацией I стала руна IEH, указывающая на изменение траектории пути солнца в момент летнего солнцеворота.

В точке осеннего равноденствия закрепилась составная руна BEORG, или, т. е. “две горы”, перешедшая сюда из зимнего солнцестояния в более древних версиях. От этой фонемы образовано и русское слово “береза”— сакральное дерево славян. Все остальные руны принадлежат предновогоднему периоду — осенне-зимнему сезону.

Далее идет LAGU, крюк, означающее также воду, озеро. Русские слово “луг” несет в себе оба протосмысла — нечто кривое, лук, излучина (внешний вид идеограммы, крюка, рукояти посоха) и пространство, заливаемое по весне водой; близкое германским корням обозначающим озеро — lake. Остюда же и русское “лужа”.

Руна MADR попала в осень из весны, где она изображала M (и звучала также) волнующуюся водную гладь, контрастирующую со стоячей водой осени — N,

Руна EOH напоминает идеограмму коня, и отсюда все мифологические сюжеты о “водных конях” или “морских жеребцах”. Руна ING представляет собой брачную руну, союз неба (верхний треугольник,) и земли (нижний треугольник,), мужского и женского начала. Это также две переплетенные змеи. Фонетически огласуется дифтонгом NG (иногда с носовым N). В древнерусском

языке “n” было носовым, и постепенно отпало. Такие современные русские слова как “угол”, “угрь”, “крюк”, “рука”, “лягушка” и т. д. имели некогда носовое “n” перед “g” или “k”. Возможно славянским названием руны ING было “угол” или “крюк”.

ODIL, представляет собой узел, петлю, каплю. Означает дух, семя, иногда также рыбу в силу иероглифического сходства и того обстоятельства, что рыбы живут в воде, а предновогодние сектора священного года соотносятся с водой. На древнерусском подлинное имя рыбы “зва” было табуировано. Не исключено, что русский ODIL назывался именно так — “зва” (или “дух”).

Важная руна DAG,означает, день, свет, двойной топор, а также чашу, сосуд, котел для ритуальных празднеств. Руна дала имя кельтскому богу Дагда, который в ирландских мифах связан с волшебным котлом, пища в котором не иссякает. Это новогодняя руна. От этого корня развились индоевропейские имена небесного бога — индусское Dyaus, латинское Deos, греческое Qeoj. К этой же основе восходят немецкое “Tag” (“день”) и само русское “день”.

Теперь остается попытаться найти соответствия этому набору священных идеограмм и славянским корням, узорам, сказаниям, мифологическим сюжетам и т. д. Таким образом мы приблизимся к восстановлению сакральной картины мира наших предков и к выяснению священной модели, лежащей в основе нашей древнейшей культуры, нашего языка, наших обрядов, нашей психологии и т. д.

Глава X. КОСМИЧЕСКИЙ СПАСИТЕЛЬ

(два великих символа)

СИМВОЛ 1: TIU —

— СВЕТ, ОПУСКАЮЩИЙ РУКИ

1. Heilbringer

"Спаситель" ("Heilbringer", "Heiland") — это мысленная формула для обозначения ставшего видимым откровения высшего Существа, Мирового Духа, во времени и пространстве. Поэтому он является "Сыном Божьим" и воплощается чувственно как в пространстве, в форме мира,

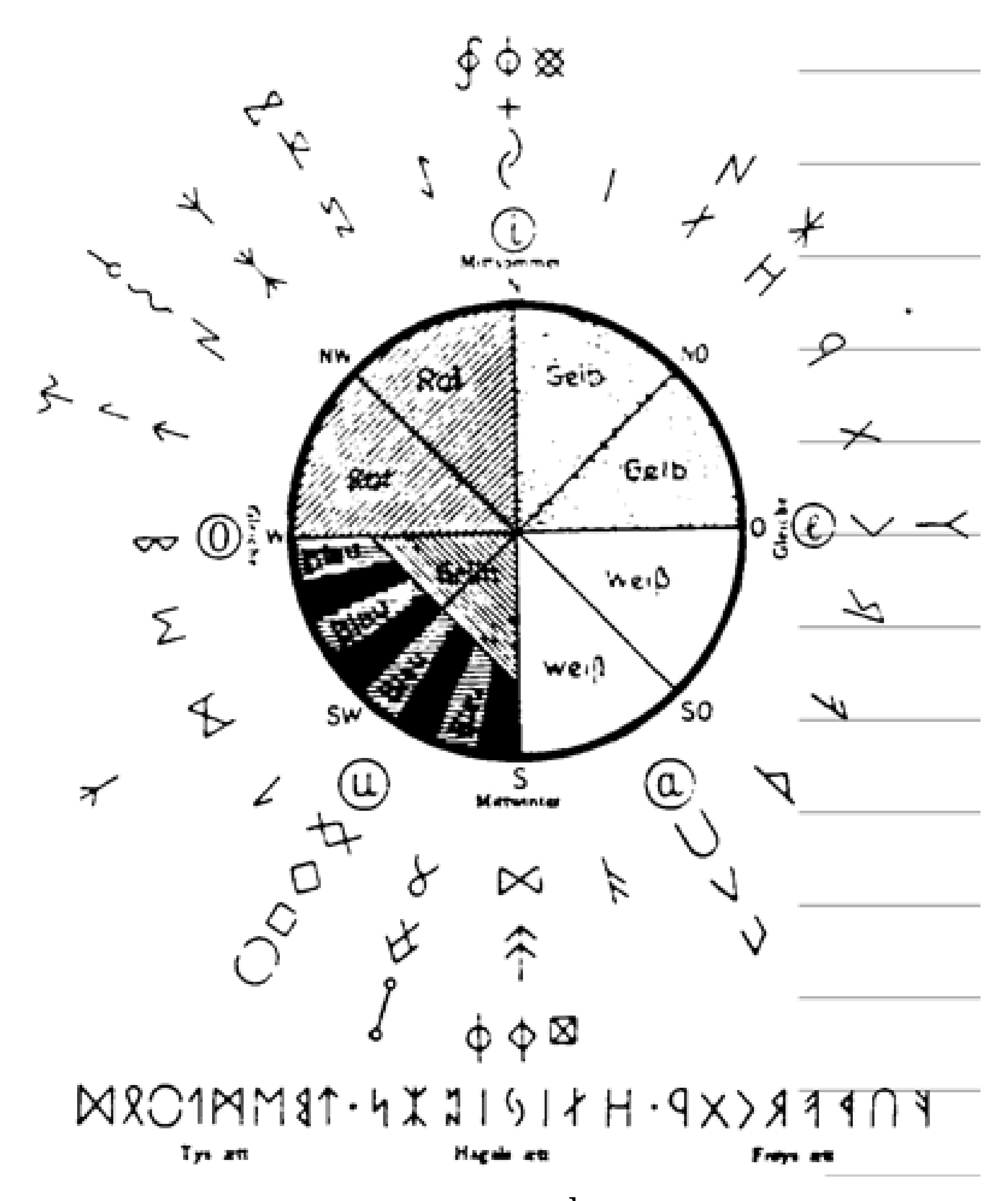
так и во времени, в космическом круговращении, в Годе, измеряемом движением солнца. Через него, "Божественного Ребенка", позже "Сына Божьего", действует сам Бог.

Он — посредник между Богом и людьми, между бесконечностью и конечностью, между безусловным и обусловленным, между абсолютным и относительным."

Так определяет Герман Вирт сущность древнейшей мифологической фигуры "Культурного Героя", "Божественного Посланника", который известен всем традициям и всем цивилизациям. Этот персонаж, по мнению Вирта, некогда имел единый смысл и даже единое *Имя* во всех языках, а вся совокупность сакральных сюжетов, связанных с его личностью, возводима к единой примордиальной парадигме, совпадающей с истоком письменности, календаря, речи, проторелигии. Heilbringer, дословно "Носитель Блага", является световым, «четвертым» измерением реальности, в котором остальные ее измерения разрешаются в интегрирующей формуле, в абсолютном знаке, переводящем множественное и противоречивое изобилие вещей и явлений в строгую и одухотворяющую формулу, дающую смысл всему бытию.

Heilbringer — фигура универсальная, она не принадлежит к специфическому миру людей, не является продуктом культурного обобщения, человеческой социально-научной рационализации. Это разумная жизнь пронизывающая весь макрокосм, и хотя

она включает в себя человека, как важнейший компонент законченного богоявления, данного в плоти мира, она предшествует ему, учреждает его во всем его уникальном онтологическом статусе еще до того, как он научится самостоятельно оперировать своими разумными способностями и систематизировать явления и вещи. Иными словами, существование этого универсального Посредника совершенно *объективно*, самостоятельно, и первично.

Неудивительно, что его знаки, мифы о нем, сакральные ритуалы, связанные с ним, почитались в Традиции чем-то сверхважным, внушающим восторг и трепет. Его символам поклонялись,

его имя обладало таинственной силой.

Вирт исследовал различные наиболее архаические иероглифы Heilbringer'а, и пришел к выводу, что наиболее древним и универсальным, восходящим к палеолиту, является его схематизированное изображение в виде человека, с опущенными руками. Эпиграфическими синонимами служат фигуры с поднятыми руками

ᛉ

, вертикальная черта

ᛁ

, кресты и т. д.

Все эти изображения космического Спасителя неразрывно связаны с древнейшим календарем, который был одновременно примордиальной иконой и истоком сакрального языка — как письменного так и устного. Исходя из древнейшей и простейшей схемы, Вирт выделяет четыре основные иероглифические модальности иероглифа Heilbringer'а.

В зимнем солнцестоянии это чаще всего Крест, отдельно или в круге, т. е. весь Год целиком, новый Год, полный и еще не «растраченный». Иногда синонимом являются две половины круга, и эта двойственность — две половины года,

ϴ

— является отличительными признаком космического Спасителя во всех его трансформациях. Он является «двойным» (zwiefache) по преимуществу[55] — и как объединяющий все пары имманентных противоположностей, и как соединяющий весь феноменальный, эмпирический мир с чистым миром Божественного Духа.

В весенней половине Года он представлен с поднятыми, воздетыми к небу руками —

ᛉ

Символ космического воскрешения, восстания жизни из зимней полуночной могилы. В некоторых случаях поднята лишь одна рука

ᛚ

а другая опущена (намек на осень) или графически неакцентирована

ᚺ

На вершине лета он часто изображается «безруким», вертикальная черта. Световое развитие достигло апогея. Полярный полдень. Ночь отсутствует. Солнце не закатывается за горизонт. Миг вечности.

Осенняя дуга, и Heilbringer опускает руки, снисходит во мрак зимней могилы. Погружается в недра земли, во чрево дракона,

кита, змея, великана, волка и т. д. В скандинавских сагах есть сюжет о том, как космический волк Фенрир (нижняя полвина Года) откусывает богу Тюру руку,

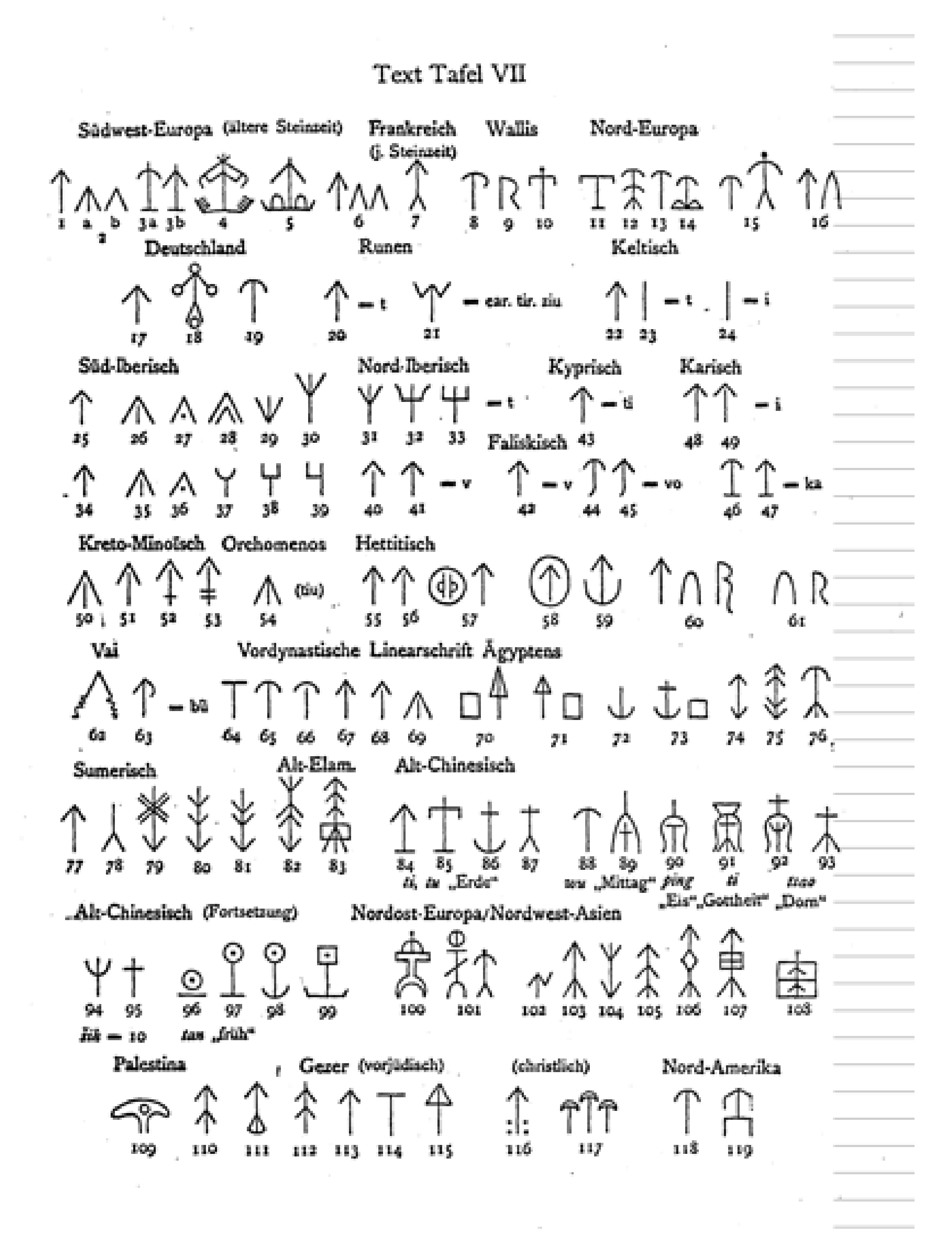
ᛚ

Однорукий бог — осенний по преимуществу. Сущностно он остается «двойным», но в рамках годового цикла остается только одна половина (одна рука).

Различия между позами Heilbringer'a изначально соответствуют математически строгому календарно-философскому смыслу сюжета. Однако постепенно цельность первичной модели нарушается. Отдельные культуры или народы развивают предпочтительно фрагменты общей культовой картины. За той или иной фигурой закрепляется личностный характер космического Посредника, который появляется в фиксированной форме в разных циклических ситуациях и сюжетах, тогда как другие его идеографические вариации отходят на задний план или сопрягаются со вторичными мифологическими персонажами или историями.

Так, к примеру, Tiu, Tyr, "Сын Божий с опущенными руками", «Двойной», может появляться в той же позе и в зимнем солнцестоянии, и в весеннем равноденствии и в летнем солнцестоянии. Теперь он обходит годовой круг полностью.

То же можно сказать и о "Боге с воздетыми руками". Древняя руна man или madr, изначально означавшая весеннее положение "Света Мира" в исторических рунических кругах оказалась в осеннем секторе и стала обозначать «человека», Mensch, man. Кстати, русское слово «человек» содержит в себе этимологически элемент «целый» (cel), который, в свою очередь, связан с немецким Heil (благо), входящим в слова Heilbringer, Heiland.[56]

Часто встречаются также фигуры с двумя парами рук — одна поднята, другая опущена —

Это замещает собой крест зимнего солнцестояния и лежит в основании изображения четырехруких индусских божеств.

Так как исследование всех архаических идеограмм Heilbringer'а заняло бы слишком много места, мы ограничимся здесь его «осенней» формой — "Человек с опущенными руками", имея постоянно в виду, что речь идет не только об одной его ипостаси (как в полноценном изначальном мифо-календарном и ритуально-кон-

цептуальном комплексе), но о Нем самом.

2. Бог — стрела

Вирт пишет: *"Tiu есть никто иной, как Сын Божий вблизи зимнего солнцестояния, в последнем месяце Года, в последнем "солнечном доме". Это явствует из анализа всей атлантической иероглифики."*

Идеограммы "человека с опущенными руками" или "древа, с опущенными ветвями" встречаются уже в археологическом пласте Magdalenien.

Основной сюжет, связанный с Tiu, это сакральная история его «спуска» — с горы, в недра земли, в пещеру, в яму, под землю, на землю с небес, погружение в воду, его превращение в животное, поглощение его зверем, мифологическим чудовищем, его затемнение, старение, страдание, потеря им чего-то важного — органа, члена, культового предмета и т. д.

В шумерском письме, например, этот же иероглиф обозначал "бога вод" Эа и одновременно Бела, "солнечного бога".

Этимологически, Tiu — это древнеарийское имя, родственное древневерхненемецкому Zio, древнеиндийскому «Dyaus», его деривату «dyauspita» ("небесный отец"), откуда латинское «Juppiter», греческое "Zeus pater", а также слова, означающие «день» — «dies», «Tag» и «бога» — «deus» и «dius». Конечно, ведический Дьяус и тем более Зевс классической мифологии далеко ушли от изначального сакрального комплекса, обретя черты в первом случае абстрактного понятия, во втором личностного бога-мироустроителя. Но в архаических пластах соответствующих традиций, и особенно в архаических пластах индоевропейских языков существует множество фонетических формул, оборотов, выражений и т. д., позволяющих распознать во всем контексте древнейшее гиперборейское понятие Tiu.

Вирт подчеркивает, что археология и генеалогия этого знака в различных системах письменности — от пещерной и культовой палеоэпиграфики до линейного письма — убедительно доказывает, что он постоянно присутствует в самых разных цивилизациях до, параллельно и после возникновения собственно финикийской письменности, где этот знак *отсутствует*!. Следовательно, делает заключение Вирт, это в очередной раз доказывает тезис о существовании единой гиперборейской системы линейного проторунического письма, развившегося в северных регионах (т. н. «Thulekulturkreise», "культурный круг Туле") и распространявшегося по всему континенту задолго до Финикии. Саму же западносемитскую письменность Вирт рассматривает как один из реду-

цированных вариантов древней полноценной системы, адаптированной к практическим нуждам морских купцов и почти лишенной всякого культового значения. Хотя многие знаки заимствованы из "Священного Круга", подчас их вокализация изменена, а их смысл утрачен. Показательно, что в семитском алфавите отсутствовал знак Tiu, означающий главнейшую идеограмму нордического культового комплекса — снисходящего к людям "Сына Божьего".[57]

Итак, Tiu — это *Двойной*, утрачивающий изобильность и полноту своего качества, но остающийся одновременно внутренне тождественным, вечным, неизменным, а, следовательно, неумолимо сквозь все испытания двигающийся к Победе и Воскресению. В этом сложном комплексе следует искать различие между двумя типами сакральных историй — героического эпоса, заканчивающегося трагедией, и волшебной сказки с неизбежно добрым концом. Сказка, распространенная в низших слоях народа, сохранялась в архаическом виде в относительной неприкосновенности как раз за счет консерватизма «нецивилизованного» класса, и, следовательно, вся парадигма циклических странствий "космического Спасителя" представлена полноценно. Тогда как героический эпос, саги и полурационализированная мифология были атрибутом высших классов, для которых характерно рассудочно осмыслять сюжеты, и в периоды, когда вся полнота ключа к изначальному мифологическому комплексу утрачивалась, отдельные фрагменты цикла получали самостоятельное развитие.

Бросается в глаза графическое сходство иероглифа Tiu — со стрелой (копьем). Отсюда мифологическое тождество и перенос значения. Отныне вместо "Бога с опущенными руками" можно встретить изображение "существа со стрелой". Отсюда же вытекают все сакральные аспекты символизма лука или стрельца.[58]

В исландской рунической песне соответствующий знак сопряжен с выражением fifu farbanti (великан стрелы) и bendr baugi (натянутая дуга, лук). Вирт замечает, что между угловым и полукруглым изображением идеограммы существует временное соотношение. Изначальной является полукруглая форма, которая может быть интерпретирована именно как натянутый лук с вложенной в него стрелой, а не как отдельная стрела с острым наконечником. Лишь обычай вырезать иероглифы на дереве, который предшествовал появлению собственно письменности, привел к угловатым формам проторун, из-за удобства резцом схематизировать кривые линии в углы.

Стрела и копье играют важную символическую роль во многих сюжетах, связанных с идеей зимнего солнцестояния, полночи или ее космического, вселенского аналога. Так, в скандинавской

мифологии есть сюжет о случайном убийстве *стрелой* (веткой омелы) юного бога Бальдра, которое служит знаком начала "сумерков богов", «fimbulwinter» и прелюдией эсхатологического сражения — ragna-rekkr.

Копье центуриона Лонгина[59] играет аналогичную роль в христианской традиции. И не случайно в европейском средневековом христианском эзотеризме копье Лонгина связывалось с чашей Святого Грааля, в которую по преданию Иосиф Аримофейский благочестиво собрал "кровь Спасителя", вытекшую из прободенного копьем Лонгина бока распятого Богочеловека. С точки зрения архаической культовой системы нордических символов, знак

ᚢ

ur — «пещера», но вместе с тем «чаша», «вода», «море» и т. д. тесно сопрягался со знаком tiu, откуда германское Tyr и устойчивое сочетание — tr — . Перевернутый ur дает новую иерограмму — ka (

ᛘ

или угловой вариант

﹀

), т. е. "воскресающий Бог", "бог, воздевающий руки". Снисхождение к точки зимнего солнцестояния, к смерти, во ад, связанное с копьем ("опускающий руки"), является залогом весеннего воскресения (чаша, Грааль, воздетые руки —) для всех тех, кто причастился "Сыну Божьему", его крови и его плоти *в низшей точке* его искупительного жертвенного пути. В православном обряде копие, которым изымают частицы агнца, и причастная чаша являются прямыми аналогами всего этого священного культового действа, восходящего в предначертательном образе к незапамятным временам гиперборейской нордической цивилизации.

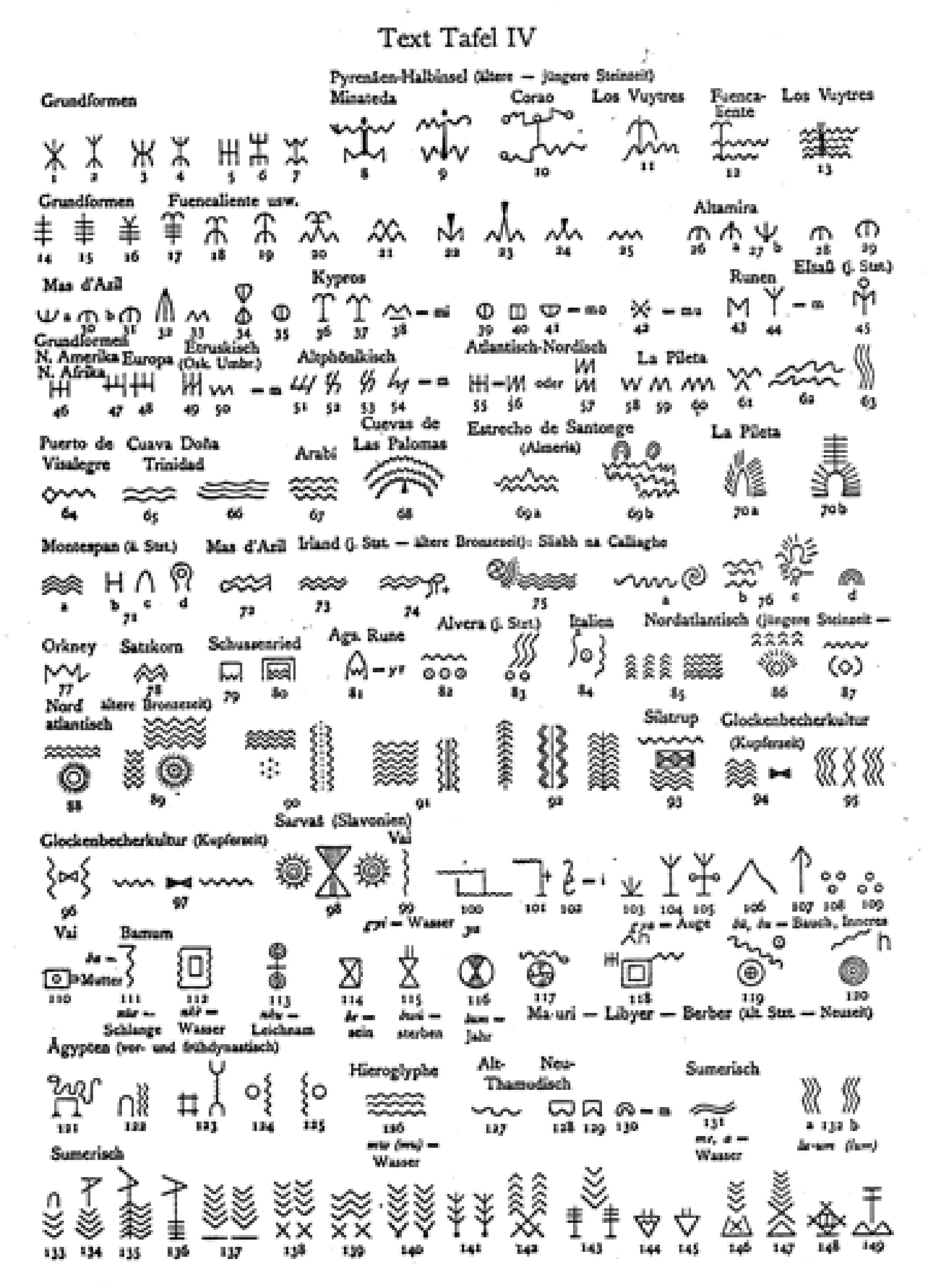
Очень интересная деталь: в греческом мифе о борьбе Аполлона с циклопами, он прячет свой лук, которым уничтожил врагов в стране «гипербореев», у "антиподов между двумя солнцами, закатом и восходом..."

Лук и стрелы были сакральными инструментами у многих архаических народов — так, в частности, у евроазиатских шаманов лук и стрела предшествовали в камланиях бубну и колотушке; горизонтальная диагональ на шаманском бубне часто сохраняет название "тетива лука".

На острие стрелы хранится, согласно индусской традиции, душа Брахмы или жизнь Кощея Бессмертного в русских сказках.

В индуизме богом-лучником считается Шива, связанный с эсхатологией (когда он задует в раковину, вселенная рухнет) и огнем.

Шива, в отличие от Камы, божества сентиментальной любви, воплощает в себе высший метафизический аспект брака, как соединения мира с Богом, вселенной с ее истоком, и поэтому он убивает Каму, своим третьим глазом.[60] Вообще говоря, это довольно поздняя мифологическая история, несущая на себе следы жреческой рационализации; изначально, разницы между сакральным, метафизическим значением Лука и Стрелы (а соответственно, брака и соединения) и более приземленными реальностями не существовало. Греческий Эрот или индусский Кама были некогда тождественны солнечным лучникам — Аполлону или Шиве, лишь впоследствии и, возможно, в результате смешения различных символических комплексов, эти фигуры разделились.

Надо отметить символизм греческого охотника Ориона, чья история несет на себе явные признаки очень архаического сюжета, связанного с мистерией зимнего солнцестояния. В его истории есть тема Гипербореи (посягательство на жительницу Гипербореи — деву Опис), убийство его стрелой из лука Артемиды, хождение по морю, ослепление и новое обретение зрения после инициатического путешествия навстречу солнечным лучам и т. д. Созвездие Ориона древними египтянами считалось небесной фигурой Озириса, а индусы располагали на этом же участке звездного неба, созвездие mrga-shirsha, самого Шиву.[61]

Все эти сюжеты и культовые ритуалы сопряжены именно с идеограммой Tiu, относятся к мистерии Зимнего Солнцестояния и являются развертыванием древнейшего гиперборейского символизма. Зимнее Солнцестояние вплотную сопряжено с универсальной идеей конца старого и начала нового, с волшебной точкой бытия, когда смерть превращается в воскресение, гибель открывает врата к бессмертию. По модели этого уникального момента Года построены все сакральные мотивы, связанные с наиболее важным моментом всякого цикла — неважно гигантского вселенского (конец мира) или совсем незначительного (конец суток или еще меньшего промежутка времени).

3. Два равно Трем

Вирт указывает на то, что последняя буква древнего финикийского алфавита фонетически была t, и произносилась tau, taw, а ее иероглифом был знак

X

или

┼

Этот же знак также означал звук t в древнеарабском письме (тамудическом, сафаитском, сабейском, лихьяническом), а также в ливийском (нумидском, берберском).

"Таким образом, в конце алфавита, т. е. Года, — пишет Вирт, — *стоял знак креста или якоря, озвученный зимнесолнцестоянческим именем бога — tau, taw, в некоторых случаях — tua. Символ «Двойного» —*

↕

Якорь — перевернутый знак Tiu в округлом начертании — означает "снисхождение "Света Мира" на дно темных вод, спуск в зимний ад.

Показательно, что в ранне христианской символике якорь был знаком самого Христа.

Древние календарные круги делились на разные сектора. Самым древним и арктическим было деление на две половины (отсюда "Сын Божий" — "Двойной"). Следующее по универсальности членение было троичным, разделяющим год на три равные части — три сезона; скандинавские рунические круги сохранили такое деление в формуле трех aettir, трех направлений. В точке зимнего солнцестояния начало весеннего сектора, по обе стороны от летнего солнцестояния — летний сектор, и, наконец, вниз, к осенне-зимнему периоду — третий сектор. Этот третий сектор назывался Tys att[62] и символизировался нашим знаком Tiu.

Tiu близок к Tyr, т. е. к концепции t в ur'е. И все это относится к третьей предновогодней части круга. *Вирт объясняет фонетическое происхождение озвучивания числа 3 — три, tri в большинстве индоевропейских языков — именно этим обстоятельством!* Отсюда сакрализация троичности в самых древних традициях. Устойчивый архаический сюжет "третьего (младшего) брата", который, уступая обоим братьям по всем показателям, становится, однако, спасителем, победителем и искупителем после всех испытаний и злоключений. Этот сюжет чрезвычайно распространен во всем индоевропейском фольклоре — от индийского через иранский, славянский, германский до исландского и кельтского. Если понять, что речь идет о Tiu, то такая сакрализация числа Три станет прозрачной. В раннем христианстве, распространявшемся в областях (начиная с Галилеи), где никогда не прерывалась древняя гиперборейская традиция — в Малой Азии, Греции, Италии, Фессалии, Анатолии и т. д. — все этим моменты прекрасно осознавались — на последнем месте в алфавите стоял Крест (иногда распятия изображались в виде буквы

Ṫ

он же был Якорем Спасения, он же — Сыном Божьим и Двойным (две природы), он же — лицом Пресвятой Троицы…

Сын Божий, нисходящий в ur, чтобы спасти мир и даровать ему воскресение.

Если слово Три развилось фонетически из идеи снисхождения Tiu, Tua, Tu в ur, то само слово Два[63] — древне-верхне-немецкое — zwa, англосаксонское twa, латинское duo, древнеиндийское d(u)vau и т. д. возникло из вокализации идеограммы Сына Божьего самого по себе Tua — tva — tav — dva и т. д. Таким образом, на архаическом культово-календарном уровне была внутренняя связь между Двумя и Тремя, которая сохранилась даже в языке. Оба слова относятся к, Сыну Божьему, космическому Спасителю. И снова мы видим поразительное совпадение с ранне-христианской традицией, которая строит догматы Церкви на парадоксальном и сверхрациональном сочетании в личности Иисуса Христа сакральных чисел Два и Три: Он — одно из лиц Троицы, и в нем Две природы (божественная и человеческая). Обе идеи заложены в древнейшем христианском перстосложении — три сложенных пальца символизируют Троицу, два других — две природы Христа.

4. Божественное зверь-дерево

"Heilbringer" (Tiu, Tyr,) в своем снисхождении тождественен идеограмме Дерева — отсюда многочисленные мифы о «людях-

деревьях», "лесных людях" и т. д. Символизм Дерева, леса, избрание леса в качестве места развертывания мифологического сюжета или капища восходит именно к этой гиперборейской фигуре, которая никогда не означала *никакого конкретного предмета в отдельности*, вопреки эволюционистской теории о происхождении букв и знаков из пиктограмм, схематически изображающих реальных существ или предметы. Напротив, иероглиф Tiu как осенне-зимняя часть Года, как символ нисхождения Света Мира (не обязательно солнца, именно Света, как более общего и более метафизического понятия),— иными словами, как *абстрактная идея* — лежал в основе наименований, культового почитания и сакрального осмысления реально существующих зверей, растений, предметов и явлений. Космический Спаситель в нисходящей траектории и его идеограмма — первичной всех остальных вещей, комплексов, ансамблей, ситуаций и т. д., на которые изначальный смысл переносился по аналогии, на основании внешнего или внутреннего сходства.

Так Дерево как ось мира, как священный знак сакрализовано именно на основании его внешнего сходства с идеограммой Heilbringer'a. Особенно выразительно с этой идеограммой совпадали опущенные ветви ели и черно-белый, и не удивительно, что древние индоевропейцы выбрали два этих дерева в качестве наиболее центральных, почитаемых.

В немецком языке название ели — Tanne, а березы — Birke. Оба эти слова, по логике Вирта, должны быть связаны с тем же изначальным мифологическим комплексом Tiu, а следовательно, в них должна заключаться протоидея предновогоднего спуска Света Мира в нижние регионы вселенной (в землю, под землю, в воды, в материнское чрево мира, в ночь, в камень и т. д.). Кроме того, Вирт показывает, что названия березы и ели могут меняться местами, так как первичным в обоих случаях является именно концептуально-идеографическая форма, связанная с календарно-философским осмыслением цикла. Так у североамериканских индейцев дакоты, которые также почитают березу сакральным культовым деревом, она называется tan-pa. Это сочетание tan, по Вирту, является примордиальным и означает "нисхождение, Tiu в an", а сочетание an, вообще, звук — n- является древнейшей гиперборейской фонемой для обозначения Матери Земли, камня, низа, лона, нижней части годового цикла. Итак, культовая формула tan[64] является концептуальным синонимом tur, tyr, т. е. Tiu в ur'e.

Birke также является архаической культовой формулой. В большинстве индоевропейских языков это наименование березы устойчиво сохранилось (русская «береза» этимологически отно-

сится сюда же). Вирт показывает, что речь идет о вариации формулы buru, в которой сочетаются две примордиальные фонемы — bi (варианты ba, bu) и ur (вариант uru). Речь идет о идеограмме "двух гор", которые в рунических кругах расположены как две дуги перед и после зимнего солнцестояния. Это визуальное наблюдение полярного феномена движения солнца на юге перед тем, как оно скроется во чреве полярной ночи и сразу после того, как оно оттуда покажется. Одна дуга называется ur, и является идеограммой, давшей концептуальный смысл «пещере», «петле», «горе» и множеству других сакральных и культовых предметов и мест в гиперборейской цивилизации. Две дуги составляют иероглиф "двух гор" uu — "два ur'a",

ᛒ

, bi-ur.[65] Эти две горы в далеком прошлом получили фонетическую огласку — b- и иероглиф. Относительно фонемы — ka- (или ее аналогов, вариаций — g, kh, gh, j, ch, c и т. д.), которая устойчиво присутствует в названии березы, можно сказать, что она означает "Сына Божьего", космического Спасителя во второй половине Года, "человека воскресающего, воздевшего руки". Хотя на этой фигуре мы остановимся позже.

Итак Tiu-"Heilbringer" замещает себя березой и елью. Отсюда сакрализация дерева в древних цивилизациях — из дерева делались дома, средства передвижения, корабли, орудия. На дереве — особенно бересте — писали за много тысячелетий до того, как южно-семитские, средиземноморские народы стали использовать для этой цели высушенные шкуры животных. Вирт указывает, что верхняя сплошная соединительная черта в санскритском письме является следом верхнего края бересты, которая ритуально сохранилась как воспоминание о сакральном божественном прошлом.

В высшей степени показательно русское слово «ель». Это древнейший корень, восходящий к культовой формуле el, il, которая обозначала «свет», «луч» и, соответственно, также прилагалась к Tiu, "Свету Мира". Неудивительно, что космический Спаситель именуется также ull,[66] il, el и т. д. Вирт показывает, что имена Ullr, Ulli и т. д. и Tu, Tiu в мифологии почти синонимичны и идеографически тождественны. В частности, у гренландских эскимосов, язык которых хранит множество архаических элементов слова с этой фонемой (ullo, ullok, ulluk, ullut и т. д.) означают «день» (ullok), «год», «рассвет» и т. д. Причем, особенно зимним является сочетание — l- c — u-, согласно великой культовой гиперборейской формуле озвучивания сакральных слогов в зависимости от времени Года. Нордический закон пяти гласных Вирт формулирует так: — a- начало года, — e- весеннее равноденствие, — i- сере-

дина лета, — o- осеннее равноденствие, — u- зима, конец года. Так как и фонетически и концептуально — e- и — o- являются промежуточными гласными (это явно в семитских языках), то пять можно свести к трем: — a-, -i-, -u-, что соответствует трем aettir, о которых мы уже говорили. u (= o) соответствует Tys aett, т. е. третьему сектору Года, находящемуся под знаком Tiu. В русском же слове «ель» важнее всего архаичное l. Иными словами, память о «световом» символизме сохранилась, но "опущенные ветви" ели концептуально в фонеме не отразились.

Зато, русское «ель» явно сближается с другим важнейшим символом того же порядка — с «оленем», немецкое «Elch», а на языке дакота олень называется ta, что снова приводит нас к одному и тому же (ta — олень, tan — береза; и то и другое — сакральные понятия в индейских культах). Русское «олень» несет в себе то «зимнее» o (u), которого не достает в слове «ель».

Вирт доказывает, что олень был наиболее древним культовым животным гиперборейского периода, и как таковой связывался с зимними, солнцестоянческими мифами. Только позже его заменил в этом качестве бык (еще позже баран). Например, у индейцев дакота бык называется "большой олень", "большой ta", и не имеет самостоятельного названия. Оленьи рога в культовом контексте воспринимались как знаки ka, воскресающего спасителя мира, как визуальный феномен воздетых рук.

В древних названиях быка в индоевропейских языках мы снова сталкиваемся с сочетанием t и ur (yr

ᛦ

). Это немецкое Stier, латинское taurus, авестийское staora, русское «тур». Heilbringer, Свет Мира с неба нисходит к нижним регионам, к царству зверей, в миры массы, материи. Отсюда сюжеты жертвоприношений быка в древних культах — иудаистических, митраистстких и т. д. На Руси также довольно долго совершались жертвоприношения быка, причем происходило это в день пророка Илии, в момент, когда лето клонилось к зиме, а само имя «Илия» понималось русскими как фонема нисходящего Света (отсюда связь пророка с молнией — "нисходящим светом"), как символ, близкий к il, ul, tiu и т. д.

Важно подчеркнуть полифонию культовых символов: в изначальном гиперборейском комплексе еще отсутствовал строгое разделение между общим смыслом космического события (например, сюжет Tiu в целом) и ролями действующих лиц, фоном, на котором оно происходит и т. д. Поэтому само имя Божественного Света могло переноситься на ту реальность, в который этот Свет «тонет». Например, слово «wulf», «волк» явно происходит от формулы ul, т. е. «Heilbringer» перед зимним солнцестоянием,

хотя в дальнейшем развитии сюжета именно Волк,[67] космический волк (пес, дракон и т. д.) является противником Спасителя и его убийцей. Зимнесолнцестоянческая мистерия есть изначально двойная жертва — нижнее убивает высшее, но за счет этого само умирает от своего поступка, а высшее воскресает. Сын Божий смертию попирает смерть. Титаны разрывают Диониса и превращаются в богов. Поэтому культовые фонемы, описывающие всю сакральную ситуацию, еще не дуализированы, строго не разведены. Еще нет ни полов, ни ролей жертвы и палача, нет абсолютного добра или абсолютного зла. Вся вселенная совершенное и испоенное великого смысла БОГОЯВЛЕНИЕ, где и темные, и светлые стороны одинаково важны, существенны, служат делу гармонии и торжества нордической истины.

Tiu сливается с «Stier» ("быком"), с «Elch» ("оленем"). Отсюда же немецкое «Tier», греческое «therion» ("зверь") и русское «зверь» (даже этимологически оно связано с немецким и греческим). Бог и зверь имеют одинаковые имена, сливаясь в новогоднем мифе — отсюда зооморфные персонажи древних религий, тотемы, иудаистические "hayot hakadosh", священные животные, виденные пророками у трона Господня.

Так даже этимологически русские слова «зверь» и «дерево», как собирательные для целой вереницы видов и подвидов, не только восходят к одной фонеме, но и получают свое имя от нисходящего в ночную массу зимней материи чистого небесного Света, Сына Божьего. Не удивительно, что сам Христос в раннем христианстве изображался в виде *агнца* и был распят на *древе* Креста, Также общепринятым было изображать Христа в виде рыбы, а само слово рыба в русском языке было "*zъvь", что этимологически связано со словом «зверь».

5. Осенний ряд рун

Вирт показывает, что некоторые другие идеограммы могут служить субститутами знака Tiu или дополнять его в комбинированных вариантах. Все эти символы соответствуют некоторым знакам рунического круга, расположенным на осенней стороне. Эти знаки наиболее архаичные, сохранившиеся на своем месте с незапамятных времен.

Такова руна sig (

) или sol

в рунических кругах они взаимозаменяемы. Она может быть рассмотрена как идеограмма молнии или спускающегося солнца.

На самом деле, это, по Вирту, фрагмент или субститут древнейшего арктического иероглифа

означающего связь между собой двух кардинальных точек Года — нижней и верхней. Позже этот фрагмент был осмыслен как нисхождение от лета к зиме, поэтому остался только нижний круг. Во-втором случае, sig символизирует схематическую связь между солнцестояниями, вертикальную (огненную) змею. В обоих случаях смысл — нисхождение Света Мира. Озвучивалась эта идеограмма фонемой — s-. Во многих древних сакральных кругах и развившихся из них алфавитов эта руна (sol) стоит непосредственно перед руной (tiu), отсюда устойчивое для наиболее архаических пластов индоевропейских языков и, шире, большинства языков народов земли сочетание st, и в индоевропейских языках это сочетание означает «бытие», «существование». В руне sol видны черты древнейшего иероглифа бытия — .

В руническом ряду за формулой s-t (sig-tyr) следует знак — b-, beorg,[68] Berg, Birke, руна березы или двух гор. Это дает формулу sit-tyr-berg, известную в древнейших германских заклинаниях и рунических песнях. Солнце (sig-sol), несомое Сыном Божьим (tiu, tyr), опускается между двух гор (beorg).[69]

Что касается русского слова "гора",[70] которое родственно древнеиндийскому «giris», авестийскому «gairi» ("тоже "гора") и прусскому «garian» ("дерево"), то любопытно, что этимологически оно сближается с греческим «borees» ("северный ветер" или "север"), т. е. родство с фонемой ber, beorg возможно через греческий. Кроме того, само слово borees означает север, т. е. то место графического суточного (но не годового!) круга, которое соответствует сердцу полуночи.

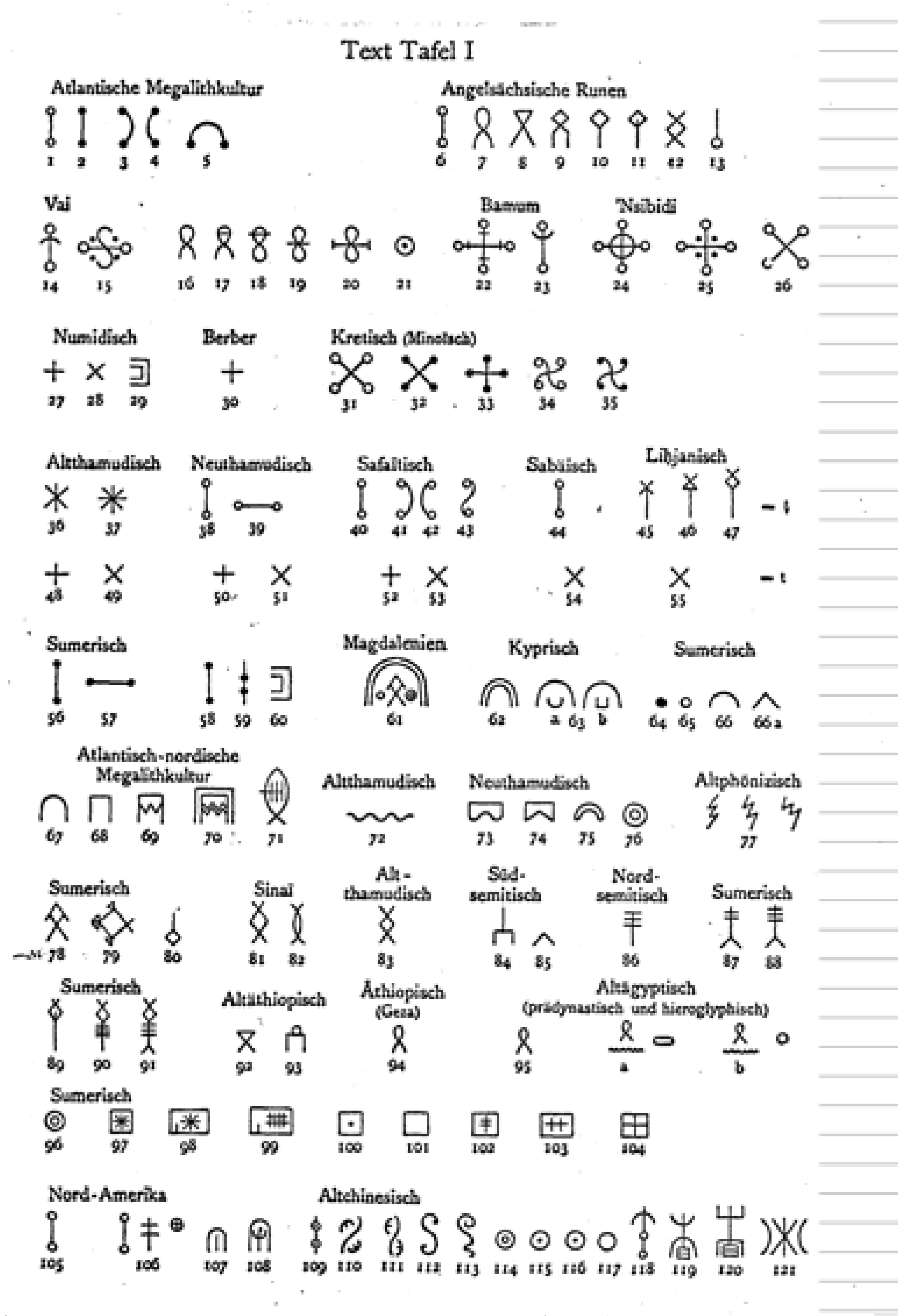
Другая важнейшая руна — lagu , изображающая крюк, рукоять посоха и т. д. Она обозначала воду, озеро и т. д. Это та вода, в которую сходит Tiu, Heilbringer. Крюк играет огромную роль в архаических мифологиях. У эскимосов им культурный герой притягивает друг к другу небо и землю. Отсюда же серп, символ Кроноса у греков. lagu концептуально соответствует двум русским словам, считающимся этимологически различными — луг (место заливаемое рекой при ее разливе) и лука (изгиб). Мы видим, что идеограмма lagu несет в себе оба этих значения — изгиба, кривизны и влаги. Кстати, русские слова «лягушка» и «лужа» восходят к той же фонеме.

Еще один знак

— odil, рыба, петля, капля, узел.[71] Также как и sol это фрагмент древнейшей гиперборейской идеограммы . Это знак потом-

ства, семени. Так древние германцы называли и изображали таинственную силу, пронизывающую вселенную — дыхание Божье, душа. У шумеров тот же знак назывался su или zu (os, oz), и подобно lagu обозначал воду. Другими фонетическими вариантами odil являются vod, ot, oth и т. д., что дает русские слова «отец» и «вода». Древнейшее озвучивание su или sv в высшей степени важно, так как оно лежит в основании русского слово «свет», «святость» и т. д., которые, в свою очередь, родственны древнеиранскому hveta (светлый), санскритскому sveta — "белый, светлый" и т. д. «Свет», «святость» — присутствие odil'a, Духа Божьего, полюса мира.

Руна yr, представляющая собой корни мирового древа, т. е. как раз точку зимнего солнцестояния. Она часто присутствует вместе с идеограммой Tiu, как оперение стрелы (+). Иногда выступает как замещение руны ur. Она может быть рассмотрена и как вертикальный штрих — руна Ис, т. е. "Сын Божий в летнем солнцестоянии", наложенная на угловое написание ur. Одновременно это знак смерти. В русском это yr концептуально сближается со словом «юр», которое означает «верчение», «вращение», «водоворот» и этимологически сближается с литовским «aure» — "зов, вой, звуки рога" и т. д. Рог, как искривленный предмет и верчение указывают на спираль, лабиринт, которые были традиционными символами зимнего солнцестояния. — Солнце как бы закручивается в этот период по своей траектории, чтобы начать раскручиваться зимой. В литовском же yura означает «море», что снова приводит нас к той же теме спуска в воды.

Особо следует остановиться на руне ing ( ). Она обозначает схематическое переплетение двух половин года, двух дуг или двух углов. Это могут быть земля и небо или две змеи. Вирт показывает, что это — брачная руна по преимуществу. Она указывает, что при снисхождении Heilbringer'a в землю, в воды, в звериное чрево, в ночь и зиму, происходит соединение верхнего (Света Мира, Неба) с нижним (Мать-Земля, холод, тьма,

масса), При исчезновении солнца полярной зимой все становится одинаково черным, линия горизонта исчезает, само светлое небо утопает в объятиях черной Матери Земли. Это — иерогамия, священный брак. Мы показали выше, что гиперборейское мировоззрение — Богомировоззрение — не знало строго дуализма, четкого разделения. Негативное событие (нисхождение Света Мира, Сына Божьего) обязательно оборачивалось позитивным, смерть становилась новым рождением, погребение — воскресением, растворение Верхнего в Нижнем — зачатием нового Верхнего. Верхняя дуга — летняя половина Года — сливается с нижней дугой — нижней половиной Года. Из этого таинства рождается Новый Год, новый цикл. Это необходимое условие Воскрешения.

Вирт показывает, что фонема соответствующая этой руне ing, N, n-g, является очень архаичной и устойчивой и с ней мы встречаемся не только в индоевропейских языках для обозначения «змеи» английское snake, санскритское naga, «угла» латинское angulus и др., но и в америндских, семитских, африканских, эскимосских, тюркских и даже китайских культовых формулах, означающих брак, связь, союз и т. д. В германских языках эта фонема до сих пор означает суффикс принадлежности — т. е. то, от чего происходит данная вещь, ее брачный исток. В английском это ing, being, speaknig и т. д., в немецком ung, Nibel-ung(en), Ordn-ung и т. д. Учитывая колоссальное значение этой фонемы и соответствующей ей идеограммы, ее просто не может не быть в русском языке, хотя на первый взгляд, прямого аналога нет. Но если учесть, что в древнерусском часто в закрытых слогах наличествовали назальные звуки n, которые впоследствии были редуцированы, то поиск русского аналога этой руны облегчается. Мы находим эквивалент в слове «уж», т. е. ug, откуда пропало назальное n. Далее все просто: сюда же относятся слова «угрь» (морская змея), «угол», «юг» (ранее произносившийся как «уг»; юг — это зимнесолнестоянческая ориентация в годовом цикле, тогда как северу соответствует суточная полночь). Любопытно наличие этой фонемы и в составных корнях, связанных с исследуемым нами символическим и мифологическим комплексом. Так u(n)g обнаруживается в слове «дуга» (что сближает это слово с древнейшим шумерским и тюркским названием божества ясного неба — Dingir или Tengri, т. е. дуга-dingir есть Tiu, Dyaus, Zeus, сошедший в ing, ung, в ночь, в воду, в зиму, место, где небо и земля слиты воедино), в слове «рука», в слове «круг» (пропавшее в русском «круг» носовое n появляется с немецком ring, саксонском hringr и т. д.), «язык», «уголь» и т. д... Кроме того, слова «нога» и «ночь» дают то же сочетание. Теперь легко понять древние изображения существ с ногами змеевидной формы — это культово-календар-

ные синонимы, как фонетически, так и графически — человеческая нога — визуальный крюк, угол.[72]

Вирт приводит тысячи примеров этих фонем и идеограмм от пещерных рисунков палеолита до близких к нам религиозных символов и даже художественных орнаментов, развившихся, кстати, из культовых фигур.

(в следующих номерах «МА» мы продолжим развитие концепций Германа Вирта применительно к русскому языку и его древнейшей сакральной структуре.)

Глава XI. МИСТЕРИЯ БУКВЫ “ЖИВИТЕ”

Происхождение славянского алфавита — кириллицы — выводят обычно из греческого и арамейского письма. Но надо заметить, что не все буквы подчиняются этому правилу. И кроме того, буквенный символизм всегда имеет сакральный характер, и поэтому за написанием каждой буквы просто по логике вещей должен стоять некоторый иероглифический и эзотерический контекст. И это особенно справедливо для тех случаев, когда алфавит используется для записи богослужебного языка, как это имеет место с церковно-славянским языком. Отсутствие серьезных исследований в области символизма кириллицы вызывает сожаление, так как, на наш взгляд, эта азбука, а равно и сам церковнославянский язык, представляют собой неисчерпаемое поле для исследователей сакрального.

Прежде чем приступить к основной теме — к рассмотрению символизма славянской буквы “живете”, Ж, — мы хотели бы сформулировать основной принцип нашего отношения к происхождению сакральных алфавитов. Во-первых, признавая традиционную теологическую концепцию о трех священных языках — древнееврейском, латинском и древнегреческом—мы считаем, что не менее священными (хотя и в других традиционных перспективах) являются арабский, санскрит китайский и тибетский. Такая совокупность сакральных языков охватывает большинство актуально существующих священных и аутентичных традиций. Но и эта картина, хотя и более полная, не является действительно исчерпывающей и изначальной, так как, на наш взгляд, во всех этих языках и в соответствующих им алфавитах мы имеем дело со вторичными сакральными комплексами, каждый из которых полон и достаточен в рамках данной конкретной традиции, но не является, тем не менее, действительно первичным. Мы полагаем, что истинная сакральная языковая парадигма — это нечто иное, нечто давно уже забытое всеми традиционными формами и хранимое лишь тайной духовной элитой. Эта парадигма известна в Традиции под именем “языка птиц”, и, на наш взгляд, помимо собственно “языка”, существует также и “письменность птиц”, составляющая первичную основу для сакральной речи. Большинство исторически прослеживаемых алфавитов развилось именно из этой изначальной протоформы, которую мудрецы и святые приспосабливали к тому или иному национальному языку. Иными словами, мы придерживаемся не теории “финикийского” происхождения письменности, но теории ее небесного, ангелического происхождения, и в данном случае финикийское письмо для

нас не более, чем один из вариантов адаптации священной “письменности птиц” в ряду многих других. Это справедливо и в отношении “создателей” славянского алфавита — святых Кирилла и Мефодия, которые, по нашему мнению, обладали секретом этого “языка птиц” непосредственно, либо через вдохновение Святого Духа, либо через причастность к эзотерической цепи, хранящей сквозь тысячелетия древнюю райскую тайну Логоса-Слова. И в данном случае греческие и арамейские буквы являются не моделями для искусственного создания славянского алфавита, но равноправными участниками некоторого самостоятельного и одновременного ряда, не разработанного путем комбинирования, но полученного святыми в едином и одновременном откровении над-временного Логоса. Поэтому, с нашей точки зрения, славянская азбука является столь же “древней”, как и греческая, санскритская, древнееврейская или китайская, так как все они проистекают из предвечного источника — Слова, по сравнению с которым даже самые длительные промежутки времени подобны мгновению.

Одной из не-греческих и не-арамейских букв кириллицы является буква Ж, называвшаяся “живите”. Это название — как, впрочем, и названия букв во всех алфавитах, — далеко не случайно. Понятие “жизни”, “жития”, просто по логике вещей должно быть как-то связано и с концепцией, заложенной в “языке птиц”, и с особенностью начертания самой буквы. Но каким образом?

Ответ нам может дать рунический круг — святыня древних германцев, расово связанных теснейшими узами не только со славянами, но и с греками.

Кроме того этот же самый рунический круг (гораздо более древний, чем это принято обычно считать) имел определенное отношение и к происхождению древнесемитской письменности. Как бы то ни было, в этом круге есть одна руна, которая графически очень напоминает букву “Ж”. Это — руна “Хагаль”. Изображалась она как, но существуют и ее вариации — полная и укороченная, половинная. Согласно теории профессора Германа Вирта, “хагаль” был принципиальным иероглифом сакрального года в его шестичастном делении (что сохранилось до сих пор в индуистском календаре, где существует всего 6 месяцев). Форма — это сокращенный вариант, т. е. окружности, года, поделенного на 6 частей. Это деление может быть графически отражено и иначе, а именно в форме. Однако параллельно с шестичастным годом рунические символы часто изображают восьмичастный год, в котором дополнительно отмечена линия, соединяющая точки весеннего и осеннего равноденствий. Оба знака часто являются синонимами: подобно, или подобно. Поэтому в различных вариантах рунических

кругов мы встречаемся с двумя типами знака “хагель”: и или. Этимологически “хагель” лежит в основе таких германских корней как “heilig” (“святой”), “hag” (“куст”), “hacken”(“крюк”) и т. д. Но более полно руна “хагель” означает “жизнь”, “освященность”, “одухотворенность”, “дух”, а иероглифически может быть приравнена к “Дереву Жизни” с ветвями и корнями. Профессор Вирт полагает, что библейский образ “неопалимой купины” также имеет сакрально руническое происхождение, поскольку “купина”— это “священный куст” (“heilige hag), но одновременно и “год”, “цикл”, который замкнут, а поэтому он “горит” и “не сгорает”, движется, но остается прежним. Метафизически же можно сказать, что всякий цикл своей “замкнутостью” в сфере относительного отражает постоянство Вечности, т. е. символическое “Дерево Вечной Жизни”. Таким образом, “неопалимая купина”— это “год”, “куст” и “вечность” одновременно. И надо заметить, что в православном символизме “неопалимая купина” часто изображается в виде восьмиугольника, который с сакральной точки зрения тождественен, а значит и, то есть нашей руне “хагель”.

Если посмотреть теперь на написание славянской буквы “Ж”, то мы увидим в ней как раз вариант руны “хагель” (нечто среднее между и), который можно поместить в годовой круг как. И иероглиф этой буквы в азбуке не случайно называется именно “живете”, т. к. этот символ является действительно наиболее ясным и полным, наиболее многоплановым выражением идеи “жизни”, “священной жизни”, “жизни вечной”, и само его графическое написание тождественно райскому “Древу Жизни”. И не только в славянских, но во многих других арийских языках — санскрите, древнеперсидском, литовском и т. д. — корень “жи”, “джи” и т. д. связан с идеей жизни.

Можно, однако, предположить здесь и более далеко идущие соответствия: известно, какую важную роль в иудейской традиции играют различные формы слова “хай” (“жизнь”), т. к. именно от этой формы происходит таинственное и непроизносимое высшее четырехбуквенное имя Бога (которое в славянском переводе обычно дается как “Яхве” или “Иегова”). Но фонетическая и концептуальная близость древнесемитского корня “хай” и древнегерманской руны “хагель” очевидна. И кто знает, не является ли и само семитское h (“хе”) одним из искаженных вариантов половинного “хагель”, т. е., хотя, мы на этом, естественно, настаивать не можем. И здесь славянский корень снова дает повод считать все эти соответствия далеко не случайными, так как имя прародительницы рода человеческого было “Евва”, по-древнееврейски “Хева”, т. е. “живая”, “жизнь”, а в русском слове “жена” мы снова обнаруживаем звук “ж”, связанный с нашей сакральной буквой.

Если теперь мы вернемся к символу “неопалимой купины”, то обнаружится новая связь — связь “женского начала” со стихией “огня”, “свечения”, и как тут не вспомнить апокалиптический образ “жены, одетой в солнце”, т. е. “сияющей, огненной женщины”! А кроме того, согласно богословской интерпретации, “жена, одетая в солнце”— это сама Богородица, а одной из канонических эмблем Богородицы является снова наша восьмиконечная звезда. Взглянув на руну “хагель” (и соответственно, на букву “живите”) с иной стороны, мы увидим, что она представляет собой “стоящего человека”, с поднятыми руками и расставленными ногами, каким изображали “совершенного человека”, “человека-архетипа” многие сакральные и эзотерические схемы. Учитывая все связанное с этим знаком “божественное качество”, вскрытое нами раньше, можно сказать, что человек создан “по образу Божию” не только в духовном, но и в самом непосредственном телесном смысле, т. к. пропорции его фигуры, его строения есть не что иное, как символ из праха, телесная форма, отражающая в себе “Древо Жизни”, “Святость”, “Вечность” и, в конце концов, самого Бога.

Здесь можно заметить и еще одно важное символическое соответствие, теперь уже в рамках индуистской традиции. Там “человек-архетип”, Праджапати, часто изображается с головой оленя, а кроме того, фигуры оленя присутствуют на наиболее древних славянских сакральных орнаментах, причем чаще всего они связываются с “Родом”, “Прапредком”, “Адамом” дохристианской традиции древних славян. Но оленьи рога имеют точно такую же форму, как и сам иероглиф “совершенного человека”, т. е. наша руна “хагель” — буква “живете”. В индуистском мифе о Дакше, Первожертвователе (“Сакральный Предок”) также говорится о том, что ему взамен отрубленной гневным Шивой человеческой головы была приставлена голова антилопы — т. е. вместо круга (головы) “человек-архетип”, “человек-эон” может быть представлен рогами, являющимися его сакральным синонимом.

И, наконец, мы снова находим нашу букву “живете” в ламаистских мистериях, где далай-лама ритуально наклоняет священную ваджру (жезл-молнию) последовательно в трех позициях, указывая на существование трех сакральных путей — пути правой руки, пути левой руки и пути середины, что совокупно нам дает знак. И тот же знакомый знак можно разглядеть в традиционном оружии греческого Зевса и римского Юпитера (пучок молний — сравни с буддистской ваджрой-молнией), и даже в сакральной лилии французских монархов.

Быть может, определение священных протоиероглифов человечества как “письменности птиц”, соответствующей сакрально-

му языку—“языку птиц”, не покажется таким уж нелепым, если приглядеться внимательно к птичьим следам, оставляемым ими на песке или на снегу. Не видели ли вы когда — нибудь таких знаков — лапок, принадлежащих обитателям небесной тверди, птицам, которых Традиция называет символами ангелов? И если говорить об ангелах, то шестикрылые серафимы — огненные, святые и живые—снова возвращают нас к нашей славянской букве “Ж”, “живете”, столь священное название которой было вычеркнуто из азбук после временной, но страшной по своим последствиям победы тех, кто стремился всеми силами уничтожить связь “человека” с его “прообразом”, с “божественным огнем”, с “Вечностью” и преградить ему путь к истинной и непроходящей “Жизни” и ее “Древу”.

Глава XII. ХЕРУВИМСКАЯ БУКВА

Символические комплексы, стоящие за той или иной буквой славянской азбуки, подчас бывают довольно сложными, так как в них переплетаются многие фонетические и графические планы, не противоречащие друг другу, но дополняющие языковый символ до приближения к его сакральной сущности. Кроме этой сложности каждой буквы-звука в отдельности, благодаря фонетическим вариациям в речевом строе разных исторических языков, происходит наложение друг на друга различных значений сходных звуковых, графических и даже метафизических образов. Это положение дел, подразумевающее забвение строгой духовной сущности принципиального строя языка, отражено в традиционной концепции "смешения языков". Единый "язык птиц" был в свое время разбит на множество частных сакральных языковых комплексов, каждый из которых отныне обладал поливалентностью и множественностью составляющих его элементов, и чтобы достичь истоковой реальности теперь требовалось распутать клубок соответствий и аналогий, сплетенных в единый узел. Этот узел, с нашей точки зрения, следует распутывать не путем исторических и этимологических реконструкций, которые с неизбежностью остаются гипотетическими в отсутствии множества промежуточных звеньев, но путем возведения каждого символа языка к духовному Первопринципу, а не к исторической протооснове. Поэтому мы подчеркиваем, что наше исследование символизма букв славянской азбуки не является этимологическим и хронологическим, оно основано на принципах "сакральной лингвистики", где законы хронологии и непрерывной передачи тех или иных данных просто не применимы, т. к. "сакральная лингвистика" предполагает возможность прямого откровения "языка птиц" (вместе с "письменностью птиц") в любой географической и временной точке актуального человеческого цикла. Иными словами, выйти по ту сторону "Вавилонского смешения" мы можем, двигаясь не вспять, но лишь вертикально вверх, в районы предвечного Логоса.

Буква "живете", которую мы рассматривали в предыдущей главе, имеет в нашем русском алфавите свой периодический и отчасти концептуальный (как мы увидим выше) синоним. Им является буква "хер" Х, соответствующая греческой "Хи" и звуку [h].

Помимо близости графических знаков Ж и Х, можно отметить и фонетическую близость между этими звуками, т. к., к примеру, в словах с одинаковым корнем испанцы произносят "х", а французы "ж" (к примеру Jesus — "Хесус" в испанском, и "Жезюс" — во

фрацузском и т. д.). Но здесь существует также и чисто спиритуальное родство. Известно, что название буквы “х” — “хер” в русской азбуке — это сокращение от слова “херувим”. Но именно к “херувимам” приравнивает христианское богословие “четырех животных”, увиденных Иоанном Богословом вокруг престола Божьего в Апокалипсисе, и здесь важно заметить, что греческое слово “зоон” (zwon) в финале Апокалипсиса скорее следует перевести как “Живой”, нежели как “животный” (в частности, во французском языке, где слова “живой” и “животный” более различаются между собой). Это место из Откровения Святого Иоанна адекватно переводят именно как “четыре живых” (на фр. — quatre vivants), а не “четыре животных” (т. е. не “quatre animaux”). Таким образом, “живете” (“ж”) и “хер” (“х”), т. е. “живой” и “херувим” в библейском контексте являются точно также концепциями чрезвычайно близкими друг к другу, а в определенном аспекте и просто тождественными. Тут можно также заметить, что и само озвучивание руны “хагель”, (“х”), тождественной графически русскому “живете”, в старогерманском было “х”, “h”, и это замечание окончательно подтверждает их родство.

Важно подчеркнуть, что символом самого Христа является Хризма, знак графически близкий руне “хагель” только с одной деталью — вертикальная черта хризмы чаще всего имеет вверху маленькую горизонтальную черточку, иногда стилизуемую под флажок, и лишь в некоторых случаях обладающую определенно формой греческой “ро”, что позволяет в таких случаях рассматривать ее как анаграмму слова Христос — две первые буквы Х и Р, “” и “”. Знак является, на самом деле, первичным, т. к. данный сакральный иероглиф имеет скорее прямое отношение к символизму изначальной руны Хагель и, соответственно, к букве “живете”, чем к искусственной комбинации двух сугубо греческих букв, т. к. комбинаторика чужда всему тому, что связано с самым простым и истоковым уровнем символа. — знак Христа в его качестве “Сына Человеческого”, каким его и определяет традиционное богословие, а маленькая черта изначально указывает на вращение (это след верхней точки и одновременно коса смерти) человека-архетипа во Времени, при том, что его сущность всегда остается неподвижной и целостной, бессмертной.

Добавив данные соображения ко всему сказанному о символизме буквы “живете”, мы увидим в этом поистине всеобъемлющем сакральном знаке еще один высший смысл, т. к. на последнем уровне “живете” (“хагель”) символизирует и самого Спасителя.

И в данном случае можно привести загадочные слова норвежской рунической песни, посвященной этой руне “хагель”:

(hagal) — er kaldastr korna

Kristr skop ha menn forna,

т. е. дословно

(хагель) — это холоднейшее зерно
Христос создал древнейший мир".

И таинственное выражение "холоднейшее зерно" в сочетании с огненным характером "хагеля" (буквы "живете"), следует понимать как указание на неподвижность центральной полярной точки шестиконечного Человека-Логоса, Человека-Архетипа, остающейся "холодной" в постоянном "горении" (движении) временного цикла, на которое намекает маленькая черточка хризмы.

Возвращаясь непосредственно к букве "хер" и показав ее близость к букве "живете" (а соответственно и схожесть сакральных символов, заключенных в них), можно разобрать и их различия, а точнее, их иерархическую соподчиненность. Ведь все же "ж" и "х" — разные буквы. Тут важно вспомнить, что "серафимы", которые изображаются с шестью крыльями и которых мы отождествляем с иероглифом "живете", в богословской иерархии ангельских чинов стоят всегда выше "херувимов", т. е. четырехкрылых духовных существ, давших название нашей букве "хер". Таким образом, буква "живете" обладает сакральным приоритетом. Любопытно, что и сам "херувимский" чин — или чин "четырех живых" ("животных") всегда рассматривался как предварительный по отношению к центральной фигуре, как некий священный круг, отделяющий внешнее от внутреннего, земного созерцателя (Иезикиля или Иоанна) от Небесного Принципа. Так, "херувимы" Иезикиля подпирают прозрачный свод, на котором восседало "подобие Славы Божьей".[73] В псалмах их называют "престолом Всевышнего". Херувим, согласно книге Бытия,[74] был поставлен Богом, чтобы охранять путь к Древу Жизни. Херувимы изображены на крышке ковчега, они покрывали ее своими крыльями,[75] на завесе Храма также были вытканы их фигуры[76] и т. д. Иными словами, "херувимы" окружают сакральный Центр, скрывают его, но одновременно и в-скрывают (любопытно, что оба этих смысла этимологически заключены в латинском слове "revelare", "открывать и покрывать" одновременно, на что указал Рене Генон, и не случайно "Откровение", "Апокалипсис" является одной из самых загадочных и "закрытых" книг Библии). И в согласии с еврейской этимологией "херуб" означает "покрывающий".

В соответствии с ангелической иерархией правомочно было бы сказать, что буква "хер" скрывает букву "живете", четырехкрылый херувим—шестикрылого серафима. И в некотором смысле это соответствует символическим соотношениям даже на гра-

фическом уровне. Здесь любопытно поставить вопрос, что именно “скрывает”, покрывает собой “херувим” (“покрывающий”) в данном случае? Какое сакральное таинство он защищает своими крыльями? Если сравнить X и Ж, то мы увидим, что разница между ними состоит в наличии вертикальной черты а в хризме. Именно ее делает невидимой херувимская буква, прячет, скрывает от глаз. И если обратиться к библейским сюжетам относительно того, что скрывают или что несут на себе “херувимы”, то мы сможем правомерно отождествить сакральный знак (вертикальную черту) с Древом Жизни, с Ковчегом Завета и с “подобием Славы Всевышнего”. Именно вертикаль является тайной тайн сакральных иероглифов, это цифра I, знак абсолютной единственности Бога, скрытой от тварей множеством ангелических имен, каждое из которых прославляет Единого, но на свой лад. И особенно поразительно то, что руна, изображавшаяся как, называлась древними германцами Ис, что одновременно указывает провиденциальным образом и на Исуса Христа и на еврейское слово “Иш”, “мужчина”, “человек” (т. е. “совершенный человек”), которое в иудейской традиции считается одним из имен самого Бога. Так, Христос-Пантократор, восседающий на “херувимах” — это вертикаль, единство Сына, тайна тайн, Ис, “холодное зерно”, “недвижимый полюс” духовного творения, скрывающего и вскрывающего одновременно свой божественный и вечный, надвременный исток.

Важно заметить и еще одно соответствие: знак — это традиционный символ святого апостола Андрея Первозванного, центральной фигуры русского Православия и покровителя России. Само греческое слово “Андреас” как известно означает “человек”. И здесь снова можно проследить связь между “херувимской” буквой X и “знаком Христа”: — это крест Святого Андрея, т. е. “Человека”. Но “человек” (в данном случае, как и “херувим”) и скрывает и открывает своим существованием, фактом и качеством своего наличия, Бога, Сына Божьего. И если в “человеке” (“Андрее”) возобладает, а точнее, если божественное “откровение” пересилит божественное “сокрытие”, он становится “носителем Христа”, “носителем Вертикали”, “носителем Исуса” (руны Ис), X становится Ж , а крест Святого Андрея — Хризмой. И по аналогии можно сказать, что и само Русское Православие из “Церкви Людей” (Земной Церкви) может возвыситься до “Церкви Святых” (Небесной Церкви), только “открыв” духовную вертикаль, евхаристическую тайну вечного и непреходящего Присутствия Бога Живого. Но как достичь этого, если, великий иероглиф Духа, буква “і” выброшена уже семьдесят лет назад из русской азбуки, начиная с которой человек пускается в путь к “небесной обители смыслов”? Поэтому

так важно понять тайну “херувимской” буквы и пройти сквозь нее к огненной Исусовой вертикали (Ис), букве “живете” (Ж), букве “жизни” и “святости”.

Примечания

1

Mircea Eliade "L'epreuve du labyrinthe" Paris, 1985

2

См. "Метафизика Благой Вести", гл. 36

3

С богословской точки зрения существует огромная разница между Царем и Королем, Князем. Царь, Император, Василевс — глава воцерковленной православной Империи, объединяющей под своим началом множество стран, королевств и княжеств. Принцип Императора-Царя связан не просто с временной властью, но с тайной «катехона», «удерживающего», тогда как королевское достоинство принадлежит сущностно иному, более низкому, что светскому и административному уровню.

4

Gaston Georgel "Les rythmes dans l'Histoire", Belfort 1937

5

Gaston Georgel "Les quatre ages de l'Humanite", Besancon, 1949

6

На русском в журнале "Милый Ангел" № 1, Москва, 1991

7

John Horgan "The End of Science", New York, 1996

8

"Cahier de l'Herne — Renй Guйnon", Paris, 1985

9

R.Guйnon "Le Roi du monde", указ. соч.

10

Сент-Ив д'Альвейдр "Миссия Индии в Европе", Спб, 1914

11

Л.Гумилев" Древняя Русь и Великая Степь", Москва, 1992

12

Л.Гумилев "В поисках вымышленного царства", Москва, 1992

13

Geticus "La Dacia Iperborea", Parma, 1984

14

Louis Charpentier "Les geants et le mystere des origines", Paris, 1975

15

Severin Batfroi, Guy Beatrice "Terre du Duphin", Paris, 1976

16

См. R.Guйnon "Le Roi du Monde", указ. соч. он же" Les Formes traditionnelles et les cycles cosmiques", указ. соч. Herman Wirth" Aufgang der Menschheit", указ. соч.

17

Любопытная деталь: молотки в гербе золотые, а дуло и клинки серебряные, что соответствует символизму больших мистерий-вертикальная ось, 2 молота, золото, и малых мистерий-горизонтальная ось и промежуточные оси, дуло и клинки, серебро.

18

Nirukta-индуистский принцип сакральной лингвистики, учитывающий не этимологию слов, а их созвучие мантрическим фонемам. Во многом nirukta аналогична определенным операциям иудейской каббалы. См. R.Guйnon "Les Formes traditionnelles et les cycles cosmiques", указ. соч.

19

Отсюда русский обычай обязательного ношения бороды, отличающей «солнечное» лицо мужчины от лунного, лишь наполовину «освещенного» лучами-волосами, лица женщины. Символизим бороды имел глубокое религиозное значение, и «Номоканон» рассматривает брадобрите как серьезный грех со всеми вытекающими из этого последствиями. Такое традиционное сакральное отношение к ношению бороды сохраняется до сего дня в русском старообрядчестве.

20

См. Herman Wirth " Aufgang der Menschheit", указ. соч. и А.Дугин "Гиперборейская теория", указ. соч.

21

В Новгороде существовали две церкви Илии-пророка, называемые Илия-сухой и Илия-мокрый. Здесь, кстати, следует вспомнить традиционную символическую идею о том, что солнце управляет не только жаром (светом), но и дождем (влагой), что отмечалось в наличии у солнца в традиционном изображении двух типов лучей: прямых и волнистых — прямые свет-жар, волнистые вода, дождь. Да и само слово «солнце» имеет в своем составе тот же корень il. Любопытно заметить также, что праздник русского православного Илии-пророка приходится на то же число, что и языческий праздник Перуна, «бога» Громовержца, и в таком случае руна ilx может быть понята как иероглиф "перуновых стрел", молний. См. "Метафизика Благой Вести" гл. 36, и "Орден Илии" — "Илия в календарной традиции".

22

Иногда этот подвиг осуществляют и другие богатыри: Никита-Кожемяка, Козьма и Демьян, и даже в некоторых вариантах святые Борис и Глеб.

23

В России в некоторых областях сохранился обряд дудения в свистульки при римнем солнцевороте ("зимние святки") или в погребальном обряде — т. е. в момент достижения человеком "зимнего солнцеворота своей жизни.

24

См. H.Wirth "Heilige Urshrift der Menshheit", указ. соч.

25

См. Б.А.Рыбаков "Язычество древних славян", Москва, 1981

26

Червеобразное 72-ух частное деление напоминает также миф о разделении Осирисом Сета на 72 части, что составляет весь год без одной недели, т. е. без пяти дней, соответствующих священному времени рождения «богов» и «богинь» в зимнем солнцевороте. 72 x 5 + 5 = 365 дней в году. Вообще число 72 — важнейшее в циклическом символизме.

27

См. Б.А.Рыбаков "Язычество древних славян", указ. соч.

28

Отождествление России, ее народа и ее государственности с библейским Царем Гогом до сих пор чрезвычайно распространено как в кругах иудаизма, так и среди протестантских фундаменталистов, большинство из которых исповедует особую доктрину — «диспенсациализм». Согласно этой теории, сформулированной английским протестантским проповедником Дэрби и подхваченной американцами, — в частности Скофилдом, издателем самой популярной в США "Комментированной Библии", насыщенной «диспенсациалистскими» комментариями, — ветхозаветные пророчества относительно евреев надо понимать буквально, а не иносказательно, как у всех остальных христиан, уверенных, что после Христа их следует применять исключительно к "Новому Израилю", т. е. к Христианской Церкви. «Диспенсациалисты» приветствовали создание государства Израиль в 1947 году и считали это событие подтверждением их исторической правоты. В настоящее время они на полном серьезе ожидают исполнения остальных пророчеств, начало войны России (царство Гога) против Израиля (т. н. "tribulation"), затем конечное поражение русских и прихода машиаха, в почитании которого протестанты сольются с евреями.

29

R.Guйnon" Les Formes traditionnelles et les cycles cosmiques", указ. соч.

30

Подробнее см. G.Georgel "Les quatres ages de l'humanite", "Les rythmes dans l'histoire", указ. соч., J.Evola "La rivolta contro il mondo moderno", Roma 1969, R.Guйnon "Les Formes traditionnelles et les cycles cosmiques", указ. соч., а также "Пути Абсолюта", гл.9.

31

См. Guйnon "Les Formes traditionnelles et les cycles cosmiques", указ. соч. и "Пути Абсолюта".

32

В традиционном смысле этого слова, культуру Традиции, а не профанический суррогат недопонятых и извращенных остатков традиционного знания, который называют «культурой» в современном мире.

33

H.Wirth "Die Heilige Urschrifft der Menschheit",указ. соч., А.Дугин "Гиперборейская теория", указ. соч.

34

Один из главных информаторов Рене Генона относительно вопросов сакральной географии, французский дипломат в Польше, известный под инициалами J.C. (на самом деле, Жан Кальмель, как нам удалось это выяснить совсем недавно), был связан с Бадмаевым в Санкт-Петербурге, а значит, сам Генон черпал элементы своей доктрины из евразийского, русского источника. Связь России с духом Сибири и ее тайным инициатическим центром, таким образом, имеет самые неожиданные отголоски даже в мире западного эзотеризма.

35

H.Wirth "Heilige Urshrift der Menshheit", указ. соч.

36

По поводу символизма "зеленой страны" и Запада см. Г.Майринк "Ангел Западного Окна", Спб, 1991

37

Английский визионер, поэт и художник Уильям Блэйк создал мифологический образ Америки как "позитивной Атлантиды", призванной положить конец отчуждению и деградации современной ему Европы. Но эта мифологемма оказалась неверной.

38

Откровения св. Иоанна Богослова XXI, 10–27.

39

См. М. Элиаде "Космическое обновление" в "Конец Света", указ. соч.

40

См. "Легенду о Великом Инквизиторе" в "Братьях Карамазовых" Ф.М.Достоевского.

41

Иезекииль XXXVIII–XXXIX.

42

Hal Lindsey "The Late Great Planet Earth', NY, 1977

43

Подробнее см. Gregor Krupey "Christian right, zionisme and nearing Penteholocaust" in "Apocalypsis Culture" by Adam Parfery, NY, 1988.

44

В комментариях к своему изданию "Хроники Ура-Линда" ("Ura-Linda Chronik" Leipzig, 1933) профессор Герман Вирт предлагает контент-анализ текста, позволяющий выделить три уровня — архаический пласт, добавления голландского кописта эпохи Возрождения и еще более поздние вставки. Показательно, что выступавшие против гипотезы Вирта ученые, доказывавшие поддельность «Хроники», совершенно игнорировали его доводы, подменяя собственно научный спор «политической» аргументацией, и усердно критикуя утверждения, которые сторонники подлинности документа никогда и не думали выдвигать. Вставки и стилизаторская обработка «Хроники» не подлежат сомнению. Спор идет лишь о наличии или отсутствии исходного документа. В общем массиве колоссального палеоэпиграфического и историко-религиозного наследия Германа Вирта «Хроника» приобретает совершенно особый смысл, но, увы, это наследие остается до сих пор совершенно не изученным.

45

"Ura-Linda Chronik", указ. соч. s. 1

46

См. B.G.Tilak "Arctic home in Vedas", указ. соч. Этот труд виднейшего индуистского традиционалиста и политического деятеля лег привлек внимание многих традиционалистов XX века, развивавших тему гиперборейского происхождения человечества. Его упоминали Генон, Эвола и т. д. Более того, есть некоторые онсования считать, что информаторы Генона относительно индуистских доктрин были близки к кругу Тилака. Эту же книгу Тилака Герман Вирт взял за основу в своих развернутых исследованиях "происхождения человечества". См. Herman Wirth" Aufgang der Menschheit", указ. соч.

47

Большое количество мифологических сюжетов по этой теме собрано у Эволы в "La Rivolta contro il mondo moderno", указ. соч. См. также H.Wirth " Aufgang der Menschheit", указ. соч., и "Heilige Urshrift der Menshheit", указ. соч., R.Guйnon "Le roi du monde", указ. соч., "Les formes traditionnelles", указ. соч., Geticus "La Dacia Iperborea", указ. соч.

48

Этот матриархальный аспект «Хроники» как нельзя точнее соответствовал теориям самого Германа Вирта об изначальном матриархальном устройстве древнейшей арийской традиции. В этом он следовал за швейцарским историком Бахофеном (см. Bachofen J.J. "Gesammelte Werke", Basel, 1948). Именно эта особенность концепции Вирта была причиной его преследований со стороны Розенберга, убежденного в патриархальном устройстве древнеарийского общества. Юлиус Эвола также критиковал Вирта за эту сторону его теории, хотя учитывал ее в своей собственной усложненной модели ритма цивилизации, изложенной в "Rivolta contro il mondo moderno" (указ. соч.). Эвола считал, что матриархат возник на вторичных этапах развития сакральной цивилизации — в "серебряном веке", а в золотом веке существовал "изначальный патриархат", который был отчасти восстановлен героической мужской цивилизацией "медного века". Но и сам Эвола не избежал преследования нацистской верхушки, которая провела расследование относительно того "правильно ли итальянский барон понимает сущность германских древних обществ". По поручению Гиммлера этим занимался эсэсовский ариософ и визионер Карл Мария Вилигут. В докладе Вилигута Гиммлеру Эвола в целом оправдывается, но ему ставится в вину, что он "недооценивает роль женщины у древних германцев". Розенберг репрессировал Вирта за «матриархат», Эволу сотрудники Гиммлера обвинили в «патриархате». Складывается впечатление, что вожди Третьего Рейха только и занимались этими проблемами...

49

См. статьи и книги В.М. Иллич-Свитыч "Материалы к сраавнительному словарю" «Этимология», Москва,1967; он же "Опыт сравнения ностратических языков", Москва 1971 — 80 гг.; он же "Соответствие смычных в ностратических языках", Москва, 1968, а также различные публикации итальянского лингвиста A.Trombetti.

50

H.Wirth " Aufgang der Menschheit", указ. соч., и "Heilige Urshrift der Menshheit", указ. соч.

51

Русское слово «год» изначально этимологически означало «подходящий», «достойный», отсюда слова «годный», «угодный», «пригодный», «выгодный», «годиться»; родственно готскому «guots», древне-верхне-немецкому «guot» — «добрый», «благой», «хороший». Следовательно, в русском языке изначально заложено представление о Годе как о Благе, т. е. как об этическом, качественном понятии, а не о количественной единице измерения времени. Поразительно также, что часто используемое Виртом выражение «Gottesjahr» — "Божий Год" — содержится в одном русском слове «год», если, конечно, принять спорную этимологически, но саму собой напрашивающуюся параллель между словами Gut ("благо") и Gott ("бог").

52

См. Bal Ganadhar Tilak "Arctic home in Vedas", указ. соч.; он же «Orion», Poona, 1955; G.Georgel "Les quatres ages de l'humanite", "Les rythmes dans l'histoire", указ. соч.; J.Evola "La rivolta contro il mondo moderno",указ. соч.; R.Guйnon "Les Formes traditionnelles et les cycles cosmiques", указ. соч.; он же "Le Roi du monde", указ. соч.; H.Wirth " Aufgang der Menschheit", указ. соч., и "Heilige Urshrift der Menshheit", указ. соч.; А.Дугин "Гипериборейская теория", указ. соч.

53

R.Guйnon "Les Formes traditionnelles et les cycles cosmiques", указ. соч.

54

См. "Метафизика Благой Вести" гл. 37

55

Эта двойственность может быть выражена самыми разнообразными символическими методами и запечатлена в специфике мифологических сюжетов. Иногда, как в случае латинского Януса, это подчеркивается наличием двух голов, в другом случае мы имеем дело с мифом о близнецах или просто двух братьях (двух сестрах). Иногда двойственность акцентирована в самой симметрии человеческой фигуры (две руки, две ноги, два глаза, два уха, две ноздри и т. д.). Причем часто эта понятая символически двойственность акцентируется именно через ее утрату. Отсюда целая чреда мифологических калек, играющих столь важную роль в сакральных сюжетах, связанных, особо, с зимой, второй половиной года и испытаниями Героя в нижней области Года, в регионах мрака. Так, хромота (дьявола), кривизна (дадджала, «антихриста» в исламской эсхатологии), однорукость (скандинавского Тюра) и т. д. являются характерными признаками расщепления двойственности, что обратным образом указывает на благодатный, сакральный характер того, кто этой двойственностью наделен и кто ее сохраняет. И напротив, сохранение двойственности, акцентируемая часто у негативных (а значит, архаических) мифологических персонажей (например, драконы Кока и Викока в Калки-Пуране, смотрящие друг на друга и от этого остающиеся бессмертными), является признаком сакральной значимости. Вообще все мифологические мотивы, в которых участвует пара подобных существ, предметов, людей или зверей, происходят из этой изначальной культовой концепции позитивности двухчастного единства (Года, самого космического Спасителя, мира и т. д.) и негативности его утраты.

56

Слово «целый», родственное «Heil», дало также русский глагол «целовать», означавшее изначально «приветствовать», "желать

блага", а значит, «цельности». Выражение «Heil» было приветствием и у германцев.

57

В этом отношении в высшей степени важно мнение Вирта: "Если мы продолжим наши исследования в предыстории Палестины, мы увидим непрерывную цепь передачи северо-атлантической культовой символики на этой земле, которая через древне-аморейскую культуру перешла к иудеям. Если мы двинемся еще ближе к нам, то сможем увидеть, разбирая символику раннехристианской "могильной лампады" из Гецера, что учение о Сыне Божьем, «Господе», "Свете Мира" было возрождением прадревнего народного верования людей Запада, страны вечера, страны Матери."

58

Этимологически русское слово «стрела» родственно готскому «stral», т. е. «луч», а значит, она определенным образом имеет связь с идеей Света. Луч, в данном случае, так же однонаправлен, как и стрела (в отличие от прямой черты). С другой стороны, орудие, сопряженное со стрелой — лук странно созвучно индоевропейским корням, также обозначающим «свет» — латинское «lux», греческое «leikos» ("светлый"), немецкое «Licht»; кстати, русское «луч» относится сюда же. Некоторые лингвисты признавали возможность такой этимологической связи, хотя Фасмер ее и отрицает. Если в данном случае проблематична чисто этимологическая связь, налицо фонетическое, концептуальное и мифологически-культовое родство. Можно добавить также, что греки изображали созвездие Стрельца (кстати, его астрологический знак вариация Tiu — t) в виде кентавра, натягивающего лук. Фигура кентавра подчеркивает двойственность природ, характерную для космического Спасителя, что снова подтверждает неслучайность всех этих символических и идеографических соответствий.

59

Любопытно отметить сходство латинского «Longinus», Лонгин, имя собственное, этимологически восходящее к слову «длинный»,

и «lanceo» — «копье», "пика".

60

Показательно, что такой же дуализм относительно тематики «брака», «любви» существует и в христианской традиции, где божественная Любовь, Бог-Любовь и брачный евангельский символизм (Христос как Жених, души верных как девы, уготованные для брака) сочетаются с жестко аскетической практикой и этикой умерщвления эротических импульсов в телесно-сентиментальном аспекте.

61

Созвездие Ориона играет ключевую роль в той части Традиции, которая занимается большими вселенскими циклами, сопоставимыми с прецессионными смещениями точек солнцестояний и равноденствий относительно неподвижных созвездий. По этому поводу см. А. Дугин "Пути Абсолюта", "Гиперборейская теория" указ. соч., "Тамплиеры Пролетариата", Москва, 1997 (глава "Орион или заговор героев").

62

Остальные два: первый "froys att", второй "hagals att".

63

"Tau" — священный знак тамплиеров, а основная их эмблема — два всадника на одной лошади.

64

Вирт указывает на родство архаической культовой формулы «tan» с серией слов, означающих «камень» в германских языках — «stan», «stone», «Stein» и т. д. Смысловое сближение основано на идее того, что зимнее солнцестояние — нижняя точка года, неподвижная и центральная как камень, а также тяжелая, к ней тяго-

теет весь Год, точка гравитации, уплотнения бытия. В русском языке этому корню этимологически соответствует слово «стена». Возможно, что сюда же относится и слово «тень» (зима на полюсе время темноты, "тени"). Не исключено, что древнеперсидское слово «tan», «тело» некогда связывалось с этим смысловым комплексом — тело как наиболее плотная, тяжелая, теневая, «минеральная» составляющая живых существ. Русское «тело» имеет то же значение, оно родственно слову «тло», т. е. «дно», «низ» (откуда «утлый», «плохой», «низкий» и т. д.

65

От той же формулы «Burg», «город», «Berg», «гора» и т. д. Заметим, что и в русском, где b-r перешло в g-r сохранилась этимологическая связь между словами «город», «гора», «огораживать», т. е. от возвышенности в виде (b), изначальной «горы», осуществлен переход к ограждению и к обозначению того, что огорожено — городу или к совокупности выдающихся вверх объектов (другое объяснение слова «город» — множество нагороженных строений). Любопытно также, что подобная аналогия прослеживается между немецким «Brust», ("грудь", "женская грудь"), — а это слово Вирт считает происходящим из визуально сходства иероглифа двух гор и формы женской груди, т. е. от той же формулы «bi-ur» ("Burg") — и русским «грудь», с такими же согласными как и в слове «гора». Змей Горыныч, персонаж русских сказок, есть никто иной как иероглиф свернувшейся, спиралевидной траектории солнца между двух гор, двух солнцестоянческих дуг. Возможно, что на каком-то этапе Змей Горыныч был просто синонимом дуги, ur, u, т. е. Змеем-Горой. Негативность его функций в волшебной сказке является следствием его связи с зимой и солнцестоянием.

66

Славянское божество Велес есть ничто иное как развитие фонемы «Ul» с затвердевшим «в». Отсюда и вся специфика его мифологических действий, в которых запечатлена идея его связи с землей, с водой, с нижними регионами творения (=Года), его змеивидность, близость к животным ("скотий бог") и т. д. Борьба Велеса с Перуном (Перун ранее имел иное имя, скорее всего связанное с корнем «Il», так как его символические действия ближе всего к летнему — после летнего солнцестояния — периоду года, соответ-

ствующему идеограммам «ilx» (картинка — стрелы Перуна) и «sig» (s) есть типологизация и мифологизация соотношений лета и зимы, неба и земли, что на изначальном культовом языке выражалось как переход il в ul или их диалектические взаимоотношения. Можно сказать, что речь идет о описании движения Tiu по нисходящей дуге Года — Il-Перун (Tiu в начале спуска) поражает молнией Велеса-быка (Tiu в конце спуска), подобно тому, как в скандинавской Эдде Один (Tiu как odal, wuotan) подвесил сам себя на копье (тоже Tiu!) на Мировом Древе (и это Tiu!!!) в жертву самому себе. В изначальном космическом видении гиперборейской расы нет строго дуалистического деления — это нордическая полярная диалектика, где жизнь переходит в смерть, чтобы стать воскресением, а страдание и холод ночи несут в себе же самих пылающую роскошь весны. Мир, населенный Божиим Духом, есть сцена непрерывных сакральных метаморфоз, диалектического становления. Не случайно немецкий философ Гегель (Hegel), развивший диалектику, носил сакральную фамилию, восходящую к Hagal, к руне святости (heilig), непрерывного вращения Года, божественного становления Света.

67

С этой календарной спецификой волка связан древний русский обычай переодеваться на зимние святки (т. е. перед зимним солнцестоянием) в волчьи шкуры. Отсюда же и приобретшие со временем демонический характер истории о «волкодлаках», «оборотнях», «ликантропах», «человеко-волках» и «вампирах». В основе всего идея о восстании солнца из могилы зимы, из чрева волчьей пасти. Выходящий из пасти волка солнечный свет дает образ получеловека (синоним Света) — полуволка (синоним зимы). Как и многие другие дохристианские сакральные сюжеты, мотивы волкодлаков, вурдалаков, упырей приобрели отрицательные, инфернальные черты.

68

Появление звука «Ка» в сочетании «beork» объясняется предвосхищением весеннего воскрешения солнца уже осенью. (См. следующую часть.) По этой же логике солнцестоянческая дуга, «ur», устойчиво называется в некоторых культурах «ku», что «календарно» означает: "воскресающий Сын Божий в пещере", "под землей" и т. д.

69

Возможно, с формулой «b-r-g» связаны русские слова «берег» и «беречь». Здесь — смысловой перенос от изначального значения «гора», b-r, как возвышенность, на то, что за этой возвышенностью «сберегается», «скрывается», «прячется». Не исключено, что славянские языческие «берегини» были изначально не названием демонических существ, но мифологизированными древними жрицами, которые, по Вирту, осуществляли важнейшие сакральные функции в изначальной нордической цивилизации, а отправлялись важнейшие культы этой цивилизации в урочищах (урочище — от ur!), имевших имена близкие к bi-ur или bi-urka. Сама по себе нижняя часть года была связана с женским началом: в «Мать-Сыру-Землю» сходили умершие (повторяя зимний путь солнца), чтобы снова родиться из ее священного чрева. Соответственно, и в человеческом обществе над сакральными алтарями — дольменами, менгирами, капищами — отправляли культы Белые Девы, Матери, прототипы римских весталок. Сами же русалки — "подводные девы" — скорее всего являются фигурами, связанными с нижней, зимней половиной года и женским жречеством. Отсюда — "русалии".

70

См. предыдущую сноску

71

Русские слова «узел», «узы» и родственное им «вязать», возможно, восходят к той же формуле — os- и к той же идеограмме петли, odil. Петля имеет важнейшее значение в традиционном символизме. В самом христианстве Исус назван тем, кому дана власть "связывать и разрешать", т. е. затягивать бытийную петлю и ослаблять ее. Это имеет явную параллель с циклическим символизмом — стягивание петли (уз) равнозначно зимнему, "стужалому периоду Года (слово «стужать» в русском означало как раз «стягивать» — стужа, это "стягивание погоды", отсюда же и метафора «стужать» "быть одержимым злым духом", "etre hante" по-французски), а также человеческой смерти (откуда форма казни через удушение или повешение); разрешение соответствует весне, выпуску Света и тепла наружу, освобождение, "отпущение

грехов", "новое рождение", «воскрешение» и т. д. Петля в виде идеограммы odil — атрибут многих древних божеств, особенно она часто встречается в индуизме — у Шивы, Кали, Вишну, Брамы и т. д.

72

Не исключено, что сюда же относится с слово «снег», так как он связан с зимой, а следовательно с идеограммой зимы — ing.

73

Иезекииль I,22, 26, 29; 10 и I,18–20.

74

Бытие III, 24

75

Исход XXV, 8

76

Исход XXXVI, 35